

Татьяна Серганова

Бывшие, или У любви другие планы

Глава Первая. Вечер перед свадьбой

— Селина, милая, я удивлена твоему спокойствию и хладнокровию, — проворковала Мергери, обмахиваясь роскошным веером из разноцветных перьев птицы фольк*.

Девушка то и дело бросала красноречивые взгляды в сторону стоящей совсем недалеко группы молодых людей и обмахивалась всё сильнее. Я тоже посещала уроки мадам Фонрау и отлично знала, что означают эти игры с пернатым аксессуаром, который был щедро украшен полудрагоценными камнями, сияющими не хуже настоящих. Проблема была в том, что мужчины этих уроков не посещали и в точности определить намерения не могли. Но, несмотря на это, посыл чувствовали и глядели в сторону Мергери не менее заинтересованно.

Что ж, девушка прибыла сюда с одной только целью: найти подходящего жениха, достойного особы, обладающей искрой. Думаю, за этим дело не станет.

— Придёт твоя очередь выходить замуж, тогда и поймёшь, что я сейчас испытываю, — отозвалась я.

Глубоко вздохнув, насколько это было возможно из-за тугого корсета, тоже быстро осмотрела огромный бальный зал, освещенный сотнями свечей, которые украшали многоярусную люстру на потолке, и привычно нашла взглядом Эйдана, чтобы закончить:

— Усталость. И ничего кроме усталости, Мергери. По правде говоря, всё это страшно выматывает.

Мой будущий супруг стоял в другом конце зала в окружении лучших друзей, представляющих высшую знать Ванагории. Они о чём-то переговаривались, хлопали друга по плечу и смеялись.

Эйдан сразу почувствовал мой взгляд, повернул голову и нежно улыбнулся, приподнимая уголки чувственных губ. Даже на таком расстоянии, когда обзору мешали снующие туда-сюда гости, я не могла не заметить теплоту его взгляда.

Волна счастья заполнила сердце, и я улыбнулась в ответ, ощущая, как вспыхивают щеки от смущения.

По правилам этикета Ванагории, будущие супруги во время бала накануне свадьбы не должны были подходить друг к другу ближе чем на метр. Разговаривать тоже запрещалось. Исключение составлял лишь один единственный танец, который объявлялся перед нашим уходом с праздника.

Как же это было сложно — находиться так близко и в то же время далеко. Улыбаться, разговаривать, а самой думать о том, что должно вскоре произойти.

И скучать. Эйдан помогал мне свыкнуться с мыслью, что наша свадьба уже совсем скоро, поддерживал во всем и украшал своим присутствием каждый день. Самый завидный жених Ванагории выбрал меня. И пусть о нашем браке родители договорились несколько лет назад, я знала, что на самом деле небезразлична виконту Санроу, и дело совсем не в искре. Знала и до сих пор не могла поверить своему счастью.

— А как же предвкушение? — вырвала из размышлений Мергери, переведя взгляд на меня. — Страх и волнение перед завтрашней ночью? Или она будет не такой уж и первой?

Фиалковые глаза жадно загорелись на красивом кукольном личике, а сама девушка подобралась, ожидая новой порции сплетен. Но я слишком хорошо знала дорогую подругу, она же бывшая соседка по комнате в общежитии академии, чтобы умело держать язык за зубами, выдавая информацию строго дозированно.

— Ты же отлично знаешь, — спокойно ответила ей, привычно убирая тёмный локон за ушко, — как я провела эти пять месяцев после выпуска. В беготне и подготовке, полностью погрузившись в предсвадебные хлопоты. Этот выбор цвета салфеток между «невинное утро» и «мимолетное мгновение» мне снится в кошмарах. Я так и не поняла, чем они отличаются.

— «Мгновение» чуть темнее, — пояснила Мери, которая, в отличие от меня, обожала эти тонкости и нюансы.

— Ох, не напоминай мне. Я даже похудела на пять килограмм. Если бы ты слышала, как ругалась миссис Томсон на последней примерке. Ей вновь пришлось ушивать платья.

Наверное, не стоило поднимать эту тему. Вес для Мергери всегда был проблемой. Многочисленные диеты, срывы, истерики — сколько всего нам пришлось с Айолой выдержать за пять лет учёбы.

С Айолой Белфор, третьей девушкой из нашей комнаты, мы были ближе. Мне было так жаль, что подруга не смогла приехать на торжество. Путь из северного княжества Изгар длительный и очень сложный, занимающий не одну неделю. С ноября по март из-за повышенного риска схода лавин мало кто рисковал пересечь ущелье Анагорских гор по единственной дороге, соединяющей заснеженное княжество с остальным миром. Но Айола обещала приехать в гости весной, когда растает снег, и погостить целый месяц. Мы не виделись уже пять месяцев, и я страшно скучала по подруге и нашим разговорам. Почта между странами работала отвратительно, и за всё время я получила всего три письма.

— Селина, я не об этом.

— О чём тогда? — равнодушно спросила у неё и повернулась в сторону проходящего мимо лакея, на серебряном блюде которого стояли красивые пирожные, аккуратно упакованные в бумажные розетки, чтобы не испачкать сладкоежек вроде меня.

Мои любимые корзинки из песочного теста с ягодно-фруктовой начинкой, тонким слоем желе, обжаренными орешками и взбитыми сливками, посыпанные сверху невесомой стружкой из шоколада высочайшего качества. Франк, наш повар, сделал их специально для меня.

— Хочу побаловать юную госпожу её любимым десертом. Совсем скоро она покинет отчий дом, — заявил мужчина неделю назад, когда мы с матушкой утверждали окончательный перечень блюд для праздничного бала накануне свадьбы.

Я тогда растрогалась чуть ли не до слёз. Франк всегда меня баловал, сколько я себя помнила. У пожилого сангорианца каждый раз находился леденец, конфета или ароматный, румяный пирожок. А еще он спасал меня от нападок Лео. Старший братец всегда был большим выдумщиком на всякого рода проказы и издевательства. Особенно когда к нему присоединялся лучший друг Мартин Контэ.

— Я удивлена твоему самообладанию в связи с приездом в Ванагорию герцога Архольда.

Рука едва заметно дрогнула, когда я тянулась за пирожным. Но у меня была целая секунда, чтобы вернуть на лицо спокойное выражение и невозмутимо ответить подруге:

— Разве Архольд здесь?

Всё-таки годы тренировок научили меня держать лицо, как подобает истинной леди Торнтон.

— О-о-о, — протянула Мергери и принялась интенсивнее обмахиваться веером, обдувая ветерком и меня. — Так ты не знала? Надо же. Да, он прибыл с дипломатической миссией около недели назад.

О прибытии очередной дипмиссии из Сангории я слышала. Долгожданный и выстраданный мирный договор между двумя странами поставил точку на тридцатилетней вражде и служил чем-то вроде нового витка отношений. Но вот о том, что среди них будет Архольд, я не подозревала.

Удивляло другое: почему мне не рассказал об этом Лео или родители? Они ведь точно знали о его присутствии. Не хотели добавлять новых хлопот перед свадьбой или просто пытались скрыть?

А следом пришла и другая мысль. А знает ли Эйдан? Встречался ли он с Архольдом? Хотя это не имеет никакого значения. И сомневаюсь, что герцог еще помнит о моём

существовании. Как бы горько это ни звучало, но я очень на это рассчитывала.

— Этого следовало ожидать. Архольд — известная семья в Сангории. Логично, что он тоже участвует в обсуждении мирного соглашения.

Есть больше не хотелось, и я пыталась придумать, куда бы деть пирожное. Как назло, рядом не было ни одного лакея.

— Он снял особняк на Таргар-роу. Ну, ты помнишь это помпезное здание с огромными колоннами, облицованное жутким зелёным мрамором, как раз напротив входа в Гарет-парк.

— Помню, конечно. Отличный выбор, под стать титулу герцога и его положению, и до министерства недалеко.

Этот разговор стал утомлять. В зале было нестерпимо душно, хотелось выйти на балкон и глотнуть свежего морозного воздуха с ароматом угасшей листвы, но Мери упорно продолжала ворковать, хищно наблюдая за мной, ловя каждый жест и движение.

— Мы были у него два дня назад на большом музыкальном вечере. Он изменился. Дерек и раньше был хорош собой, но сейчас... — девушка закатила глазки, и выражение на лице было такое противно-сладкое. — Еще немного, и Архольд потеснит твоего Эйдана на пьедестале первого красавца Ванагории. Странно только, что тебя не проинформировали о его приезде.

— Не вижу ничего странного, — я огляделась и наткнулась взглядом на столик с пуншем. Страшно захотелось пить, и повод сбежать от настырной подружки преотличный.

— Ну как же, — хмыкнула она, сложив веер и постукивая им по раскрытой ладони. — У вас же была история.

— Что? — я резко повернулась к ней, едва не роняя на пол несчастное пирожное, моментально утратив дружелюбие и благодушие. Тяжелые серьги больно оттянули уши, и косточки корсета весьма ощутимо впелись под ребра, вышибая воздух из лёгких. Еще немного, и я просто потеряю сознание от этой духоты. Надо бы успокоиться, нельзя допустить скандала в такой день. — Что ты сейчас сказала?

— Ох, Селина, брось, это же все видели, — фыркнула Мергери, растянув губы в фальшивой улыбке.

— Между мной и герцогом Архольдом никогда ничего не было, — четко и кратко ответила ей.

— А между тобой и Дерекком Корвиллом? Ведь титул Архольда он получил всего два года назад.

— Мне всё равно, Мери, — я пожала плечами. — Я четыре года не видела Корвила или Архольда и видеть не горю желанием. Мои мысли сейчас заняты другим.

— А Эйдан знает? — не отставала она.

— Ему нечего знать, потому что ничего и не было, — отрезала я, пристально взглянув на девушку. — Надеюсь, это понятно?

— Как скажешь, дорогая. Как скажешь, — тут же пошла на попятную подруга, не решаясь открыто враждовать со мной.

Мергери, несмотря на искру, всё еще оставалась дочерью мелкого барона с юга Ванагории и оказалась на этом празднике лишь благодаря нашему знакомству. Она не могла не понимать, что моя семья имела слишком большой вес в обществе. И открыто никогда бы не стала конфликтовать, зная, что при желании мы могли её просто уничтожить, лишив шанса на выгодную партию и вхождение в высший свет Ванагории. А аристократия всегда придавала слишком большое значение титулам, землям и связям.

Но я не желала зла Мери и поэтому попыталась сгладить ситуацию, сделав вид, что ничего особенного не произошло и её слова меня нисколько не задели.

— Хочется пить, — вручив проходившему мимо лакею пирожное, спокойно произнесла я. — Здесь так душно. Пойду налью себе пунаша.

И, не дожидаясь ответа, направилась в сторону столика у окна. Но дойти до него мне было не суждено.

— Карабеска! — громко произнёс мажордом.

И все взгляды в одно мгновение обратились в мою сторону.

Традиционный танец, который играли лишь в двух случаях: вечером перед свадьбой и на самом торжестве. Единственная возможность жениха и невесты побыть рядом накануне знаменательного праздника. Действо, которое позволялось лишь мужу и жене, таким откровенным по меркам общества оно было.

Вытерев внезапно взмокшие ладони о ткань нежно-голубого платья, я улыбнулась, выпрямила спину и медленно направилась к середине зала, где меня уже ждал Эйдан.

Как же тяжело дался мне этот путь. Каждый взгляд давил, и так сложно было не оступиться на шатких каблуках. Но я шла.

Сейчас мне предстояло в первый раз в жизни танцевать карабеску на глазах сотни приглашенных гостей. Первый, но не последний. Уже завтра, в это же время, мы вновь будем его танцевать, но как виконт и виконтесса Сарлоу. Танцевать, чтобы потом под радостный гомон и поздравления отправиться в спальню, став полноценными мужем и женой.

Вновь вспыхнули щеки. Но это было единственное свидетельство моего смущения и какого-то суеверного страха.

Короткий взгляд в сторону двери, будто я ожидала увидеть там знакомую мужскую фигуру. Но ничего и никого, кто бы мог испортить мне праздник. Чего и следовало ожидать. Архольда никогда не пропустят на землю Торнтонов.

Улыбка не сходила с лица, когда, присев в реверансе, я замерла рядом с женихом. Мы стояли на небольшом расстоянии вполоборота друг к другу, смотря глаза в глаза.

Я даже забыла, что мы здесь не одни и за нами наблюдают сотни любопытных глаз.

Зазвучали первые робкие звуки скрипки. Тоскливо-нежные, они будили внутри что-то невероятное, нежное, щемящее, грусть по уходящему вперемешку с радостью грядущего.

Мне так хотелось прыгать, плясать, кружиться в танце. Но мы лишь синхронно подняли левые руки вверх, соприкасаясь запястьями. Моя правая рука осталась вдоль тела, придерживая подол пышного платья, в то время как его бережно легла на спину, обхватив меня за талию. Сквозь ткань я чувствовала, какой горячей была ладонь Эйдана, и снова вспыхнула от смущения.

Мы сделали небольшой круг на месте.

К скрипкам присоединилась виолончель. Еще один круг, только в другую сторону. Я, задержав дыхание, позволяла вести себя, неотрывно смотря в ярко-голубые глаза Эйдана и улыбаясь.

Моя рука была еще наверху, когда ладонь мужчины мягко скользнула вниз, касаясь в мимолётной ласке горящих щек. После чего мужчина бережно взял мою ладошку и опустил её вниз.

Теперь играли духовые, мы развернулись и застыли друг напротив друга, лицом к лицу. Нежное поглаживание большого пальца, ласкающего кисть руки. Разворот, и я оказалась прижата спиной к сильной груди, робко накрыв ладонями его руки, лежащие на моём животе. В таком положении мы сделали синхронно шаг назад, потом в сторону и вперёд, затем повторили то же самое, только в другую сторону.

Каждое движение мужчины остро ощущалось. Наши ноги переплетались, и присутствие

жениха было таким ярким, что я едва могла дышать. От этой нечаянной интимной близости в горле пересохло и еще сильнее захотелось пить.

Резкий разворот, шорох моих многочисленных юбок, которые ударили нам по ногам, и мы в исходной позиции, вновь друг напротив друга.

Громко простонала скрипка, и я взмыла вверх, не в силах сдержать тихого смеха, выгибаясь в спине, когда Эйдан поднял меня над полом и закружил.

Опускалась я дольше, скользя по сильному телу, кусая губы и задержав дыхание, когда глаза жениха, которые находились так близко к моим, неожиданно стали темными и опасными.

Снова духовые, и мы закружились по залу, пытаюсь восстановить дыхание и прийти в себя после чувственной близости.

Раз-два-три... раз-два-три...

Незаметно к нам присоединяются сначала наши родители, затем и другие супружеские пары. Карабеска — танец нежности, привязанности, любви и доверия.

Танец-обещание. Того, что случится совсем скоро. Теперь я как никогда понимала смысл этого действия. Столько раз стояла в толпе гостей, смотрела на танцующие пары, но не понимала.

Все тревоги и сомнения отступили, боль от узких туфель и давящего корсета тоже пропала. Я сейчас была просто счастливой беззаботной невестой в руках самого лучшего мужчины на свете.

— Селина, — выдохнул Эйдан, когда я во второй раз медленно опустилась вниз, лукаво сверкая глазами. Его голос был таким тихим и проникновенным, что по телу прошла дрожь. — Как же я соскучился. Смотреть на тебя весь этот вечер. Видеть твою улыбку, адресованную не мне. Слышать смех и не иметь возможности подойти. Коснуться.

— Таков обычай, — отступая на шаг, ответила ему, а голос тоже сел и был чужим, не моим.

Мы вновь кружили по залу. Лица гостей казались размытым пятном. Сейчас существовали лишь мы и это безумное притяжение, которое сияло между нами, как пробужденная искра — ярко, волшебным и неукротимо.

— Завтра, — от его многообещающей улыбки сердце ухнуло вниз.

— Завтра, — кивнула в ответ.

— Моя. Только моя.

— Конечно, твоя, — ответила ему, старательно прогоняя назад червячок сомнения, который вновь проснулся у сердца и завозился, напоминая о прошлых ошибках.

Карабеска — заключительный танец для жениха и невесты, после которого они обязаны вернуться каждый в свои покои и лечь спать. Это гости могли веселиться хоть до поздней ночи, попивая пунш и дорогое вино из виноградников Корлии, солнечной страны в Тихой бухте, а нам завтра на рассвете надо явиться в храм Великих, чтобы совершить первый обряд вступления в брачный союз.

Лишь только отзвучали последние аккорды мелодии, как ко мне подошел Леонард. Брат взял меня за руку и потянул на себя.

— Нам пора, Селия, — безапелляционно заявил молодой человек.

— Конечно, — я и не думала спорить.

Сил почти не осталось, слишком тяжелой была эта неделя, и сейчас больше всего на свете хотелось вернуться в свои покои, принять ванну и лечь спать.

— До завтра, — улыбнулся Эйдан, отвесив мне поклон. — Я буду считать часы.

— Ия, — только успела прошептать жениху, как Лео развернул меня и потащил с центра зала.

Брат был выше на целую голову, и шаг у него был шире, плюс на мне были неудобные туфли и корсет болезненно давил на грудь, так что я едва за ним поспевала, задыхаясь и скользя на гладком мраморном полу.

— Можно помедленнее, — процедила я, как только мы вышли в коридор и направились к центральной лестнице.

— Мне велено доставить тебя к матери, этим я и занимаюсь.

— Что совершенно не мешает тебе быть хоть немного вежливее. Так не терпится от меня избавиться? Осталось совсем немного времени.

— Не болтай глупостей. Мне всё равно.

Я промолчала, мысленно фыркнув.

Конечно, всё равно. Леонард был истинным ванагорийским аристократом, а те отличались холодностью, надменностью и проклятой самоуверенностью. Просто удивительно, как Эйдан смог вырасти другим среди этого окружения. Мне помогла учёба в Высшей Академии Искрящих. Именно там мне показали уникальность каждого. Совсем неважно, из какой страны человек и какое место занимал в обществе, искра делала нас всех равными.

— Ты знал, что Архольд здесь? — неожиданно спросила я.

Лео затормозил, и я едва не упала от неожиданности, скользя на каблуках.

— Онс тобой связался? — безжалостно хватая меня и разворачивая, словно куклу, спросил брат.

— Вот еще. Я не видела его все эти годы. Мне только что сообщила об этом Мергери. И пусть, ты делаешь мне больно, — вскрикнула я, когда его пальцы особенно сильно впились в плечи, сжимая, а жгучий взгляд пробирал до самых костей. — Лео, прекрати, еще синяки останутся.

Брат некоторое время внимательно изучал меня холодными светло-голубыми глазами, а потом кивнул чему-то, и мы продолжили путь.

— Архольд участвует в обсуждении мирного договора, — произнёс он, когда мы стали подниматься на второй этаж по широкой лестнице, укрытой алым ковром ручной работы. Родители никогда не экономили на блеске.

Дальше — прямо по коридору, в левое крыло, где была еще одна более скромного вида лестница, ведущая на третий этаж, где и располагались мои отдельные покои.

— Почему мне не сказали?

— А разве это важно?

Снова пронизательный взгляд в мою сторону, но я равнодушно пожала плечами.

— Нет. Но было бы неловко случайно встретиться с ним в столице.

От одной только мысли меня бросило в дрожь.

— Ты все дни была занята подготовкой к свадьбе. Встречи не будет ни сейчас, ни после. Эйдан не позволит.

Я снова чуть не споткнулась, прижимая свободную ладошку к груди.

— Он знает?

— Виконт знает, что Архольд доставал тебя во время учебы в Академии, и ты, помня о тех неприятностях, совершенно не хочешь его видеть. Разве это не так?

— Так.

Мы подошли к лестнице, где нас уже ждала матушка.

— Невеста доставлена в целостности и сохранности, — криво усмехнулся Леонардо и быстро зашагал обратно, даже не попрощавшись.

Я бросила в его спину злой взгляд, желая ему гореть в бездне или влюбиться. Вот бы посмотреть, как его будет мучить сердечная мука. Но всё было зря.

Такие, как Леонард Торнтон, не умели любить. Архольд был такой же. Жаль, что я поняла это слишком поздно.

— Какая вы очаровательная пара, — щебетала матушка, провожая меня оставшийся путь в покои. — Эйдан так смотрел на тебя, дорогая. Уверена, что ты будешь счастлива. Он сделает тебя счастливой.

— Конечно, матушка. Я тоже не сомневаюсь в этом, — первой входя в личную гостиную, а затем и в спальню, произнесла я.

В углу уже горел камин, оранжевым светом освещая большую комнату и согревая своим первобытным теплом. И пусть дом согревался паровым котлом в подвале, я любила смотреть на огонь холодными вечерами, чувствуя некую родственность между нами.

— Кто бы мог подумать. Моя крошка выходит замуж, — матушка неловко сжимала в руке белоснежный платок с вышитой монограммой нашего рода и тяжело вздыхала. Её припудренные кудряшки золотистого цвета согласно подпрыгивали, обрамляя совершенное лицо с молочной кожей и светло-голубыми глазами. — Ведь только совсем недавно ты была таким очаровательным младенцем с ямочками на щеках и тёмными кудряшками.

— Самой не верится.

Я не спеша подошла к трюмо и принялась вытаскивать из причёски шпильки, украшенные крохотными жемчужинками. От них страшно зудела кожа. Для полного счастья мне бы избавиться еще от корсета, но шнуровка сзади, и придётся ждать Конни.

— Мама, вызовите, пожалуйста, горничную.

— Позже, — немного нервно ответила она, подходя к узкому высокому окну, стекло которого уже покрылось тонким слоем инея. — Нам надо поговорить.

Я взглянула на зеркало, находя в нём отражение матушки. Леди Торнтон повела плечами, будто ей стало холодно, хотя в спальне было тепло, и, отойдя от окна, села на софу, дрожащими пальцами расправляя золотистую юбку своего пышного платья. Она явно нервничала, разительно отличаясь от привычного образа идеальной леди, которой мы все привыкли её видеть.

— О чём? — спросила я у неё.

Найдя замок на тяжелом ожерелье из сапфиров и изумрудов, я сняла его с груди и положила в шкатулку. Туда же отправились серьги, которые порядочно оттянули мне уши.

— О завтрашнем дне. Точнее, ночи. Завтра ты станешь женой Эйдана.

И только сейчас я поняла, о чём именно собирается с духом поведать мне матушка.

— Я знаю, — потирая мочки ушей, ответила ей. — Если ты собираешься посвятить меня в вопросы исполнения супружеского долга, то не стоит. Я знаю, что происходит между мужем и женой за закрытыми дверями спальни.

— Знаешь? — побелела матушка. — Вы с виконтом Санроу?...

О, Великие, какую же глупость я только что произнесла и как двусмысленно она звучала. Раньше я себе такого не позволяла. Видимо, сказала усталость.

Пришлось срочно успокаивать родительницу. Я быстро подошла к софе и села рядом, бережно взяв женщину за руку.

— Матушка, я провела пять лет в Академии. А там проходили обучение самые разные люди, и обычаи у них были разными. Искра проявляется у всех, независимо от положения и статуса. Так что в особенности супружеской жизни меня посвятили. На словах.

Я не стала рассказывать ей о том, что Мергери, которая так понравилась ей при первом знакомстве, за эти годы успела сменить трёх любовников. А женщины из кочевых племён, которые блуждали по бескрайним Заорийским степям, считали невинность глупостью и стремились от неё избавиться, как только у них начинались «краски». Существовали даже специальные конкурсы для проведения обряда. Хунран, одна из таких девушек, рассказывала, что сама лично устанавливала правила — тот, кто сможет обогнать её, и станет первым мужчиной. А, надо сказать, для своего юного возраста бегала она очень быстро и с гордостью сообщила, что поддалась понравившемуся юноше из соседнего племени. Там среди степей на голой земле они и отпраздновали его победу. Кочевники поклонялись богу Вишу, и свадебных обрядов у них как таковых не было. Замужней женщина, сменившая не один десяток любовников, становилась только когда рожала ребёнка. Тогда её беззаботная жизнь заканчивалась, и она входила в семью отца ребёнка. Если знала, кто он. Иногда отцом признавали её последнего мужчину.

А еще в Академии учились три девушки из Эмиратов Барху — это были несколько государств, расположенных на Южном полуострове, живущих крайне закрыто и обособленно. Климат там был суровый: песчаные дюны, небольшие клочки зелёной земли, скудные запасы пресной воды и невыносимая жара.

Девушки были очень красивые — худенькие, небольшого роста, смуглые, черноглазые, быстрые и не улыбкающие. Одежда на них была необычная, состоящая из многослойных тканей, и очень много драгоценностей, которые они носили не снимая. Я думала, что это сёстры, пока Мергери меня не просветила.

— Это жёны султана Сулейна.

— Жены? — переспросила я, по-новому смотря вслед убегающим девушкам, которые после занятий всегда стремились как можно быстрее скрыться за дверью своей комнаты. — Все три?

— У султана их около ста и еще шесть сотен наложниц.

— Шесть сотен? — подобное просто в голове не укладывалось. — Но они... Они же даже младше нас, — шепотом сообщила я.

— Одна из них уже родила ребёнка и очень переживает, что вынуждена расстаться с малышом, хотя о нём в гареме заботятся.

— В гареме? Но это же дико!

— Они так не считают, — пожалала плечами Мергери. — И очень любят своего господина. Тоскуют, вынужденные исполнять его волю и учиться здесь. Хотя сомневаюсь, что они продержатся больше года. Научатся справляться с искрой, освоят элементарные знания и уйдут назад.

Подруга оказалась права. Сразу после первого курса жены султана исчезли из Академии. Больше до конца обучения жительниц Барху не было.

— Это всё северянка, — уверено заявила матушка, вырывая меня из воспоминаний, и неодобрительно поджала тонкие губы. — Бесстыдница. Но чего еще ждать от этой дикарки.

— Вы не правы, Айола тут не причём.

— Она изгарка, а у них на севере такие ужасы творятся. Кто знает, что там происходит за неприступными Анагорскими горами.

— Что не делает её хуже других, — поднимаясь с софы, ответила я и вновь подошла к

зеркалу, изучая отражение уставшей, но всё равно красивой девушки. — Айола с младенчества обречена и оставалась верна жениху все эти годы.

— Глупости. Для них это ничего не значит.

Но я знала, что это не так. И помнила, как год назад подруга плакала, получив письмо из дома, в котором говорилось, что её жених отправился на служение в специализированный отряд, который охотился на гуи.

Гуи — это человекоподобные существа под два метра ростом, мощные, с огромными лапами и покрытые жесткой белой шерстью, которая оберегала их от суровых морозов. Голова была маленькой, приплюснутой, а рот полон острых зубов, которые играючи рвали горло жертве. В Академии было чучело этого существа, и оно производило воистину ужасающее впечатление.

Гуи были людоедами, которые спускались с Северных гор и периодически нападали на селенья княжества. Служба в отряде была опасна, но очень высоко оплачивалась. Именно поэтому юноша и согласился на эту авантюру, мечтая обеспечить любимую всем необходимым.

— Я очень устала. Завтра рано вставать, — произнесла, не желая больше слышать несправедливые обвинения в адрес лучшей подруги.

— Да, милая, ты права, — матушка встала и направилась к выходу. — Я пришлю Конни. Тебе надо отдохнуть. Спокойной ночи, дорогая.

— Спокойной, — я села на пуфик и устало вздохнула.

Неужели этот день подошёл к концу?

Конни пришла через пару минут. Девушка помогла снять платье, расшнуровала корсет, давая мне вдохнуть полной грудью, едва не теряя сознание от такого количества свежего воздуха, разобрала сложную причёску, позволяя волосам тяжелой волной упасть на спину и плечи, и набрала воды для купания.

— Ванная готова, госпожа, — поклонившись, произнесла она.

— Спасибо.

Горячая ванна, от которой даже поднимался легкий дымок, с ароматной пышной пеной и озорными пузырьками манила. Шелковый халатик, скользнув вниз невесомым облаком, упал на пол, что был отделан белым мрамором с розовыми и серыми прожилками. С блаженным вздохом я забралась в воду, вздрагивая, когда она приятно обожгла чувствительную кожу. Расслабилась, откинула голову на бортик, закрывая глаза.

Защипали и заныли мышцы, напоминая о сложном дне. Болезненно зудели пальцы на ногах, стянутые неудобными, но красивыми туфлями, и еще очень хотелось спать.

Вода мелодично плескалась от малейшего движения, лаская кожу и даря необходимый покой уставшему телу. Сладкие ароматы масел щекотали нос и вызвали блаженную улыбку на губах.

Кажется, я даже немного задремала, наслаждаясь долгожданным покоем, когда в ванную комнату с мягкими пушистыми полотенцами и тёплым халатом вошла Конни.

— Госпожа, вам пора вставать.

— Спасибо, Конни, — я, ничуть не смущаясь собственной наготы, поднялась и осторожно ступила на пол, застывая и давая девушке возможность стереть с меня капли влаги.

Мы вернулись в комнату. Я привычно села на пуфик, лениво наблюдая в зеркале, как служанка умело расчёсывает мои волосы, и думала о том, что сегодня последняя ночь в этой спальне. Уже завтра всё изменится, и я стану виконтессой Сарлоу.

Хотела ли я этого? Да.

Странный блеск привлек моё внимание.

— Конни, — я встретилась в отражении с взглядом девушки. — А что там стоит на туалетном столике? Я не вижу.

— Ох, это, госпожа, — девушка радостно улыбнулась, отложила расчёску в сторону и бросилась к столику. — Это ваш подарок. Принесли только что. Вы только взгляните, какая прелесть.

Я видела. И чем ближе она подходила, тем бледнее становилась, раскрыв рот и пытаясь вдохнуть, будто рыба, выброшенная на берег.

Не может этого быть. Не может. Но глаза не обманывали.

Это была веточка жасмина. Искусно выполненная из драгоценных камней, золота и серебра веточка жасмина. Зелёный нефрит, кахолонг и прозрачный кварц. Она выглядела как настоящая. Даже лучше. Эта неправильность и искусственность приковывала взгляд, заставляла любоваться снова и снова. От нетерпения так хотелось коснуться её, провести пальцами, ощущая прохладу и гладкость камня, даже зудели подушечки пальцев. Никогда не видела столь искусной работы.

— Тут и записка для вас есть, — подходя ближе, произнесла Конни и протянула мне чёрную карточку с золотистым теснением.

А у меня не было сил отвести взгляд от веточки жасмина, которая красиво блестела в свете камина. Прошло несколько секунд, прежде чем я смогла опустить взгляд и прочитать:

«Удачи, Сэм!»

Всего два слова, но мне стало страшно, а сердце сжалось от гнева, боли и предчувствия надвигающей беды.

Дерек Корвил! Будь ты проклят! Ты всё-таки не забыл и нашел, чем меня достать!

фольк — огромная птица, обитающая в Заорийской степи, напоминающая что-то среднее между страусом и павлином, с длинными ногами, вытянутой шеей, крохотной головой и пышными разноцветными перьями, которые украшают её хвост и крылья.

Глава Вторая. В храме Великих

Несмотря на неожиданный подарок, надвигающуюся истерику и общее плохое самочувствие, уснула я довольно быстро. Только голова коснулась мягкой подушки, наволочки которой ненавязчиво пахли лавандой, как глаза закрылись сами собой, и я провалилась в крепкий сон.

Вопреки ожиданиям и тревогам, мне совершенно ничего не приснилось. Я не блуждала по длинным коридорам Академии, выискивая то, что на самом деле никогда мне не принадлежало; не бродила по огромным садам, задыхаясь от густого и навязчивого аромата цветущего жасмина; не рыдала в жалкой комнатёнке постоялого двора под пристальным и злым взглядом Леонарда. Всё это было в прошлом, забыто и надёжно похоронено. Просто темнота, которая поглотила разум, давая мне возможность отдохнуть и прийти в себя без лишних тревог и забот.

Закрывая глаза, я видела темноту осенней ночи. Лишь угли камина тлели, и периодически едва слышно трещали дрова. А когда открыла, то всё было таким же. Картинка совершенно не изменилась. Такое ощущение, что я вообще не ложилась, и общее самочувствие было соответствующим.

— Доброе утро, госпожа, уже пора вставать, — тихо произнесла Конни, которая продолжала касаться моего плеча.

— Уже? — прошептала я хриплым ото сна голосом и села в кровати, потирая глаза кулаками и стараясь сдержать рвущийся зевок.

Никогда не вставала так рано. Но уснуть уже не смогла бы, даже если бы захотела.

Этот день пришёл.

А дальше всё завертелось так быстро, что у меня не было времени подумать о веточке жасмина в своей спальне и о том, чем это может закончиться.

«Какая разница, — думала я. — Он ничего не сможет сделать, просто издевается. Дерек всегда любил надо мной издеваться и теперь поступил так же. Всё в прошлом и забыто».

Сначала была ванна. На этот раз вода была едва тёплая, совсем как в прохладных водах озера Гароу, расположенного в Нарговии совсем недалеко от академии Искрящих. По преданию, именно там совершили первое омовение Великие Отец и Мать.

Я вздрогнула, когда нежная кожа, еще теплая после мягкой постели, окунулась в прохладную воду. Но всё равно заставила себя сесть, обхватив плечи руками, склоняя голову и отчаянно кусая губы, чтобы не дрожать. В комнате пахло специальными маслами и благовониями. Запах был тяжелым и даже резким. От него кружилась голова и хотелось чихать. Но всё желание пропало, когда Конни начала медленно лить из ковша воду на мою голову.

На мгновение даже дыхание перехватило от холода, а зубы лязгнули в тишине. Я сжалась еще сильнее и впиалась ногтями в кожу на предплечьях.

«Так надо... надо... надо. Небольшое испытание перед грядущим».

Ковшей было ровно три.

После этого Конни сразу помогла мне выбраться, укутывая в тёплый халат и вручая небольшой стаканчик с кильяром*.

Горькая настойка обожгла гортань и вызвала неконтролируемый кашель. Да такой сильный, что у меня выступили слёзы на глазах. Зато сразу стало тепло, и я забыла о холодной ванне.

Короткий отдых, и пришла очередь причёски. Волосы оставались мокрыми, когда Конни заплела их в толстую косу, украшая жемчужными нитями, и надела на голову золотой обруч со священными письменами.

Когда с этим было покончено, в покои, предварительно постучав, вошла специально

нанятая хамиби — дородная женщина с удивительно тонкими пальцами. Мисс Понс была самой лучшей в столице свадебной художницей. Именно ей предстояло тоненькой кисточкой очень аккуратно нарисовать специальной хамой** на моих висках «узор невесты» — священные цветы и завитки, которые ленточкой соединялись на лбу и опускались к переносице затейливой капелькой.

Говорят, столетия назад узорами из хамы покрывали всё лицо невесты, делая его похожим на уродливую маску, чтобы злые духи не могли украсть её красоту и сглазить будущую счастливую жизнь с мужем. Сейчас украшались лишь виски. А также раньше девушки проходили первый свадебный обряд совершенно обнаженными. Лишь длинная ниточка речных жемчужин украшала их тело и венок из ярких дурманящих полевых цветов на голове.

Матушка называла это дикостью и тут же требовала принести нюхательные соли.

— Сейчас всё намного пристойнее. И слава Великим, — бормотала она, обмахиваясь веером. — Это же чудовищно. Без одежды, с какими-то бусиками. Ужасно. Варварство.

Моя одежда на это утро тоже была необычной и даже провокационной. Во-первых, никакого белья. Совсем. Ни сорочки, даже самой легкой из фреольского шелка, славящегося своей красотой и невесомостью, ни тем более панталон. Только я.

Лиф платья красивого молочного цвета, украшенный тонким кружевом и крохотными жемчужинками, плотно облегал грудь. Прозрачное кружево тонкими полосками поднималось вверх ажурными ляжками. Прямо от груди платье мягкими складками опускалось вниз до самого пола. Ни корсета, ни подъюбника — ничего. Я каждой клеточкой ощущала мягкость ткани и осознавала свою обнаженность и незащищенность. Знали об этом и остальные. Я даже представить боялась реакцию Эйдана. Боялась и в то же время предвкушала.

Завершали образ легкие туфельки без каблуков из белой кожи, украшенные искусственными цветами. Они были нужны мне лишь для того, чтобы добраться до храма и потом выйти оттуда. В священный сад входили без обуви.

— Вот и всё, госпожа, — прошептала Конни, застёгивая последнюю крохотную пуговичку за спиной. — Вы такая красивая.

— Спасибо.

Я смотрела на себя в зеркало и не узнавала.

— Нам пора идти, — прошептала девушка, подавая длинную, до пят, белую шубку с широким воротником, которая должна была скрыть меня от любопытных глаз.

Тоже дань традициям предков. Сомневаюсь, что в такую рань и темноту, когда до восхода оставалось еще больше часа, кто-то может разглядеть моё лицо.

Дом спал, и мы с Конни смогли беспрепятственно выйти на улицу через чёрный вход. Карета ждала нас у самого порога, но я всё равно успела замерзнуть. Или эта дрожь по телу была не от холода, а от предвкушения и ожидания.

Сказать сложно.

В карете меня уже ждали матушка и Леонард. Отец решил не ехать, сославшись на гостей, которых было необходимо развлекать. Но знала, что ему было просто незачем и неинтересно отправлять дочь в путь. Свой отцовский долг лорд Честей Торнтон выполнил, найдя мне хорошего жениха и обеспечив богатым приданым. Матушка, наверное, тоже бы осталась дома. Она очень не любила ранние подъемы, но её присутствие было обязательно. А Лео... Старший брат просто был, и причины его поступков знал лишь он сам.

— Вот и ты, дорогая, — улыбнулась родительница, хватая за руки, стоило мне сесть в карету и поудобнее расположиться в мягком кресле, положив ноги на укрытые горячие кирпичи, которые поставили специально для нас. — Волнуешься?

— Немного, — призналась я.

— Ничего. Сейчас пройдем первую церемонию в храме, получим благословение богов и вернемся домой. Тогда и начнется самый главный праздник, на котором ты будешь блистать.

— Да, я знаю, — ответила ей, совершенно никак не отреагировав на восторженные нотки в голосе матери и мечтательно заблестевшие глаза, и выглянула в окно.

Мимо нас проплывали лишённые листьев деревья. Киа готовилась к зиме, а природа к спячке.

Путь от нашего загородного поместья до главного столичного храма, расположенного на самой верхней точке столицы — крутом склоне, на вершине которого была еще резиденция королевской семьи, — занял приблизительно минут сорок. Уже светало, и я спокойно смогла взобраться по скользким от инея ступенькам, не рискуя при этом сломать себе шею.

В храм было три входа. Первый — самый главный, с широкой лестницей и высокими ступеньками, им ежедневно пользовались граждане, которые искали здесь покой, утешение или помощь у Богов. А по бокам было еще две не такие приметные двери, с восточной и западной стороны. Для невесты и жениха.

— Великие с нами, — прошептала я, почтительно склонив голову перед жрецом, который встречал нас у восточных дверей.

Невысокий седовласый мужчина с длинной окладистой бородой и в просторных одеяниях насыщенного желтого цвета с зелёной каймой кивнул в ответ, отвечая:

— Отныне и вовек. Здравствуй, дитя.

Я ступила ближе, беря его морщинистую руку и прислоняя к своему лбу, склонившись при этом в низком поклоне.

— Я пришла просить богов о милости одобрить союз двух любящих сердец.

— Боги услышат твои молитвы, идём, дитя.

Здесь было темно, лишь тусклые факелы на каменных стенах освещали наш путь вниз, в самое сердце древнего храма. Матушка и брат остались ждать нас на первом этаже. Им путь сюда был воспрещён. А я шла вслед за жрецом, неотрывно смотря на его ровную спину, и старалась не думать о том, что всё это уже когда-то было.

Не у всех хватало денег и средств на главный храм. Для бедняков всё было не так пафосно и красиво. Совсем не так. Пред глазами всплыло деревянное корыто с прозрачной водой, две перекрещенные веточки священного дерева и солнечный лучик, который озорно блестел на пожелтевшей от времени ленте на запястьях.

Старец остановился у огромных створчатых дверей и пристально взглянул на меня:

— Готова ли ты, дитя?

— Да, — прошептала я и затаила дыхание.

Пути назад не было.

Двери медленно распахнулись перед нами, открывая землю небывалой красоты. Священная обитель Великих.

Напротив одновременно с нашими плавно открылись точно такие же двери, впуская внутрь круга Эйдана. Но я не видела этого, полностью сосредоточившись на появившемся передо мной кусочке вечного лета.

Здесь волей Великих всегда было тепло и по-летнему уютно, а также немного влажно. Мягкий зелёный мох устилал поверхность ярким ковром, озорно звенел ручеёк, протекающий через всю поляну и теряющийся в корнях могучего дерева с раскидистой густой листвой. Всюду, куда ни падал взгляд, цвели цветы, наполняя воздух приятным ароматом. Некоторые растения были особенными и встречались только в главных храмах

по всей Киа. Например, светящийся в темноте голубой карбунук. Именно его тяжелые круглые соцветия вместе со стайкой озорных светлячков, кружившихся в воздухе, освещали небольшое помещение приглушенными светло-желтыми огоньками.

Именно на этой поляне как нигде больше чувствовалось присутствие великих, каменные статуи которых стояли рядышком у стены. Суровый Отец с огромной секирой на плече упирался другой рукой о рукоять меча, который висел у него на привязи. Короткая борода лопатой, густые брови и пронзительный предупреждающий взгляд. Защитник и настоящий воин.

Рядом Богиня-мать, красивая девушка или женщина. Понять было трудно, почти невозможно. Её густые волосы были прикрыты легким покровом. Простое платье перетянуто обычным ремешком из ракушек, на груди длинная нитка из речного жемчуга. Лицо вроде девичье, юное и такое красивое, а взгляд мудрый, горький и даже жесткий. Губы сложены в легкую полуулыбку, но осознание тревоги не уходит. Жизнь или смерть? Любовь или боль? Что прячется за божественной волей этой вечной девы, матери всего сущего?

И последний по очереди, но никак не по значению и величю — Сын. Узколицый, с острым подбородком и тонкими губами, над которыми располагались небольшие усы. Улыбка кривая, а взгляд такой хитрый, что сердце замирало от тревоги. Шутник, озорник и главный насмешник нашего мира. Любитель развлечься за счёт неприятностей других. Но, с другой стороны, мудрый, сильный и помощник отличный, поддерживающий науку, развитие и стремление расти. Если Отец и Мать были за спокойствие, устойчивость и стабильность, то Сын всегда подгонял нас, простых жителей Киа, заставлял напрягаться и находить пути решения. Именно Сын дал некоторым из нас искру.

Прерывисто вздохнув, я скинула на пол шубку, затем туфельки.

Сложив по прямой раскрытые ладони одна на другой, соединив их в запястьях, при этом левая от сердца сверху, я сделала первый шаг, ощущая босыми ступнями влажную мягкость мха, который приятно пощекотал кожу. Потом еще один — по импровизированной дорожке, которая довольно быстро закончилась, переходя в неглубокий ручеек с кристально чистой водой. Не глядя и не медля ни мгновения, я ступила в воду. Какой же теплой и ласковой она была, а камешки на дне такие твёрдые и гладкие. Снующие туда-сюда крохотные красные рыбки, чешуя которых блестела в свете карбунука, не боясь касались наших ног. Намокший подол приятно утяжелял платье, всплывая на поверхности и окружая меня, будто облако. Здесь было неглубоко, вода не поднялась даже до колен.

Наши две дорожки ручейка сошлись у самого дерева, позволив впервые разглядеть друг друга в сонном сумраке утра. На Эйдане были свободные светлые штаны и легкая молочного цвета длинная рубашка с рукавами. На вид обычная, если бы не пуговицы из драгоценных камней. Светлые волосы немного растрёпаны, что придавало молодому мужчине шарма.

Я видела, как загорелись его глаза, когда жених оглядел меня с ног до головы, и улыбнулась в ответ, протягивая Эйдану левую руку.

На душе было так легко, как никогда. Сами Боги спустились с небес, чтобы приветствовать нас.

Так, плечом к плечу, держась за руки, мы и предстали перед нависающим над ручейком алтарём, который находился прямо под деревом. Алтарь представлял собой огромную плиту из цельного серого камня с белыми вкраплениями и чёрно-зелёными прожилками, на верхней части которого были выбиты священные письмена и стоял большой золоченый кубок, украшенный крупными рубинами. Рядом лежала белоснежная шелковая лента и круглый каравай, от которого вкусно пахло свежей выпечкой.

Дерево тоже было необычным и состояло из двух стволов, которые самым причудливым образом переплелись между собой, пытаясь стать единым целым. И соединялись они так плотно, что между ними был только один — совсем небольшой — просвет. Через него в строго определённое время, как раз на рассвете, когда озарялся оранжевым цветом шпиль храма, с помощью специально установленных зеркал появлялся первый лучик

солнца, который должен был осветить нас.

Пальцы Эйдана сильнее сжали мою руку, успокаивая и приободряя, и я бросила на него осторожный взгляд.

Внутри что-то дрогнуло, предупреждая, что не всё так просто.

— Селина Энн Маргарет и Риган Эйдан Фокс, — торжественно провозгласил жрец, подходя к алтарю и с улыбкой смотря на нас. — Два создания света, два отрока, решившихся на самый важный шаг в их жизни. Шаг в будущее. Светлое и общее.

До восхода солнца осталось немного.

Жрец, возведя руки вверх, нараспев читал молитву на древнем языке. Его голос был красивым, певучим, но я никак не могла сосредоточиться.

Прикусила губу от досады на себя, мысленно взывая к Великим, которые каменными истуканами молча взирали на нас:

«Пусть всё будет хорошо. Пусть всё случится. Молю вас...»

Взывала, а сама видела перед собой чёрные как ночь глаза и кривую ухмылку на чётко очерченных губах.

«Ну же, Сэм. Я же рядом. Доверься мне».

Сердце будто пропустило удар.

Поджав губы, я едва заметно качнула головой, пытаюсь прогнать непрошенные мысли и воспоминания. Только не сейчас.

И неправда всё это.

Забывать, вычеркнуть из памяти. Похоронить на осколках прошлой жизни.

Вдрогнула, почувствовав знакомый аромат жасмина, и, подняв взгляд, неловко осмотрела глазами сад. Здесь есть жасмин? Конечно, есть, иначе я бы не чувствовала его навязчивый, удушающий аромат.

Или причина в другом?

Великие, зачем вы так? Хотите проверить меня? Не надо. Я люблю Эйдана и хочу стать его женой. Действительно хочу.

Губы пересохли от волнения, и я неловко облизала их кончиком языка.

— Всё будет хорошо, Селия, — едва слышно прошептал Эйдан, по-своему поняв моё волнение.

Кивнула и закрыла глаза, призывая себя успокоиться и перестать нервничать. Это всего лишь первый обряд. Вот получим одобрение Великих и вернёмся домой продолжать праздник.

Жрец открыл глаза и взглянул на нас сияющими ярко-голубыми очами, при этом медленно опуская руки.

— Уже скоро рассвет. Рассвет вашей новой жизни, дети мои, — провозгласил старец, беря с алтаря шелковую ленту.

Мы шагнули вперёд, всколыхнув воду в ручейке, протягивая к жрецу соединенные руки, запястья которых он крепко связал, как и наши судьбы.

— Будь опорой мужу своему, сохрани очаг в тепле и свете, подари детей крепких и сильных, — касаясь моего лба большим пальцем, провозгласил жрец, а затем он таким же образом коснулся лба Эйдана. — Будь силой, защитой и стеной для жены и детей своих. Оберегай от всех напастей. И храните верность друг другу, дети. В этом сила и мощь ваша и ваших потомков.

— Да, Великие, — одновременно произнесли мы.

— Разделите эту пищу между собой, как разделите жизнь. Чтобы была она полной чашей и сытным достатком.

Жрец взял в руки кубок и уже собирался протянуть его Эйдану — как мужчине и главе нашего дома, когда внезапно остановился, опустив взгляд и внимательно изучая содержимое сосуда.

Его глаза сузились, словно он не понимал, что происходит.

Со своего места я видела, как когда-то чистая вода окрасилась в яркий красный цвет, став похожей на кровь.

— В чём дело, отец? — нетерпеливо спросил Эйдан, пока я пыталась сделать вдох, раскрывая рот, как рыба.

— Великие сердятся.

— Сердятся? За что?

«Нет, нет, пожалуйста. Только не это. Не может этого быть. Ведь всё в прошлом. Я искупила свой грех!»

— Дети мои, — жрец поставил кубок на место и обвёл нас грозным взглядом. — Ваш союз не может быть совершен и одобрен Великими.

Кровь загудела в ушах, оглушая, вызывая мутную дымку из непролитых слёз перед глазами, затуманивая разум.

— Почему?

— Один из вас уже состоит в законном брачном союзе.

Тихий вскрик разорвал тишину. Мой вскрик.

Неверия, боли и отчаянья.

«Не может быть. Неправда!»

Я никогда не падала в обморок. Даже в самые сложные ситуации и тяжелые моменты своей жизни всегда находила силы бороться и держаться до конца.

Никогда до этого времени. Слишком близко я была к черте, слишком надеялась на благополучный исход.

Всего одна фраза, и земля ушла из-под ног. Я стала медленно оседать прямо в воду и непременно упала бы, не успей Эйдан меня подхватить.

Последнее, что я видела, прежде чем потерять сознание, — удивление и боль в светло-голубых, как небо, глазах.

Пришла я в себя довольно быстро. По крайней мере, мне так показалось. Открыла глаза, уставившись в высокий каменный потолок, освещённый восходящим солнцем. Вздохнула, ощущая, как болит спина от лежания на твёрдой узкой лавке, и окончательно очнулась, прогоняя туман небытия.

Одна. В пустой небольшой комнате я была совсем одна.

Осторожно села, опираясь о гладкую поверхность своего импровизированного ложа, потеряв свободной рукой ноющие виски.

Стало прохладно.

Белоснежная шубка, которой кто-то заботливо укрыл меня, сползла вниз, обнажая голые плечики. Туфельки стояли под лавкой.

Тут о себе напомнил мокрый подол платья, который прилип к ногам. Кожа покрылась мурашками и болезненно заняла от холода. Окончательно выпрямляясь, я поджала колени и принялась растирать озябшие ступни. После церемонии я должна была переодеться, надев тёплые чулки и шерстяное платье. Всё это осталось у матушки.

Память никуда не делась, услужливо подсовывая картинку на священной поляне и страшные слова жреца:

— Один из вас уже состоит в законном брачном союзе... законном брачном союзе... союзе...

Внутри всё вспыхнуло от боли и гнева. Мне пришлось сжать зубы, чтобы не закричать.

Как? Почему? И этого не может быть. Брака больше нет. И не было. Разве можно считать священным союзом ошибку, которая длилась всего пару часов? Мне лишь надо найти жреца и всё объяснить ему и Эйдану.

Как воспримет новость жених, я старалась не думать. Он поймет. Любит и поймёт, и всё будет хорошо. Обязательно.

Кое-как обув туфельки, я набросила на плечи шубку, дрожа от холода, и вышла из неуютной комнаты, почти сразу застыв, не зная, куда идти дальше. Коридор был узким и совсем не гостеприимным.

Никогда не бывала здесь. Видимо, это жилая зона храма, где обитали жрецы и послушники. Впереди была узкая полоска света, туда-то я и направилась.

Великие ошиблись. Или жрец что-то не так понял. Нам сказали, что всё улажено, что исправлено.

Или солгали?

Ноги задрожали, и мне пришлось опереться о стенку, чтобы не упасть.

Неужели солгали? Этого не может быть. Ведь правда в любом случае открылась. Зачем так жестоко. За что?

«Спокойно, Селина, спокойно. Всё ещё можно исправить».

Послышались голоса из-за приоткрытой двери, у которой я и остановилась, вздрагивая каждый раз, когда мокрая ткань касалась ног. Надо было войти, сказать, что со мной всё хорошо, но я отчего-то медлила.

Может, это трусость, а может, и осторожность. Меня будто чья-то рука не пускала.

— Великие дали очень чёткий ответ, — раздался спокойный голос главного жреца. — Один из молодых людей уже состоит в священном союзе, и соединить этих двоих я не могу. Неправильно это.

— Неправда! — упрямо произнёс Эйдан, и я прижала руку к губам, едва сглатывая подступающий к горлу ком. — Я не состою в браке и никогда не состоял. Как и Селина. Великие, какой союз, если она до сих пор невинна? Это доказано.

Я вздрогнула, убирая руку от лица и касаясь шероховатой поверхности стены.

О да, я отлично помнила ту унижительную процедуру, которую меня заставила пройти будущая свекровь месяц назад. Леди Франсина хотела убедиться в целомудренности будущей невестки и прислала своего личного врача для осмотра. Меня до сих пор бросало в дрожь, когда я вспоминала этого лысого старичка, который касался меня своими холодными пальцами и рассматривал пустыми светло-голубыми глазами, напоминающими кусочки льда.

Я потом долго отмокала в горячей ванне, обхватив колени руками, и всё никак не могла согреться.

— Эйдан, — слабо возразила матушка, и я напряглась, вслушиваясь в разговор. — Селина действительно невинна. Мы не лгали, и ваш доктор лично её осматривал. Но четыре года

назад случилась одна история. Очень неприятная история. Мы скрывали её от всех. Такой стыд. Позор на нашу семью. Но ты должен понять, Селине тогда было всего семнадцать.

Почти восемнадцать, и я была уверена, что поступаю верно.

— Мама, хватит! — резко произнёс Леонард, и я вздрогнула, меняя положение и прижимаясь к ледяной стене спиной, будто стремясь с ней слиться. — Не лебезите. Давайте говорить, как оно есть, без всяких увёрток!

— Какая история? Что произошло? — спросил Эйдан.

Голос жениха был глухим и невыразительным. Как же ему больно, и виновата во всём только я. «Прости меня, если можешь, прости».

Ему ответил Лео:

— Четыре года назад Селина стала жертвой расчётливого интригана и мерзавца, который запудрил её голову, сбил с пути и уговорил бежать. Отказаться от семьи, родных и страны. Уговорил стать его женой.

Каждое слово больно било по сердцу, увеличивая чувство вины до невозможных высот.

— Этого не может быть. Селина никогда...

— Селина молчала, виконт. Нам удалось вовремя выдернуть её из лап этого мерзавца и вернуть домой. Брак был признан недействительным.

— Видимо, не совсем, если Великие до сих пор считают её замужней, — вставил жрец, на которого крики Леонарда не произвели совершенно никакого впечатления.

— Нас убедили, что обряд не был завершён. Всего лишь первая часть. Что Селина свободна, — всхлипнула матушка. — Все эти годы мы были уверены, что так и есть. Великие, какой скандал. Какой скандал! Этого не удастся скрыть или замять. Как же теперь быть? Наше имя смешают с грязью, растопчут, будут глумиться. Отец этого не переживёт. Я этого не переживу! У меня слабое сердце.

— Кто он? — хрипло спросил Эйдан. — Кто этот мерзавец?

— Это неважно, — попытался уйти от ответа брат.

— Еще как важно. Я хочу знать. Я имею на это право!

— Леонард, — произнесла матушка. — Смысла лгать уже нет. Правда открылась.

Брат замаялся. Прошло несколько секунд, прежде чем он ответил:

— Дерек Корвил. Герцог Архольд.

Архольд. Я зажмурилась, вспомнив веточку жасмина и записку.

«Удачи, Сэм!»

Теперь эти два слова виделись в совершенно ином свете. Я едва не задохнулась от правды, которая обрушилась на меня подобно урагану.

Он знал! О Великие! Архольд знал, что мы еще женаты! Знал и именно поэтому решил поиздеваться надо мной таким жестоким и извращённым способом!

Забывая ненависть, которую я, казалось, похоронила с воспоминаниями о тех днях, вновь возникла у сердца, скрутившись змеиным клубком, отравляющим сознание, путающим мысли.

Решение было принято в одно мгновение, и времени на раздумья у меня не было. Еще немного, и они вспомнят о моём существовании, и тогда ничего не выйдет. А я должна была это сделать. Обязана.

Бросив последний взгляд на дверь, я подхватила подол платья и на цыпочках, стараясь не шуметь, прокралась мимо двери к выходу, который был совсем недалеко.

Выбраться из храма не составило труда. Надев капюшон и застегнув все пуговицы на шубке, я, опустив взгляд, быстрым шагом прошла через главный зал, маневрируя между людьми и никак не реагируя на шепотки, которые неслись мне вслед. Рано, они пока ничего не знают о моём падении.

Карета стояла на том же самом месте, и рядом с ней топтался конюх.

Керита я знала с детства. Сын главного конюха, он был со мной всё детство. Симпатичный, щуплый и щербатый парнишка, который пугал меня лягушками и принёс из леса полные горсти сладкой дикой малины, за пять лет, что я была в Академии, превратился в крепкого и плечистого мужчину, по которому вздыхало большинство наших служанок. А сам он неожиданно положил глаз на Конни. Мне кажется, всё дело было в том, что моя горничная наотрез отказывалась гулять с ним допоздна и осматривать сеновал, как остальные. Как бы то ни было, летом Керит попросил у меня разрешения ухаживать за девушкой. Я согласилась, хотя было жаль отпускать Конни. Но и разлучить их, забрав горничную с собой в особняк мужа, я не могла. Мне так хотелось сделать всех счастливыми.

— Госпожа, — удивленно вскрикнул молодой мужчина, спрыгивая вниз и открывая передо мной дверь кареты. — Что-то случилось? А где лорд Леонард и миледи?

— Керит, мне нужна твоя помощь, — я схватила его за руку, заглядывая в глаза.

Внушать ничего не пыталась, просто моля о помощи.

— Я завсегда, вы же знаете.

— Знаю, — улыбнулась ему. — Надо, чтобы ты кое-куда меня отвёз. Прямо сейчас.

На его лице отразилось сомнение.

— Госпожа, — пробормотал он. — А как же ваш брат и матушка?

— Это очень важно, — и улыбнулась.

Не хотелось использовать искру. Очень не хотелось. Я помнила о последствиях, но сейчас была в таком состоянии, что готова была совершить глупость.

— Хорошо, — сдался Керит и помог мне сесть внутрь.

Первым делом, сев в карету, я положила ноги на кирпичи, но бесполезно, они уже остыли.

— Ничего, — убеждала я себя. — Тут недалеко. Не замёрзну.

— Куда едем? — выкрикнул Керит, взобравшись на место и беря вожжи.

— На Таргор-роу, — крикнула в ответ. — Там такой особняк с зелёными колоннами. Нам нужно туда. «Спасибо, Мергери, за рассказ».

— Понял.

У меня было около десяти минут, чтобы успокоиться и попытаться выбрать манеру поведения. Вариант впиться ему в волосы или дать пощечину, и даже не одну, отметался сразу. Архольд мог дать сдачи.

Надо сначала попытаться начать мирный разговор. В конце концов, если это правда и мы до сих пор женаты, то надо что-то делать.

— Приехали, госпожа Селина, — открывая передо мной дверцу, произнёс Керит.

— Спасибо.

Особняк действительно выглядел ужасно помпезно и безвкусно. Эти зелёные колонны

придавали ему громоздкость и совершенно не украшали.

— Жди меня здесь. Я ненадолго, — произнесла я, ступая на землю.

— Но разве можно вам туда одной? Я слышал, что этот дом снял сангорианский герцог.

— Можно, — грустно улыбнулась я. — Мне можно.

Подол платья от мороза замёрз и затвердел, делая каждый шаг неудобным и невыносимо трудным, тонкие туфельки промокли, и в горле уже начало першить. Еще немного, нос покраснеет и появятся сопли. Но я почти не обращала внимания на неудобства. Меня гнали вперёд ненависть и злость.

— Госпожа? — дворецкий, лысоватый пожилой мужчина с шикарными пышными усами и бакенбардами, удивленно на меня уставился, придерживая входную дверь рукой. — Я могу вам помочь?

— Да. Мне нужен герцог Архольд.

— Герцог не принимает. Мне очень жаль.

— Меня примет.

— И как вас представить?

Моей улыбке позавидовал бы и гуи.

— Жена, — ласково-зловеще пропела в ответ, отодвигая опешившего мужчину в сторону и входя в дом.

Терять уже было нечего.

— Чья? — всё ещё никак не мог понять дворецкий.

— Его. Хозяина вашего. Передайте герцогу, что его хочет видеть законная супруга. И прямо сейчас!

кильяр — священное вино, которое даётся новобрачным и прихожанам во время служб в храмах Великих.

На большей части Киа (название мира) исповедовали троебожие: Отец — защитник, воин и учитель; Мать — жизнь и смерть, любовь и ненависть, счастье и горе; и Сын — шут, плут и насмешник, который любил играть жизнями других. Также они символизировали собой небо и солнце, землю и воду, легкий ветер между ними. **

хама — краска из высушенных листьев лавсонии. Рисунок держится до трёх недель и, в зависимости от добавок, обладает различными оттенками, от светло-оранжевого до тёмно-красного и чёрного.

Глава Третья. Тени прошлого, проблемы настоящего

У меня было всего пара минут на то, чтобы прийти в себя и настроиться на предстоящую встречу и разговор с человеком, которого ненавидела всем сердцем и когда-то любила. Так любила, что забыла об осторожности, правилах и поверила красивым словам, не разглядев за блестящим фасадом чёрствого сердца, не способного любить.

Мы не виделись с Дерекком четыре года.

А такое чувство, что это было только вчера.

Душный воздух жаркого июньского солнца, который горел на губах, растрепанная коса, пряди волос которой лезли в лицо, щекоча кожу. Поцелуй — жаркий, голодный и такой короткий. Потому что оба отлично знали, что еще секунда и остановиться мы уже не сможем. Стук чужого сердца под ладонью, которое билось так громко, в унисон с моим, и хриплый шепот у ушка.

«Я вернусь, Сэм», — произнёс он с улыбкой, прежде чем уйти, оставив одну в маленькой мансардной комнатке на грязном постоялом дворе.

Не вернулся.

Вместо него пришёл Леонард, который, не щадя чувств, рассказал горькую правду и предоставил веские доказательства чужого предательства и моей слепоты.

Я сжала кулаки, прогоняя подступающие слёзы. Как же тогда было больно, но удалось пережить это. Выдержу и сейчас.

— Герцог Архольд примет вас, миледи, — вернувшись, сообщил дворецкий. — Прошу за мной.

Удивление уже прошло, и пожилой мужчина смерил меня спокойным взглядом, явно присматриваясь как к потенциальной хозяйке. Надо же, а я оказывается герцогиня.

Горькая улыбка на губах и отрицание в душе.

Кивнув, я схватила подол платья и прошла следом вглубь особняка, слишком взволнованная, чтобы смотреть по сторонам. Каблуков на тувельках не было, но всё равно наши шаги гулко отзывались в пустом коридоре. Даже слуг не было. Всё словно вымерло или застыло перед встречей.

«Какой он сейчас? Изменился ли? Стал другим? И что будет, когда мы встретимся? Отзовётся ли что-нибудь в груди?»

Бесшумно открылась одна из дверей, и я, не медля ни секунды, сделала первый шаг.

Мергери вчера сказала, что Дерек возмужал, вырос и еще больше похорошел, став настоящим мужчиной. Не знаю, я ничего подобного не заметила. Молодой человек и раньше был хорош собой, а сейчас в свои двадцать шесть полностью утратил юношеское очарование, распрощавшись с пелёнками и вступив во взрослую жизнь.

В гостиной находился именно мужчина — уверенный, спокойный и сосредоточенный. Тёмный хищник, поймавший в свои силки белоснежную голубку. Так было раньше, а сейчас?

А я, стоя в дверном проёме, всё пыталась найти различия. Возможно Архольд стал шире в плечах, мне казалось, что раньше они были меньше. Талия стала уже или это из-за плеч. Волосы были всё такими же черными и пряди длиной рваной чёлки всё так же падали на лоб.

Небольшая гостиная была обставлена чудовищной громоздкой мебелью. Мягкая диванная группа у окна с ванильно-розовой обивкой и резными ножками. Лиловые гардины, украшенные тяжелыми золотистыми узорами, тую безобразного грязного желтого цвета, который совершенно не подходил сюда. Тяжелый тёмно-коричневый шкаф и небольшой камин, полка которого была сплошь заставлена фарфоровыми статуэтками розовощеких пупсов в самых различных позах. Всё это сбilo меня с толку.

Не такой должна была выглядеть гостиная герцога, обстановка больше подходила для семидесятилетней бабушки, обожающей котиков.

И Архольд тёмным пятном выделялся на этом фоне, так ярко, что не заметить его было просто невозможно.

Один взгляд на молодого герцога, прямо в чёрные как ночь глаза, и сердце ёкнуло. Душа не забыла, как бы я себя ни убеждала, и сделать с этим ничего нельзя.

— Здравствуй, Сэм.

Голос Корвила был таким же низким, чуть хриплым и так же, как четыре года назад, пробивал до дрожи в коленках. Вот только я больше не была той наивной семнадцатилетней девчонкой.

— Селина, — поправила я его, снимая с головы капюшон. — Для вас, герцог, леди Селина Торнтон.

Он стоял у окна в тёмных прямых брюках, белоснежной рубашке, рукава которой были закатаны, подчёркивая загорелые накаченные руки. Образ дополняла графитового цвета жилетка, в небольшом кармане которой блестела цепочка от карманных часов.

— Знаешь, было бы странно называть собственную супругу по титулу.

— Я не твоя супруга, — произнесла я, входя в комнату и закрывая за собой дверь для того, чтобы прижаться к ней спиной, будто ища опору.

Свадебный обруч на голове никуда не делся, как и узор хамой. Я видела, как Архольд задержал взгляд на капельке на переносице, но лишь сильнее поджала губы.

Откуда этот стыд? Откуда желание прикрыть узор рукой? Мы ничего друг другу не должны.

Но то, что должно было стать праздником души и сердца, извещая каждого встречного о моём новом статусе, стало проклятием. Узор не смывается две недели, а позор останется до конца моих дней.

Его холодный и расчётливый взгляд словно возвращал меня на пять лет назад, опять превращая в наивную мечтательницу с верой в счастливое будущее и собственное предназначение.

Только это будущее у меня отняли. Уже дважды.

Архольд умел так смотреть — свысока, пренебрежительно-равнодушно, выставляя всех и каждого дураками. Я хорошо помнила, как бесился молодой наследник одного из княжеств, что располагались в хорейских топях, когда Дерек парой фраз поставил на место зарвавшегося юношу, который довёл до слез двух бедных сангорийских студенток, прилюдно унизив. Последовавшая за этим дуэль едва не стоила наследнику жизни, но спеси убавила.

Дерек вообще был мастером дуэлей. И лишь благодаря умению и точности ударов молодого человека ни один из таких поединков не закончился смертью. Хотя избавиться от него мечтали многие.

— Разве не ты сама так представилась Мортимеру? — продолжил Архольд, привлекая моё внимание.

— Если честно, я был удивлён твоей смелостью. Признаться в столь постыдном поступке обычному слуге? Удивительная безответственность, Сэм. Ты же столько лет скрывала этот маленький секрет.

— И не только я. В любом случае, это ничего не значит.

— В нашем мире всё всегда что-то значит. Ты же знаешь, — Дерек повернулся ко мне всем корпусом и сложил руки на груди.

Мышцы забугрились.

— Ты знал, — прошептала я и вновь задрожала.

Подол платья начал оттаивать и снова стало мокро и холодно.

— Что мы всё ещё женаты? — лениво уточнил Архольд и направился к журнальному столику, на котором лежала кипа бумаг. Он взял парочку и принялся неспешно изучать. — Да, я был в курсе.

— И как давно? — пытаюсь сохранить остатки терпения, спросила у него.

— Чуть больше месяца, — не отрываясь от написанного, ответил Корвил.

Тут сдержаться мне не удалось.

— Ты чёртов ублюдок! — рыкнула я, делая всего шаг в его сторону, словно хотела ударить, но вовремя смогла остановиться. С него станется ударить в ответ. Я заставила себя замереть, теребя пуговичку на шубке и внимательно смотря на мужчину. — Почему ты молчал?

Естественно, Архольд не ответил мне сразу. Мужчине нравилось тянуть время, глубокомысленно молчать и провокационно смотреть.

— Для начала, — в конце концов, сообщил герцог, а бумаги в его руках тихо зашелестели, — должен тебе сообщить, что моя законнорожденность установлена и подтверждена три года назад. Дед постарался, прежде чем передать мне титул и объявить единственным наследником огромного состояния Архольдов, к большому неудовольствию старших сыновей отца. Так что с твоим замечанием я не согласен. И, Сэм, прежде ты никогда не ругалась. Неужели милашка виконт на тебя так плохо влияет?

— Не смей! Не смей даже имени его произносить. Ты даже мизинца Эйдана не стоишь.

— И слава Великим! Быть похожим на этого занудного парня. Брр, — Архольд раздраженно повёл плечами и ехидно добавил. — Я встречался в министерстве с твоим женихом. Надо сказать, Сэм, с годами твой вкус испортился.

Я проглотила и это.

— Тебе доставляет удовольствие издеваться надо мной, да? Если ты столько времени знал о... — я запнулась и заставила себя закончить, — о нашем браке, то почему не сообщил? Ведь мы оба были уверены, что его не было, что жрец в той деревеньке всё отменил.

— Как видишь, мы ошиблись.

— Зачем ты издеваешься надо мной? Этот подаренный жасмин и записка? Зачем ты так?

Скрыть боль в голосе не получилось. Но мне было всё равно. Я открывалась и ждала этого от него. Но вновь не дождалась.

— Неужели тебе не понравился мой подарок? — тёмная бровь удивленно приподнялась, и он вновь ушел от ответа. Я уже сбилась со счёта в какой раз. — Дорогая вещь и красивая, созданная по моему эскизу специально для счастливой невесты. Подарок от чистого сердца.

— У тебя нет сердца!

Сказала и едва не отшатнулась назад к двери, увидев, как резко поменялся взгляд Архольда. И не только взгляд, он весь. Пару секунд назад мужчина стоял, едва обращая на меня внимание и просматривал документы, будто там решался вопрос всего мира. А тут всего лишь одна моя фраза и герцог подобрался всем телом, напрягся, и взгляд чёрных глаз стал таким страшным и тёмным, как сама ночь.

Заигралась, забыла, кто передо мной.

— Селина, выбирай выражения, — чётко, чуть ли не по слогам произнёс герцог, медленно опуская руки и кидая бумаги на столик.

Они с тихим шелестом спикировали вниз и застыли.

— Надо же, — усмехнулась я и медленно двинулась через гостиную к камину. — Ты назвал моё имя, не дурацкую кличку, которую придумал, чтобы бесить и доставать несчастную студентку из Ванагории, а настоящее имя.

Его злость и выпад вместо того, чтобы навести страх и ужас, неожиданно произвели прямо противоположный эффект. Вернулась уверенность в собственной силе и спокойствие.

Огонь в камине горел ярко и призывно, обещая тепло замерзшим ногам. Подойдя прямо к нему, я коснулась одного из розовощёких фарфоровых младенцев на полочке.

«Спокойно, Селина, Корвил не знает тебя. Прошло четыре года. Не только он возмужал и изменился».

— Как твой жених отнёсся к тому, что ты закрутила роман с герцогом из соседней враждебной страны?

— Мы больше не враждуем, — не отрывая взгляд от статуэток, ответила ему.

Тут были не только младенцы, но и хорошенькие куколочки-пастушки в пышных коротких платьях и золотистыми кудряшками на голове.

— Четыре года назад отношения между нашими странами были более чем натянутыми.

Теперь пришла моя очередь играть. Но, даже отвернувшись от него, я чувствовала спиной злой обжигающий взгляд.

— Четыре года назад ты не был герцогом, — парировала в ответ.

— Ну да, — жесткая ухмылка, я не видела, но чувствовала её. — Третий ребенок второго сына герцога Архольда. Никто не думал, что старый хрыч такое провернёт.

Никто не думал тогда. Всего лишь младшая ветвь в благородном семействе. Скандальная ветвь, изгнанная старым Архольдом из родового поместья. Поэтому он и вырос таким диким, неуправляемым и крепким. Улица быстро научила богатенького отпрыска защищаться с помощью кулаков и грубой силы.

— В этом было всё дело, Сэм? — неожиданно глухо спросил Корвил. — Поэтому ты вдруг так неожиданно передумала и сбежала, оставив бессмысленную записку? И предав меня?

Я повернулась к нему, непонимающе нахмурившись.

— Я хотя бы оставила записку, а что сделал ты?

В ответ тишина и тяжелый взгляд тёмных глаз, испытующе меня разглядывающих.

— Не тебе говорить о предательстве, Архольд, — продолжила я. — Знаешь, а ты ведь несколько не изменился за эти годы. Всё такой же себялюбивый болван. Главное только ты, твоё мнение, твои желания и стремления. А я должна была их подхватывать, предано глядя в глаза, и глупо улыбаться. Но я так не хочу. В любом случае, это уже неважно. Прошлое не изменить, а вот отвечать за него придётся. Я пришла сюда с одной единственной целью — расторгнуть наш брак. Точнее тот фарс, который Великие посчитали браком.

— Не волнуйся, Сэм, это обоюдное желание. Я тоже не испытываю восторга, что связал свою жизнь с избалованной девчонкой, падкой на блеск золота и титулы. Но не всё так просто. В глазах Великих мы муж и жена. Несмотря на то, что брак не был завершен, и мы не переспали.

Я сглотнула, проглотив обидные оскорбления. Мне было что ответить ему, супругу, с которым нас соединили Великие.

От камина шло тепло, подол платья начал нагреваться. Еще немного и повалит парок. Но и отойти я не могла, сейчас мне очень не хватало этого тепла, особенно, в холоде его

взгляда.

— Значит, будем договариваться с Великими. Они должны понять, что это ошибка, не нужная ни тебе, ни мне.

— Откуда ты знаешь, что мне нужно? — вдруг спросил мужчина. — Почему ты сдала меня стражникам?

— Я не сдавала!

— Правда?

«Великие, зачем он так смотрит? Еще немного и не выдержу».

— Да, я хотела тебе отомстить за ту боль, что ты причинил мне, за ложь и обиду. Хотела, но не стала. Леонард уговаривал рассказать, где ты, но я отказалась.

— Даже так.

Мне душно, жарко и невыносимо тяжело. Хочется переступить ногами, сделать хоть какое-то движение, но не могу, продолжая стоять перед ним. Можно было заподозрить применение искры, но я знала, что это не так. Никакой силы, лишь моя реакция на его присутствие. Хорошо хоть речь не пропала.

— Опять игры, Архольд? — сухо улыбнулась. — Не надоело тебе?

А мужчина молчал, изучая меня с головы до ног. Сейчас я как никогда чувствовала себя голой, вспомнив, что под платьем ничего нет. Слава Великим, я не расстегнула шубку, это давало мне хоть крохотную, но защиту. А взгляд Корвила снова задержался на капельке на лбу, прошелся по косе с жемчужными нитями, вниз к пальчикам, которые судорожно сжимали ворс шубки, пока не взглянул на насквозь промокшие и грязные туфельки. Наверное, от них остались следы на полу в холле.

— Коса, золотой венец с письменами, — медленно проговорил Корвил. — Священная вязь на лице и специальный наряд. В этот раз всё было красиво, Сэм?

Я моргнула и отвернулась, рассматривая жуткий тюль у окна.

— Как в сказке.

— Всё по правилам, не так ли, Сэм? Главный храм в столице, священная поляна с Великими и тёплая вода в ручье. Об этом ты мечтала?

— Да.

Четыре года назад всё было намного проще. Вязи не было, лишь крохотная точка на лбу. У нас не было возможности найти даже самую простенькую хамиби. Ни жемчуга, ни обруча на голове. Даже наряд мне пришлось брать в долг у жены хозяина таверны. Я до сих пор помню, как короткая, едва доходившая до колен рубаха из грубого волокна колола чувствительную кожу, как от неё пахло дешевым мылом, как чесалось тело. Мы так спешили, так боялись, что нас поймут, что отказались от всего.

Глупо, как же глупо. Но образы прошлого ожили, и кажется, это было только вчера.

— Ты так и не сказала, как отнёсся виконт к нашему браку, — напомнил Дерек, оставляя эту опасную для нас обоим тему.

— А ты не сообщил мне, почему больше месяца скрывал от меня правду, — в тон ответила ему.

— И как я должен был об этом сообщить? Твой дорогой братец дал чётко понять, что мне нельзя приближаться и тем более разговаривать. Все письма и сообщения будут перехватываться и уничтожаться. Любое появление на землях Торнтонов даёт право страже стрелять на поражение. И как в этих условиях я должен был сообщить тебе о нашей маленькой неприятности?

В его словах был смысл. Но я знала и другое.

— При должном желании, ты можешь добиться всего, чего захочешь, и никакие преграды бы тебя не остановили.

Герцог согласно кивнул.

— Да. Наверное, ты права. Вот только я не захотел. Считаю, что это моя маленькая месть.

— Месть?! — я едва не задохнулась от боли. — Это мне надо мстить тебе! Это ты меня использовал!

— Видишь, какой содержательный диалог у нас получился? И еще, Сэм, — он оскалился в злой улыбке.

— Они ведь не знают, что ты здесь, не так ли? Твои дорогие родственники.

Я вздрогнула.

— Нет.

— Представляешь, как это выглядит? Узнала правду о браке и тут же ринулась к любовнику. Какой пассаж, Сэм.

— Мы с тобой не были любовниками. И не будем. Но в одном ты прав. Нормального разговора у нас с тобой не получится. Прошу прощения, что побеспокоила вас, герцог. Этого больше не повторится. А по поводу расторжения брака с вами свяжутся наши семейные юристы. Всего доброго.

Не в силах больше оставаться с ним наедине, смотреть в эти бесстыжие глаза, я пересекла гостиную и уже схватилась за ручку, намереваясь открыть дверь, как услышала:

— Ты забыла, что задолжала мне, Сэм?

Оборачиваться не стала. Просто замерла, ожидая продолжения.

— Первая брачная ночь. Ты уже четыре года как должна её мне.

Моим ответом была громко хлопнувшая дверь, которую я закрыла за собой.

Ненавижу! Как же сильно я его ненавижу!

Честно говоря, я не особо удивилась, увидев Леонарда, ожидающего меня у кареты. Старший брат всегда был рядом, в самые сложные моменты жизни. Он неумолимо предугадывал все мои поступки, успевая вовремя оказаться рядом. Лишь один раз опоздал.

Я даже обрадовалась, заметив его высокую худошавую фигуру у ворот. Ведь если Лео здесь, то всё будет хорошо, всё будет по-прежнему. В общем, я так заспешила, что даже забыла попрощаться с дворецким, который открыл передо мной двери, и едва не упала на скользких ступеньках, сумев в последний момент удержать равновесие.

Эйдана рядом с ним не было. И это даже хорошо.

Молодой мужчина раздраженно постукивал перчатками по раскрытой ладони и смотрел, как я спешу к нему по широкой дорожке, едва не переходя на бег.

— А где матушка? — подходя ближе, спросила у него.

Об Эйдане тоже надо было спросить, но я боялась услышать ответ. Трусость? Конечно. Но, Великие, слишком много на меня свалилось за последние часы. Я имела право на небольшое послабление. Ведь самое сложное еще ждало впереди.

Керит благоразумно помалкивал, упрямо смотря перед собой и делая вид, что его тут вообще нет. Но я видела, как он прислушивался к нашему разговору, как крепко сжимал поводья, заставляя уставших лошадей стоять на месте.

Матушка говорила, что слуги всегда всё знают и ничего не укроется от их внимательного взгляда. Самое главное, чтобы слухи не распространялись дальше хозяйского особняка. Хотя, чего я переживаю, о скандале уже через пару часов будут знать все.

— Эйдан повёз её домой. Это было глупо, Селина, — помогая сесть в карету, сухо заметил братец.

Он был очень недоволен моим поступком, но голоса не повышал, а наоборот даже понизил на пару градусов, от этого стало только хуже.

Внутри кареты было холодно. Даже холоднее, чем на улице. Я зябко повела плечами и спрятала руки поглубже в рукавах шубки. Вновь запершило горло и засвербело в носу. Если срочно не предпринять меры, то я могу слечь с горячкой на пару дней. Стояние у камина не сильно помогло.

— Я должна была с ним поговорить, — произнесла я, как только карета тронулась с места.

— Не стоило, — вновь повторил братец. — Для подобных вещей есть я и наши юристы. Ты ведь не подумала, что уже вечером о вашей встрече будет судачить вся столица? Очень сложно не заметить наш герб на дверце кареты.

Не подумала, но сомневаюсь, что это что-то изменит.

— Архольд знал о том, что наш брак не был расторгнут, — разглядывая в окно проплывающие мимо дома и улицы, спокойно ответила брату.

Город уже проснулся.

Укрытый тонким слоем снега, который едва покрывал мощённые булыжником мостовые, голые ветки скрюченных деревьев, он словно сонно потягивался, готовясь к новому дню. Уже к обеду на ярком, но холодном солнышке снег растает, оставляя после себя серые, безликие лужи и комья грязи. В лужах ребячьи любого сословья и положения будут пускать кораблики из древесной коры и прутиков, грозя свалиться и промокнуть до нитки. А грязь доставит лишние хлопоты слугам, которые вновь и вновь будут намывать полы, пытаясь сохранить чистоту. Но это будет потом, а пока снег блестел, создавая ощущение чистоты и праздника.

— С чего ты это взяла?

— Что? — я непонимающе взглянула на Леонарда, потеряв нить разговора.

— С чего ты взяла, что Архольд знал о том, что вы еще женаты?

— Он вчера прислал мне подарок и записку, — равнодушно ответила я, вновь отворачиваясь к окну.

— Что? — в голосе Лео появились металлические нотки.

Брат явно не ожидал подобного и разозлился. Редкое явление, вот только мне было всё равно. Я устала и совершенно не знала, как быть дальше.

Может, сбежать к Айоле на время? Подруга точно приютит беглянку у себя. И на Севере нравы иные, там никто не будет знать о моём падении. Жаль, но не получится, ущелье уже закрыто, и никто не рискнет перевести меня через Анагорские горы.

— Почему ты мне не сказала? — продолжил Леонард.

Было видно, что он едва сдерживается, чтобы не схватить меня за запястье, оставляя уродливые синие пятна на коже, заставляя меня смотреть ему в глаза и отвечать. Но брат сдерживался.

— А чего рассказывать? Эта была всего лишь веточка жасмина из драгоценных камней, а в записке два слова: «Удачи, Сэм!». Вот и всё.

— Сэм?

Отвечать не хотелось. Я вообще была не рада, что подняла эту тему. Слишком личной она была и слишком тревожные воспоминания поднимала.

— Он меня так называл.

— Но почему так? Это же мужское имя.

— Селина Энн Маргарет. Соединил первые буквы моего имени, вот и вышло СЭМ. Еще один способ достать и унижить меня, — ответила я, любуясь игрой солнечных зайчиков на золочёном шпиле военного министерства, мимо которого мы как раз проезжали.

Обычно военную карьеру выбирали младшие сыновья лордов или бастарды, которым повезло быть признанными. Или не повезло. У нас в Академии учился один такой признанный. Его звали Ферб. Это был серьёзный и скованный парень, который редко улыбался и всё время был настороже. Его ждала военная карьера, а тут неожиданно проснулась искра. Теперь он не знал, как быть дальше. Юноша жил будто среди двух миров. Не смотря на обычаи и правила, классовое разделение всё-таки было. Аристократы предпочитали общаться с равными себе, в то время как простой люд кучковался сам по себе. Ферб не относился ни к одному из классов. Не аристократ, но и не обычный работяга. Как же это страшно быть изгоем.

— А жасмин что обозначает?

— Да так. Долгая история, — ушла я от ответа, не желая вспоминать вновь тот день, который изменил всё и в одно мгновение прекратил шестимесячную вражду между нами. — Вчера я не придавала этому значения, а сегодня поняла. Он поиздевался надо мной. Пожелал удачи, отлично зная, что ничего не выйдет. И Архольд подтвердил мои подозрения, даже не удосужившись извиниться.

— Это очень на него похоже. Жестокий, бессердечный ублюдок! — обычно Лео никогда не ругался при дамах, но тут даже его выдержки и воспитания не хватило. — Но всё равно ты не должна была с ним встречаться.

— Больше не буду. Ты прав, это была ошибка. Договориться у нас всё равно не получилось. Архольд вообще обвинил меня в том, что я сдала его органам правопорядка, хотя я никому не рассказала о его местонахождении, даже тебе, — потеряв виски, пробормотала я и нахмурилась. — Откуда у него вообще такие мысли появились?

— Он просто пытается тебя задеть, — быстро ответил Леонард.

— Наверное.

Мы выезжали из столицы, дома становились всё ниже и грязнее, улицы постепенно утратили блеск и лоск, зато увеличилось количество народа. Торговцы и товарки, ремесленники и просто мелкая шпана будто муравьи слонялись туда-сюда, пытаясь впихнуть прохожим свой товар или обчистить кошельки.

Я первая нарушила молчание.

— Как так получилось, Лео? Четыре года назад ты сам мне сказал, что брак расторгнут. Уверял, что раз мы не прошли вторую часть, не закрепили союз на брачном ложе, то всё легко отменить. И тот жрец уверял, что всё кончено, сжигая обручальную ленту на огне.

Я помнила, как дрожала и до крови кусала губы, смотря, как огонь быстро пожирает связавшую нас с Дерекком грязную тесёмку.

— Найду и придушу, — пообещал Леонард и светло-голубые глаза кровожадно сверкнули на бледном лице. — Он мне за всё ответит.

Мне даже стало немного жаль этого несчастного. Старший брат был крайне упёртым мужчиной и всегда добивался того, чего хотел. Любыми способами. В этом они оба были похожи с Корвилем. Ни один из них не знал и не воспринимал слово «нет».

— Пока ты бегала к герцогу, отравившему нашу жизнь, — продолжил молодой мужчина, — старший жрец главного Храма кое-что нам объяснил. Обычно Великие присутствуют на брачной церемонии номинально и лишь дают согласие. В этом случае

Боги так же легко разрешают расторгнуть союз, требуя при этом небольшой откуп и замаливание греха. Но не в нашем случае.

Кто бы сомневался. Я даже не удивилась, подозревая нечто подобное.

— А что не так с моим браком с Архольдом?

— Великие не просто дали своё согласие, они благословили вас, соединив души.

Звучало жутко и совсем безрадостно. Из уроков в Академии я помнила насколько серьёзно подобное вмешательство Великих в жизнь простых смертных. Они считали это даром и очень не любили, когда от него отказывались, воспринимая оскорблением. А кара за подобное неуважение была серьёзной.

— И что теперь делать? — сипло спросила у него, отказываясь мириться с несправедливостью. — Должен же быть какой-то выход.

— За вас должен попросить помазанник Великих.

Я сглотнула, чувствуя, как пересыхает от страха во рту.

— Короля? Ты имеешь в виду нашего короля?

Другого помазанника я не знала.

— Да.

Истерический смех сорвался с губ и застыл между нами колкой льдинкой. А еще совсем недавно казалось, что удивить меня больше невозможно.

— Великие, за что?

— На это уйдёт не меньше месяца, — закончил Леонард, совершенно не пытаясь пощадить мои чувства или облегчить боль.

Мне показалось, что я ослышалась.

— Месяц? Ты сказал месяц?

— Да. Я поговорю с Мартином, он долей нам помочь и убедить короля расторгнуть брак.

Пара мгновений, чтобы всё осознать и заставить себя задать самый главный вопрос:

— Эйдан меня ненавидит? — едва слышно прошептала я.

Лео ответил не сразу.

— С виконтом будешь объясняться сама. Но будь я на его месте, то разорвал все отношения с такой невестой, обратился к адвокатам и уничтожил её семью, смешав с грязью. Грехи есть у всех, так вот я бы вытащил все скелеты и выставил на всеобщее обозрение.

— Но ты не на его месте.

— Вот и радуйся. Виконт тебя любит, несмотря ни на что, на этом и будем играть. А вот его мать проблема.

— Это ведь не удастся скрыть, не так ли? Как быть?

— Скажем всё как есть.

— Совсем всё?

— Всё, что необходимо, чтобы максимально сгладить скандал. Санроу тоже не захотят вывешивать грязное бельё на всеобщее обозрение. Так что тебе повезло, Селина. Четыре года назад мне удалось вытащить тебя, но сейчас пришла пора самой отвечать за свершенное.

Больше с Леонардом мы не разговаривали. Весь оставшийся путь до нашего поместья каждый смотрел в своё окно и молчал.

Не знаю, о чём думал брат, по его непроницаемому виду ничего нельзя было понять, а я вспоминала.

Да, мне следовало думать о том, что будет, когда мы приедем. Как смотреть в глаза родителям, гостям и Эйдану. Надо было придумывать слова, которые я скажу, представлять, как буду вымаливать прощение у жениха. Приготовиться к позору, который непременно падёт на мою голову. Ведь для того, чтобы выстоять против общественного осуждения, нужна нечеловеческая стойкость и железные нервы.

Но я так устала. Слова не складывались, мысли путались, и я просто вспоминала, прокручивая счастливые и яркие воспоминания, пытаюсь в них найти утешение и силы.

Искра появилась за день до моего семнадцатилетия. Именно с этого дня жизнь изменилась, став другой, делая меня отличной от остальных. Той, которой коснулась печать Великого Сына.

В тот день мы гуляли с подругами в Гарет-парке. Стоял приятный летний денёк, послеполуденное солнце ярко светило, пели птицы, мелодично журчала вода в небольшом озере в центре парка.

Я хорошо помнила, как слуги расстелили нам плед в тени огромного раскидистого дуба. Плед был клетчатый и очень мягкий. Из плетёных корзинок на него перекочевали блюда с фруктами, ягодный безалкогольный пунш с кусочками фруктов и прозрачными кубиками льда и небольшая корзинка с пирожными.

Положив шляпку с широкими полями рядом, я сидела, откинувшись назад и опираясь руками о покрывало, жмурясь от удовольствия, когда солнечный лучик, кое-как пробравшись сквозь листву, упал мне на лицо.

Загорать нам запрещалось. Истинная леди должна быть бледна и холодна. А мне так не хватало тепла и не только физического.

Для полного счастья хотелось снять еще и туфельки, но этого делать нельзя было никак. Во-первых, тонкие чулки запачкаются или порвутся. А во-вторых, это же будет грандиозный скандал. Дочь леди и лорда Торнтонов ходила по парку на глазах сотни отдыхающих, сверкая голыми ступнями.

— Я слышала, виконт Санроу оказывал тебе знаки внимания на балу мадам Круиз, — оторвав небольшую зелёную виноградинку и отправляя её в рот, произнесла Жульетт, привлекая моё внимание.

— Нас представили друг другу только вчера, — улыбнувшись, ответила ей.

— И ты танцевала с ним два танца, — добавила кареглазая Полли, переглянувшись с веснушчатой Оливией.

— Все это видели, — кивнула та. — Не удивлюсь, если в сегодняшнем «Сплетнике» появится статья о вас.

Меня это не пугало. Ничего предосудительного мы не сделали, и бояться было нечего. Наоборот, такое внимание мне даже нравилось.

— Он красив, умён и очарователен. Недавно вернулся из Фрео, где проходил двухлетнюю службу при дворе императора.

— А еще виконт очень богат, — вставила Полли.

Для подруги это было самым главным. Три года назад отец промотал на скачках всё состояние и единственное, что у них оставалось, это имя. Теперь девушка искала жениха побогаче. В тот момент выбор был остановлен на господине Понсе — сорокалетием вдовце с залысинами и толстым животиком, который годился девушке в отцы. Даже его единственный сын Генри Понсе был старше девушки на целый год, но её это совершенно не смущало.

В конце концов, она всё-таки стала женой господина Понсе сразу после своего совершеннолетия. Только брак продлился недолго. Уже через восемь месяцев Полли стала вдовой при весьма щекотливых обстоятельствах. Ходили слухи, что уважаемого господина хватил удар, когда он застал молодую супругу в одной постели со своим сыном. Доказательств не было, но Полли пришлось в спешке покинуть столицу, перебравшись в провинцию, где через полгода она произвела на свет здоровую девочку. Как только траур закончился, они с Генри поженились. По возвращении из Академии я отправила им письмо с поздравлениями и подарок — фарфоровый сервиз на двадцать четыре персоны. Надеюсь, они будут счастливы.

Но это всё будет потом, а тогда мы просто отдыхали.

— Селии это неважно, — хмыкнула Жульетт. — За неё дают такое приданное, что нам и не снилось. Она у нас девушка обеспеченная и родовитая.

Разговоры о деньгах утомляли и вызывали тоску.

Я быстро встала со своего места и потянулась.

— Пойду к озеру. Кто-нибудь хочет со мной?

— Мы посидим тут, — улыбнулась Оливия.

Я пожала плечами и отправилась по дорожке вниз, один из слуг тенью последовал за мной на расстоянии пяти шагов. Не надо быть гением, чтобы понять, о чём подруги будут шептаться. Я знала, что они завидовали мне, и это вызывало в груди непонятную боль.

Матушка, которой я рассказала о своих подозрениях, лишь махнула рукой.

— Ты Торнтон, тебе должны завидовать. Чем больше, тем лучше.

Но мне хотелось другого, чтобы со мной просто дружили, а не перемывали косточки, стоит только отвернуться.

Именно у озера искра и проснулась.

Дуновение легкого ветерка, ласкающего кожу, внезапно в одно мгновение сменилось штормовым вихрем, сбивающим дыхание и едва не свалившим меня с ног. Я пошатнулась, хватаясь руками за воздух, пытаюсь не упасть. И воздух вдруг стал материальным и таким объёмным. Он замерцал перед глазами, а вода, трава и голубое небо неожиданно утратили краски, став блеклыми и тусклыми. Голоса и звуки смолкли, оставив лишь стук собственного сердца и сбивчивое дыхание.

Мир замер и замедлился, почти застыл.

— Великие, — собственный шепот оглушил и заставил вздрогнуть.

А потом я увидела искру. Скачала это была именно искорка, возникающая у водной глади. Она мерцала и билась в унисон с моим сердцем. Но с каждой секундой она становилась всё больше и ярче. Вскоре мне пришлось зажмуриться и закрыть лицо руками, таким ослепляющим был свет.

Искра надвигалась, неся за собой тепло и покой. Невероятные и такие родные ощущения. Я перестала бояться, еще до конца не осознав, что именно происходит, но уже принимая дар Великих.

А дальше я потеряла сознание и очнулась уже дома. Моя судьба была решена. В начале сентября следовало отправиться в Академию, чтобы научиться пользоваться даром и стать одной из искрящих. Матушка и Лео убеждали, что я могу проучиться там всего год, это минимальный обязательный срок. Оставшиеся четыре года студенты обучаются, лишь лично изъявив желание. Я так и хотела поступить. Но в конце первого курса всё изменилось.

Я не могла вернуться домой, моё сердце было разорвано в клочья. Вернуться домой, в столицу и вести праздную жизнь богатой наследницы? Нет, на это сил у меня не было.

Поэтому я отказалась, посвятив себя учёбе.

Пока на горизонте не появился Эйдан. Именно он помог забыть мне прошлое и бесстрашно взглянуть в будущее. Именно жених позволил мне доучиться последний курс, согласившись подождать целый год.

А я предала его, не рассказав правды.

— Приехали, — сообщил Леонард, и карета остановилась недалеко от чёрного входа. — Готова? Как будто у меня был выбор.

— Да, — прошептала я, подавая руку, чтобы он помог спуститься.

Глава Четвертая. Последствия ошибок

— Ах ты, дрянь!

Злобный крик, полный жгучей ненависти, и последующий за ним удар слились в одно целое. Щеку опалило огнём боли, перед глазами вспыхнули искры, и я едва смогла устоять на ногах.

Надо же, а с виду такая хрупкая женщина — тоненькая, бледная, тёмные круги под глазами были тщательно замаскированы специальной косметической глиной. Ладонь у неё была изящной с тонким запястьем и длинными пальчиками, а вот сама рука оказалась тяжелой и пощёчина обжигающей. Именно эффект неожиданности и моя растерянность сыграли свою роль. Я просто не успела уклониться в сторону, а так и осталась стоять, хлопая ресницами и прерывисто дыша.

Обидно и унижительно.

Новый замах, словно ей мало было моего унижения, но на этот раз я была начеку и дёрнулась в сторону, отступая на шаг и едва не спотыкаясь о кресло.

Но удара не последовало, женщина опустила руку, презрительно меня оглядывая.

«А ведь ей нравится. Нравится видеть меня сломленной. Гораздо больше, чем просто ударить».

— Ну уж нет, — свистящим голосом произнесла леди Франсина Санроу. — Я не буду больше марать руки о такую дрянь, как ты.

Я промолчала, продолжая смотреть прямо в перекошенное от гнева лицо бывшей будущей свекрови.

Она всегда меня ненавидела и не одобряла выбора сына. Нет, напрямую вдова Санроу никогда ничего не говорила, всегда оставаясь приветливой и даже ласковой. Вот только от её улыбки и сладких речей у меня сводило щеки и ныли дёсны. Она была слишком умна для такой непростительной оплошности.

Эйдан любил меня и твёрдо заявил о намерении взять в жены. Объявить о своём недовольстве, означало пойти против его воли и потерять. А этого леди Франсина допустить никак не могла.

Женщина была манипулятором, умело пользовалась слабостями других и всегда оставалась в выигрыше при любом раскладе. Слабостью Эйдана была любовь. Он очень любил мать, которая вырастила его одна, и всячески старался сделать её жизнь лучше.

А что делала эта женщина? Болела. Очень долго, длительно и практически неизлечимо. Любая мелочь или стресс вызывали обмороки, жуткие мигрени и боли в груди. Эйдан тогда всё бросал и спешил к ней, просиживая у кровати и умоляя побережись.

Актриса из леди Франсины вышла замечательная, наверное, причиной этому можно посчитать многолетнюю практику. Но Эйдан ей верил, а я предпочитала молчать, наивно предполагая, что с нашей свадьбой всё изменится.

Но сейчас, глядя в её холодные глаза, я вдруг отчётливо поняла, что нет. Леди Франсина никогда бы меня не приняла и сделала бы всё, чтобы превратить мою жизнь в сплошные мучения, доставая постоянными придирками и замечаниями. Пока бы я не взорвалась, вынуждая Эйдана делать выбор (не уверена, что он был бы в мою пользу), либо просто сгорела.

И дело было не только в моём положении. Многие забыли, да и я никогда не обращала на это внимание, но леди Санроу не родилась аристократкой. Её дед семьдесят лет назад разбогател на торговле товарами из Фрей. Именно тогда солнечная империя, которая столько столетий была закрыта от всего мира и существовала очень обособлено, решила открыться миру. Восхождение на трон императора Либерия всё изменило.

Но жители Ванагории, с которыми Фрея граничила на юго-западе, не спешили открывать

двери и начинать свободную торговлю, настороженно относясь к изменениям.

Этим и воспользовался Деймонт Лару. Мелкий торговец в небольшом пограничном городке, он первым понял перспективы отношений с империей и не побоялся начать сотрудничество. Статуэтки из нефрита, фигурки ужасных крылатых змей, называемые драконами, что были раскрашены яркими красками, и самое главное, фреольский шёлк, который быстро завоевал любовь всех великосветских модниц Ванагории, а потом и других стран.

Но на легальной продаже далеко не уйдёшь. Контрабанда. По документам Лару ввозил в Ванагорию одно количество товара, а по факту совсем другое. Конечно, необходимо было платить стражникам на границе, но выгода была намного больше. Желаящих приобрести невероятной красоты товар, даже по завышенным в несколько раз ценам, день ото дня становилось всё больше. Лару богател и поднимался всё выше по социальной лестнице.

Каких-то десять-двенадцать лет и старый торгаш стал одним из самых богатейших жителей юго-запада Ванагории. Аристократия, которая являлась постоянным клиентом Лару, была вынуждена принять его в свои ряды. И принять хорошо, иначе вожаемый товар уплыл бы у них из рук.

Именно в те беспокойные годы, когда конфликт между Ванагорией и Сангорией набирал обороты и народ замер в ожидании неизбежной войны, Деймонт Лару договорился о браке своей единственной внучки с виконтом Санроу. На момент заключения брачного союза ей было всего семнадцать, ему пятьдесят три. Оланд Санроу был дважды вдовец, но не это заставило его искать жену. Три месяца раньше, во время страшного шторма в Тихой бухте затонул корабль, на котором плыл его единственный сын, а также двое внуков. Никто не выжил. Род Санроу был на грани исчезновения и дальний родственник уже видел себя наследником сокровищ древней семьи. Именно поэтому виконт особо не стал копаться в невестах, мечтая как можно скорее заполнить наследника.

Эйдан родился ровно через девять месяцев после поспешной свадьбы и был очень слабеньким. Целители боялись, что он не выживет, а если выживет, то будет страдать слабоумием. К счастью, этого не случилось.

Злые языки утверждали, что молодая жена так торопилась забеременеть, что заделала ребёнка с двоюродным племянником виконта, который и должен был стать наследником всего, если бы Эйдан погиб. Но доказательств непристойного поведения Франсины не было, тем более, Эйдан был очень похож на отца.

Оланд Санроу умер через два года после свадьбы. Несчастный случай на охоте. Он оставил безутешной вдове и сыну титул, деньги, несколько богатых и преуспевающих поместий и золотые прииски на склонах Анагорских гор. Через пару недель умер и племянник Санроу. Утонул в озере.

Количество несчастных случаев меня лично настораживало, но опять-таки доказательств ни у кого не было.

Франсина Санроу была безутешна и больше замуж не выходила, полностью посвятив себя сыну.

Именно золотые прииски, которые приносили ежегодно около десяти тысяч золотых, сыграли важную роль в нашей помолвке. Отец просто не мог такого упустить.

— Денег никогда не бывает много, — рассудительно заметил он, подписывая брачный контракт накануне моего отъезда в академию.

Мне было всё равно. Я любила Эйдана просто потому, что он был добрый, светлый и такой хороший. А он любил меня.

В этом и была проблема.

Я была опасна для Франсины Санроу. Её трон, на котором она восседала почти тридцать лет, пошатнулся, и власть над сыном стала выскальзывать из жадных ручюнок. Вот только раньше у этой опасной женщины не было ни единого шанса уничтожить меня, а

теперь всё изменилось. Я сама вручила виконтессе его в руки.

— Шлюха!

— Не правда, — совершенно спокойно ответила ей, окончательно придя в себя.

Ох, как до сих пор сильно горела щека. На лице наверняка остался след от её руки. Уродливая красная отметина.

По всей видимости, женщина никак не ожидала, что я осмелюсь возражать. В её представлении семья Торнтон была уже раздавлена, сломлена и уничтожена. А я могла лишь сносить оскорбления и заламывать руки, моля о прощении. О да, уверена, она с радостью посмотрела бы на мои унижения и подтолкнула к обрыву, вслушиваясь в предсмертный вопль перед встречей с неизбежным.

Ошиблась.

— Что? Да как ты смеешь?!

— Ваш личный врач проводил осмотр. Тот самый осмотр, о котором вы так настаивали.

— Ты обманула всех, маленькая дрянь. Обманула, использовав искру и ваши магические штучки.

— Ложь, — не теряя достоинства, ответила ей.

Мы с Лео вернулись домой всего полтора часа назад. Он быстро провёл меня через чёрный ход, велел сидеть в покоях и не высовываться.

— Тебе не стоит здесь появляться. Только не сейчас.

Возражать я не стала.

Конни, которая уже поджидала меня в покоях, лишних вопросов не задавала. Помогла раздеться, усадила в горячую воду с весёлыми пузырьками и сразу же вручила целебную настойку, которая помогла уничтожить на корню подступающую простуду. Но какой же противной она была.

Переодевшись в домашнее платье из тонкой шерсти, я сидела в кресле у камина, неотрывно смотря на пламя. В руках крутила веточку жасмина. Драгоценные камни нагрелись от рук, а цветы ощущались совсем как живые. Мысли были далеко, а будущее туманно и зябко.

Я вновь и вновь прокручивала последний разговор с Архольдом. Там что-то было странное, что не давало мне покоя.

Получается, Корвил считает, что это я сдала его властям и поэтому ненавидит и мстит? Его чувства понятны, ведь только мне было известно его местонахождение. Проблема была в том, что я этого не делала. Бесспорно, хотела, но не стала.

Хотя, какая разница. Всё равно, что Дерек думает и за что презирает. Мне вполне хватает собственной ненависти и боли, которая никуда не делась за эти годы.

Именно поэтому приход леди Франсины оказался для меня полной неожиданностью.

— Ты расчётливая дрянь, — женщина вновь взмахнула рукой, намереваясь ударить, но я уже была готова к этому. Уворачиваться больше не стала, а лишь перехватила руку, крепко сжав запястье. — Пусти!

— Не смейте больше так делать. Никогда! Я не ваша служанка! Я Селина Торнтон и требую к себе уважения.

— Ты шлюха сангорийского герцога, — вырывая руку, выкрикнула она и отступила. — К вечеру вся столица будет об этом знать!

— Не правда. Я невинна и искру не использовала. Использовать дар Великого Сына для подобных целей большой грех и грозит большими неприятностями.

— Вот ты их и получила! — радостно провозгласила она. — Великие наказали тебя за ложь и похоть. Я говорила Эйдану, что ты нечестива, предупреждала моего мальчика. Но он не слушал. Приворожила, околдовала, лишила рассудка! «Селина самая лучшая!», — изображая сына, произнесла женщина, а голос её был полон яда и ненависти, которые она даже не пыталась скрыть.

— Селина самая умная, честная и красивая! Селина то, Селина — сё! А оказалось вот что. Ты смешала наше имя с грязью. Был бы жив мой дорогой супруг... Это ужасно. Опозорила, обесчестила, уничтожила. Пусть Великие проклянут тебя!

Последняя фраза прозвучала так грозно, что я невольно поёжилась. Грешно разбрасываться такими словами.

— Я этого не хотела.

— Ты пыталась смыть свой разврат с помощью моего мальчика. Может, ты уже ребёнка нагуляла?

Я вздрогнула и быстро покачала головой. Как она может думать так? Всеми же есть предел.

— Я люблю Эйдана.

— Ты, — её длинный тонкий пальчик указал мне прямо в лицо. — Клянусь Великими, ты больше никогда не подойдёшь к моему мальчику. Никогда и ни за что.

— Это не вам решать.

— Мне. Я не позволю снова задурить ему голову. Хватит. Наигралась. Завтра же мы уедем из Ваногории. А тебя ждёт ссылка в дальнее поместье, где ты сдохнешь одна, всеми забытая и брошенная.

— Вам не удастся настроить Эйдана против меня. Он меня любит, — повторила я уже не так спокойно. Виконтесса знала, на что надавить, чтобы пошатнуть уверенность.

— Любит. Но ненадолго. Мужская любовь быстротечна. Пострадает немного и забудет. С глаз долой, из сердца вон. А я уж точно обеспечу ему невесту. Скучать он точно не будет.

— Вы всё равно не сможете нас разлучить, — сжимая кулаки, прошептала я.

— Не надо сваливать всё на меня, Селина. Ты сама виновата. Так что пожинай плоды.

— Мама?...

Мы с ней так увлеклись разговором — она злорадствовала, а я пыталась доказать ей и себе, что для нас еще не все кончено, что не заметили, как в мои покои бесшумно вошёл Эйдан.

Интересно, как долго мужчина стоял и сколько успел услышать? За себя я не волновалась. Всё сказанное было от чистого сердца, и я, если понадобится, вновь готова была повторить, причем неоднократно. Лишь бы поверил. А вот леди Франсине так не повезло. Она показала своё истинное лицо, которое столько лет успешно прятала под маской благочестивой и кроткой леди, и как на это отреагирует сын, еще неизвестно.

Я перевела взгляд с Эйдана, который продолжал стоять в дверях, на его мать. Женщина побелела, светлые глазки бегали туда-сюда, и она явно не знала, что делать. Но надо отдать должное, виконтесса быстро взяла себя в руки.

— Эйдан, сынок, — ласково пропела леди Санроу, нацепив на лицо сладкую улыбочку, и направилась к сыну. — Что ты здесь делаешь?

Не помогло.

— А ты? — сухо спросил он, даже не удосужившись посмотреть на мать. Его глаза были прикованы только ко мне.

— Я? Уже ничего, — она взяла его за локоть, попыталась развернуть и вывести прочь отсюда. — Уже ничего. Нашу карету подали? Пора ехать. Не хочу больше оставаться в этом доме. Это так ужасно. Так ужасно. До сих пор не могу поверить.

Я осталась стоять на месте, смотря на жениха и ожидая дальнейших действий. Уйдет или останется? Бросит или простит?

От волнения у меня перехватило дыхание и взмокли ладони.

— Мне надо поговорить с Селиной, — произнёс молодой мужчина, освобождаясь из цепких рук матери.

Но она не хотела так легко и быстро сдаваться.

— Милый, тебе нельзя находиться в покоях с этой...

— Матушка, выбирайте выражения.

— Мы должны уехать. Прямо сейчас, — её голос утратил ласковые нотки, став холодным и требовательным. Длинные пальчики с силой сжали ткань тёмно-зелёного камзола.

— Подождите меня в общем холле.

— Эйдан!

— Матушка, — не менее ледяным тоном ответил он. — Оставьте меня с невестой наедине. Сейчас!

Я вздрогнула.

Никогда не слышала, чтобы Эйдан разговаривал с кем-либо в подобном тоне. На ум пришла мысль, а так ли хорошо я его знала, как мне казалось? Те короткие непродолжительные встречи в стенах Академии, куда виконт два года приезжал навестить меня, и пять месяцев, в течение которых мы почти не виделись, занятые подготовкой к свадьбе, разве это могло рассказать о человеке всё? Когда-то мне казалось, что да.

Виконтесса мгновенно оценила ситуацию, поняв, что настаивать не стоит, и недовольно поджала губы.

— Хорошо, дорогой, — её голос был особенно звонким и пронзительным в тишине, которая давила на нас. — Я подожду тебя. Только недолго. Не давай этой... получить еще один козырь.

И ушла, стуча каблучками и шелестя пышными юбками. Тихо закрылась дверь, и я смогла вздохнуть. Оказалось, я задержала дыхание, боясь дернуться и спугнуть что-то. Может быть надежду?

— Здравствуй, — произнёс Эйдан, проходя вперёд.

Но не ко мне. Мужчина обогнул столик и сел в дальнее кресло, даже не дождавшись, как присяду я. Такое попрание норм и правил вывело из равновесия.

— Здравствуй, — я села на краешек дивана, сцепив руки в замок и положив на колени. Так можно будет скрыть, как сильно они дрожат от волнения.

— Ты встречалась с Архольдом.

Утверждение, которое могло стать приговором.

«Спокойно, Селина. Спокойно!»

— Да, — ответила ему и тут же быстро добавила, боясь, что мужчина сейчас встанет и уйдет из этой комнаты и из моей жизни. — Но это ничего не значит. Эйдан, я люблю тебя. Только тебя!

— Леонард говорил, что вы враждовали в Академии, что он доставал тебя, мешая жить.

Это тоже была ложь?

— Нет. Правда.

— И как тогда ты стала его женой, если вы ненавидели друг друга?

Если бы всё было так просто. Взять и рассказать то, чего я сама до конца не понимала.

— Я не знаю. Всё так сложно.

— Ты должна была мне рассказать.

— Должна, — быстро кивнула я. — Но не могла. Это же позор. Мне было так стыдно и тяжело вспоминать, не говоря о том, чтобы кому-то рассказать. Я верила, что произошедшее в прошлом, что у нас с тобой столько всего впереди.

— Ты любила его? — снова неудобный вопрос и я замерла, кусая губы.

Но лгать было нельзя. Только не сейчас, когда любая мелочь может уничтожить то хрупкое, что еще осталось между нами.

— Да. Мне тогда казалось, что любила. Но я ошиблась. Любовь — это созидание. Она должна окрылять, дарить успокоение и счастье. Как у нас с тобой.

Не помогло.

— Ас ним?

Я видела, как Эйдану больно спрашивать, как ему тяжело, но он вновь задавал неудобные вопросы.

— С ним? — слова закончились, а картинки прошлого лишь смущали, не давая сосредоточиться. — С ним всё было ярко, мощно. Я была как мотылёк, полетевший на огонь. И я сгорела. Короткая вспышка и остались лишь угли.

— Ты хочешь остаться с ним?

— Нет! — я ответила быстро, не раздумывая, и для пущей убедительности еще и покачала головой. — Я люблю тебя! Только тебя! А Архольд лишь прошлое, о котором я забыла. Прости меня, если сможешь. Я знаю, что поступила ужасно. Знаю. Если бы только можно было вернуться и всё изменить.

Слёзы навернулись на глаза, и я шмыгнула носом, пытаюсь их удержать. Эйдан не переносил женских слёз, вот и сейчас не выдержал. Быстро пересел с кресла на диван рядом со мной, бережно накрыв ладонью мои сцепленные руки.

— Наверное, я должен ненавидеть тебя, Селина. Мне больно, очень больно. Внутри горит, хочется кричать и ломать всё вокруг. Должен, но не могу. Ты помнишь, как мы впервые встретились?

— Да, — я улыбнулась сквозь слёзы и постаралась успокоиться. Он рядом со мной. Всё будет хорошо.

— Это был бал у мадам Круиз. Ты только недавно вернулся из Фреи, где два года служил у императора.

— Да. Фрея удивительная страна, открытая и в то же время очень своеобразная. Манеры, правила, обычаи и поклонение душам умерших. Они верят, что наши предки остаются и охраняют нас. А еще они очень открыты и часто улыбаются. Иногда даже без повода. Просто потому что светит солнце и хорошая погода. Или идёт дождь, что тоже хорошо, будет урожай. Они умеют радоваться новому дню и миру. Я два года прожил среди них и отвык от холодного блеска ванагорской аристократии. А потом вдруг увидел тебя. У тебя была самая удивительная улыбка — искренняя, яркая и такая настоящая. И смех. Я услышал и пропал, не в силах отвести взгляд. Понял, что хочу видеть тебя каждый день, слышать твой смех. Это стало целью моей жизни. Моим проклятьем.

Эйдан расцепил мои руки и поднял ладошку к груди, прижимая в том месте, где билось

сердце.

— Ты навсегда поселилась здесь, Селина. И я ничего не могу с этим поделать.

— Ох, Эйдан.

Больше слов не было. То, что он сказал, было удивительным и таким прекрасным, что я сама потянулась к нему, касаясь мокрыми от слёз губами его губ. Почти невесомо, мягко.

— Прости меня, — вновь прошептала едва слышно, отодвигаясь назад. — Прости, если сможешь.

— Мы всё исправим.

— Великие, как бы я хотела, чтобы ничего этого не было.

Я встала с дивана и подошла к камину. Наблюдая, как огонь пожирает деревья, как они трещат и ломаются, превращаясь в яркие угольки.

— Ты хотел знать, как я стала его женой? — неожиданно тихо произнесла я.

— Селина...

Но молчать больше не было сил. Этот груз давил на плечи.

— Мы ведь действительно ненавидели друг друга. С самого первого дня.

— Я тебе верю.

— Нет. Я должна тебе рассказать. Понимаешь, должна. Не хочу, чтобы между нами что-то стояло, чтобы ты сомневался во мне и моих чувствах, — я глубоко вздохнула, повернулась к мужчине и продолжила. — Мы столкнулись у входа в женское общежитие. Я прибыла позже всех, задержка на границе, плюс еще матушке стало плохо и пришлось вызывать лекаря. Все уже были в своих комнатах, а я даже не познакомилась с соседками. Поэтому и заспешила. А Архольд, — я отвернулась, вновь взглянув на пламя камина. — Он шёл от своей подружки. Очередной. У него их много было за эти годы. Несмотря на отсутствие титула и денег, в нём чувствовалась порода и девушек это привлекало. Но обо всём этом я узнала гораздо позже.

Болезненное столкновение. Мой изумлённый вскрик, который словно ножом разрезал осенний вечер, еще сохранивший летнее тепло. Ступеньки у входа были крутыми и скользкими от мелкого дождика, который прошел совсем недавно. От неожиданности я едва не упала, нелепо взмахнув руками. Новая, пахнущая краской студенческая форма (длинная тёмно-синяя широкая юбка и белая блузка), ждали в комнате и на мне было неудобное платье, воротник которого успел натереть шею.

Сильные и крепкие руки схватили за плечи, не давая упасть и помогая восстановить равновесие.

Я, едва дыша, изучала белоснежный воротник с простеньким сине-зелёным галстуком и нашивку на лацкане тёмно-синего пиджака. Пятикурсник.

От него пахло свежестью и цветами. Запах был явно женский и казался чужеродным и неправильным.

— Не ушиблась?

Голос хриплый и такой удивительно проникновенный, что я быстро сглотнула застрявший у горла ком и отрицательно покачала головой, чувствуя, как выступают капельки пота.

— Прости, я тебя не заметил.

— Всё хорошо.

— Точно? Я могу проводить до комнаты.

— Не стоит. Спасибо.

Ответила ему и решила посмотреть на незнакомца. Даже попыталась дружелюбно улыбнуться. Но улыбка так и не коснулась моего лица, когда я встретила с серьёзным, даже каким-то испытующим взглядом чёрных, как сама ночь, глаз.

— Синеглазка, — пробормотал молодой человек неожиданно тихо.

— Что?

Щеки запылали от смущения. Никто и никогда не смел так ко мне обращаться, и я не знала, что делать. Но хуже всего, что я понятия не имела, нравится ли мне это или нет.

— Тёмные волосы и синие глаза. Моё любимое сочетание. Ты новенькая?

Улыбка едва тронула чувственные губы, но я успела её заметить и сердцебиение участилось.

— Да. Первый курс.

— Я Дерек Корвил, — рук он не убирал, продолжая сжимать плечи и смотря мне прямо в глаза.

— Селина. Селина Торнтон.

И всё изменилось.

Он так резко отпустил меня, что я пошатнулась на каблуках. Как будто этого было мало, он шагнул назад в тёмный коридор общежития, и я не могла разглядеть лица. Зато отлично слышала голос.

— Торнтон? Вана горня.

От него веяло холодом и опасностью. Я тут же забыла о воротнике, который натёр шею, о слишком обтягивающем крое платья, который сковывал движения, обо всех неудобствах.

— Да, — растеряно ответила ему, всё ещё не понимая, что произошло.

— Высшая аристократия, не так ли?

Звучало так, будто я была прокаженной.

— В стенах Академии все равны, — как по учебнику ответила я.

— Ну, конечно, — к холоду добавилась язвительность, но из коридора он выходит не спешил. А я отчего-то не хотела входить. — О вражде между Ваногорией и Сангорией тоже стоит забыть?

— А причём тут это?

Спросила, а сама уже знала ответ.

— Потому что я сангорианец, — ответил Корвил, вновь выходя на свет.

Его лицо было невыразительной застывшей маской, а взгляд не обещал ничего хорошего. — Потомок Архольда. Слышала?

— Нет.

— Ну еще бы. Вы никого кроме себя не замечаете. Никогда.

— Зачем вы так? Вы же совсем меня не знаете.

— Ая не хочу знать. Ты такая же, как остальные. Беспринципная и расчётливая дрянь! — процедил он и, не дожидаясь ответа, быстро спустился вниз и ушел.

— И почему он так с тобой обращался? — выслушав мой рассказ, спросил Эйдан.

Я пожала плечами.

— Если бы я знала. До сих пор не понимаю. Можно было принять за веру его не любовь к ванагорийкам, ведь наши страны тогда действительно враждовали. Но в Академии было полно других девушек и парней из Ванагории. И с ними он обращался на порядок лучше. Аристократия? Тоже не показатель. Архольд не смотрел на классовые различия, окружая себя и одними, и другими.

— И что тогда?

— Не знаю, — вздохнув, ответила я и вновь вернулась на диван. — Просто пришла к выводу, что он избрал меня игрушкой для битвы без каких-либо оснований и пинал, наслаждаясь беспомощностью и не способностью достойно ответить.

— Почему ты не рассказала учителям? Не обратилась к ректору? — Эйдан приобнял меня за плечи, и я вздохнула, вновь ощущая чувство покоя.

— А обращаться было не с чем. Он не делал ничего плохого, просто выставил душой и подвергал унижению. Со стороны придаться было не к чему, но чувствовала я себя ужасно. День за днём, неделя за неделей.

— Мне жаль, что тебе пришлось пережить всё это, — молодой мужчина поцеловал в висок и прижался еще теснее, гораздо теснее, чем это разрешалось нормами и правилами.

Но я не возражала.

— Клянусь, я пыталась его игнорировать, пыталась не замечать. Но становилось только хуже. Он словно старался вывести меня из себя, пробиться через защиту. Чем сильнее я сопротивлялась, тем жёстче Корвил действовал. Пока я сама не стала огрызаться в ответ.

— И когда всё изменилось?

— На весеннем балу Душ в Академии.

— И что там произошло?

Язык словно прирос к небу. Надо было всё рассказать Эйдану, но я не могла. Не потому, что боялась. Просто не хотелось делиться воспоминаниями. Такими родными, яркими и счастливыми. Это вдруг показалось неправильным.

— Архольд решил, что у него чувства ко мне и мы должны быть вместе, — как можно честнее ответила ему. И ведь не солгала.

— А ты?

— Меня никто не спрашивал, — горько улыбнулась в ответ и перевела разговор в другое русло. — Эйдан, как нам теперь быть? Леонард сказал, что ждать придётся больше месяца. Но я не хочу. От одной только мысли, что мы с Архольдом женаты, становится плохо.

Мужчина ласково коснулся щеки, которая еще горела от удара, и я дёрнулась.

— Я прошу прощение за несдержанность моей матери.

— Она меня ненавидит и никогда не одобрит.

— У неё не будет выхода, потому что я не собираюсь отступать. И у меня есть идея.

Звучало очень оптимистично.

— Завтра утром ты уезжаешь.

— В поместье? — недоверчиво уточнила я.

— Нет. Тебя отправят на побережье Корлии.

— Корлия? — я удивлённо приподняла брови. — На виноградники? Зачем? Я не понимаю.

— Жрец сказал, что ваш брак может расторгнуть лишь помазанник Великих. Проблема в том, что в связи с мирными переговорами король Гаретт Третий может отложить ваше дело на неопределённый срок или вообще отказать.

— Нет, — выдохнула я, бледнея прямо на глазах. — Нет!

— Этого мира ждали много лет. В Сангории правящий герцог Марлоу тоже может отказать по тем же самым причинам. Остаются правители Изгара, Корлии и Нарговии. В Изгар мы попасть не сможем, ущелье перекрыто и риск лавин слишком высокий. Король Нарговии слишком зависит от нашего, он не рискнёт идти против Гаретта.

— Остаётся король Корлии, — понимающе кивнула я.

— Да. Король Марико еще не простил выходку Гаретта и захочет отомстить.

О той истории не принято было говорить открыто, мало того, строго запрещалось, но отдельные слухи всё-таки просочились и сплетницы не могли удержаться, чтобы не поделиться ими, добавляя к этому еще и свои предположения. История за полгода обросла такими подробностями, что сложно было понять, где правда, а где вымысел. Единственное, что можно было сказать, камнем преткновения двух королев стала одна симпатичная дама с солнечного острова Террико, где всегда царил лето.

— Великие, Эйдан. У нас есть шанс.

— Есть. Я не позволю этому чудовищу разлучить нас, — он взял мои ладони в свои руки и поднёс к губам, нежно целуя и согревая дыханием. — И я отомщу за тебя, Селина.

— Что?

— Ничего. Мне пора идти, — он поспешно встал с дивана. — Матушка волнуется. Встретимся через несколько дней.

— Несколько дней, — я поднялась следом. — Эйдан, ты больше ничего не хочешь мне рассказать?

— Я люблю тебя, — мужчина ласково обрисовал подушечками пальцев моё лицо и нежно коснулся губ в лёгком поцелуе. — Жди меня. Всё будет хорошо.

И быстро ушёл.

Вроде всё хорошо и план замечательный, но я не могла избавиться от ощущения надвигающейся беды. И эта оговорка жениха не давала покоя.

Ощущение тревоги возрастало и крепло внутри. Чему изрядно способствовала неизвестность перед будущим и тем, что происходило внизу. Я не знала, что задумал Леонард, что сказали приглашенным на свадьбу гостям родители. Какие слова подобрали, чтобы сгладить назревающий скандал, который непременно должен был разразиться, ведь ничто не могло замаять новость о том, что самая ожидаемая свадьба сезона вдруг расстроилась. Я не сомневалась, что слухи будут ходить самые невероятные, что наше имя будут долго обсуждать всё сплетники и кумушки столицы и всей Ваногории. Каждый станет шептаться и с удовольствием смаковать детали, строя догадки.

Но что именно им скажут?

А еще меня очень тревожил Эйдан и его слова. Ведь это была не просто оговорка, а что-то большее. Неужели он решит поквитаться с Архольдом. Надеюсь, что нет, потому что... Я вздрогнула, понимая, что у Эйдана нет ни единого шанса выстоять против Корвила.

Я заходила по покоям, заламывая руки и вздрагивая от каждого шороха, то и дело бросая взгляды на закрытую дверь. В какой-то момент, не выдержав напряжения, решила и вышла на лестницу, чтобы замереть, растеряно кусая губы. На площадке

второго этажа стояли лакеи, обязанность которых была не выпустить меня из покоев и не дать никому пройти. Интересно, как давно они стоят?

Хотелось узнать ответ и на другой вопрос. Почему они пропустили Эйдана и его мать. Не так. Почему прошёл Эйдан, я и так знала, но виконтесса... В сложившейся ситуации, её никак нельзя было пропускать.

Ответ напрашивался сам собой. Леонард разрешил. Вот оно заслуженное наказание и последствия, которые я должна была стойко принять.

Старший брат всегда отличался изощрённым чувством юмора и жестокостью.

— Вы что-то хотите, госпожа? — спросил один из них. Альер, если я не ошиблась.

— Нет, — покачав головой, я вернулась в свои покои.

Этот день тянулся невыносимо медленно и нудно. Ни отец, ни мать, ни брат так и не пришли поговорить или сообщить о дальнейших планах и судьбе. Меня будто вычеркнули из жизни, выбросили за борт как ненужную, испорченную вещь. Неужели ссылка и забвение?

Конни приходила несколько раз, приносила еду и забирала её через час практически нетронутую. Девушка спрашивала, нужно ли мне что-нибудь, и совершенно отказываясь что-либо рассказывать, поспешно удалялась.

Это неведение убивало. Я бесцельно слонялась из одной комнаты в другую. Лежала свернувшись калачиком на кровати или вытянувшись и устремив взгляд в потолок. Пыталась читать, устроившись на одном из мягких кресел, сняв туфельки и практически не видя букв, которые расплывались перед глазами. То и дело брала в руки веточку жасмина, находя в ней какое-то странное успокоение. Даже пришлось проверить её на наличие магии, но всё было чисто. Брала, рассматривала, любясь искусной работой, и снова откладывала, злясь на саму себя.

План Эйдана меня более чем устраивал. Он был логичен, правилен и безопасен для нас обоих.

Великие, клянусь, готова была заплатить какие угодно деньги, отдать все свои драгоценности. Лишь бы расторгнуть этот брак. Даже страх перед Богами, которые непременно ответят за непочтение, не пугал, я была уверена, что мы с Эйданом всё преодолеем. Потому что вместе.

Единственное место, которое я избегала в покоях — трюмо в спальне с большими зеркалами. Священная вязь на лице никуда не делась и ярко выступала на лбу и висках. Смотреть на неё было горько и больно.

Невеста — не невеста. Жена — не жена.

Кто же я на самом деле?

Постепенно сгущались сумерки. Мои комнаты находились в дальней башне на третьем этаже. Все окна выходили в сад и внутренний дворик, поэтому я не могла увидеть отъезд гостей и хоть что-то услышать.

На улице дождик мелодично барабанил по крыше. Прозрачные струйки воды причудливыми изогнутыми ручейками стекали по стеклу, мешая обзору. Как же там потеплело, если вместо снега опять пошёл дождь.

Я подошла к камину, подбросила пару дров и села в кресло, стоящее напротив, любясь огненными всполохами. Это успокаивало. Мягкая шаль из пуха егорьской ламы укрывала плечи и была почти невесомой. Несмотря на ажурный узор, она была тёплой и мягкой, как настоящее облачко.

Бронзовые часы, украшенные пухлыми крылатыми младенцами и виноградной лозой, стояли на каминной полке и показывали половину восьмого вечера. Солнце давно зашло, и гостиную освещало лишь затухающее пламя.

Почти ночь и ничего. Ни словечка. Даже записку не прислали. Я понимала, что виновата, мне об этом рассказали еще четыре года назад, но сейчас такое поведение было жестоким и неоправданным.

Едва слышно скрипнула дверь, впуская в покои Конни, в руках которой был поднос с ароматным чаем и сдобные булочки с корицей.

— Это от Франка, госпожа, — ставя поднос на столик, произнесла девушка и застыла, скрестив руки на животе.

— Я не хочу, Конни, — не оборачиваясь, ответила ей.

С тихим треском одно из поленьев развалилось, вверх взвились искры, заиграли красным красные угли.

— Вы сегодня почти ничего не ели, — продолжала настаивать она. — Так нельзя.

Как можно есть, когда внутри всё дрожит от страха и неизвестности?

— Что там происходит? Почему мне ничего не говорят?

— Гости почти разъехались, — тихо ответила горничная, и я повернула голову.

Заговорила. Неужели есть шанс всё у неё выпытать?

— Что им сказали?

Не выдержав моего взгляда, девушка потупила взор и вжала голову в плечи, словно чего-то боялась.

— Мне было приказано молчать, госпожа. Лорд Леонард велел ничего вам не говорить.

Если бы Лео действительно этого хотел, то никогда бы не позволил Конни бывать у меня и приносить еду. Вместо преданной горничной, брат подслал бы кого-то другого. Нет, он понимал, что рано или поздно девушка проговорится. Тогда к чему всё это? Очередная игра?

— Конни, я скоро на стену полезу от неизвестности. Ты же понимаешь, что ничего плохого не случится, если я хоть что-нибудь узнаю.

Сомнения отразились на её хорошеньком личике. По всей видимости, горничная сама не понимала, к чему такая скрытность. Она виновато шмыгнула носом и нервно потерела белоснежный передник. Потерять работу ей не хотелось, но жалость победила.

— Гостям сообщили, что свадьба отложена на неопределённый срок по воле короля.

Вот этого я точно не ожидала.

— Короля? — выдохнула я, вставая с кресла и недоверчиво хмурясь. — Леонард разговаривал с королём?

— Я не могу знать, госпожа. Просто повторяю то, что сообщили гостям.

— Что же он задумал? — пробормотала я, спрашивая у самой себя и не находя ответа.

Это не может быть ложь. Лео никогда не будет играть словом правителя. Подобное может быть чревато большими неприятностями. Гаретт Третий очень не любит, когда его именем прикрывают свои грязные делишки. Значит, действительно общался. Но так быстро? И что ему сказали? Сколько вопросов, на которые не было ответов. От всего этого еще сильнее заболела голова и сдавило виски.

А я-то наивная думала, что, узнав правду, мне станет легче. Ничего подобного. Всё еще больше запуталось.

— Вам надо поесть, госпожа, — подала голос Конни. — Вам нужны силы.

— Да, силы мне не помешают, — рассеяно отозвалась я.

— Я попозже приду за подносом и помогу вам подготовиться ко сну, — горничная склонила голову и уже собралась уйти.

— Стой. Подожди. А виконт Санроу? Он уехал?

Что-то было не так. Я поняла это по тому, как напряглось её тело, и она застыла, виновато пряча глаза.

— В чём дело, Конни?

— Он и виконтесса уехали ещё утром. До того, как гостям сообщили о том, что свадьбы не будет.

— Конни, — я шагнула к ней и просительно улынулась. Великие, если понадобится, я была готова даже умолять её на коленях. Тревога достигла апогея и вот-вот должна была взорваться, обернувшись крупными неприятностями. — Ты же что-то знаешь...

— Я неуверена.

— Прошу, скажи мне.

Она замялась, но ответила.

— Это всего лишь слухи, госпожа. Но Керит случайно слышал разговор виконта и лорда в конюшне. Как раз перед их отъездом с виконтессой. Говорят, что лорд Эйдан вызвал на дуэль герцога Архольда.

Вот и всё.

Ноги подкосились, и я едва не упала, сипло переспросив:

— Что?

Девушка, видя моё состояние, подскочила и помогла сесть на диван.

— Госпожа! Ну что же вы так. Я же говорила, что вам надо поесть. Уже на ногах не стоите. Это же всё слухи. Керит мог и ослышаться.

— А герцог? Он согласился?

«Нет. Нет! Прошу! Только не это!»

— Я не знаю, госпожа. Этого никто не знает. Но виконт Санроу настаивал на высшей ступени.

Высшая ступень подразумевала смерть или тяжелое ранение одного из дуэлянтов.

— А Леонард? — прохрипела я, хватая горничную за руку.

«Он же должен был его остановить. Должен! Леонард ведь знал, насколько опасен Архольд. Не мог не знать!»

— Пожелал удачи.

— Что?

Мне послышалось. Точно послышалось.

— Он не стал отговаривать Санроу от дуэли? — я изо всех сил вцепилась в её руки, пытливо заглядывая в глаза.

— Керит сказал, что нет. Госпожа, вам плохо? Может пригласить врача?

— Нет, — я мотнула головой, пытаюсь что-то придумать. Надо было действовать и как можно быстрее.

— Я устала и хочу спать.

— Сейчас?

— Да. Набери мне ванную и разбери постель. Я буду спать. Сейчас! — последнее слово я выкрикнула нервно, голос был пронзительным и тонким.

Через полчаса, как только дверь за Конни закрылась, и шаги на лестнице стихли, я еще некоторое время лежала в кровати, по горло укрывшись одеялом. Спешка в этом деле опасна. И надо было подождать. Хоть немного.

Один, два, три... десять... тридцать.

Одеяло в сторону, и я слезла с кровати, на ходу стаскивая тонкую сорочку и избавляясь от белья, пока полностью не обнажилась. Волосы тяжёлыми локонами накрывали спину и грудь, лаская и щекоча кожу.

— Да простят меня Великие, — прошептала едва слышно и встала посреди спальни, закрывая глаза и призывая искру.

Хуже всё равно не будет, ведь самое страшное вот-вот случится. А смерть Эйдана я не переживу и не прощу себе никогда.

Искра откликнулась сразу.

Тёплым ветерком прошлась по всему телу и вспыхнула прямо в сердце.

Тихо ахнув, я выгнулась в спине и развела руки в стороны, будто хотела взлететь птицей. Свободной и неуловимой.

Каждое обращение к искре уникально, неповторимо и ощущается, словно в первый раз. Тепло, сила и возможности. Много возможностей, которые не доступны обычным людям. Дар Великого Сына — плута и насмешника, который вновь и вновь играл с нами, путая нити судьбы.

Сила заполнила каждый капилляр, вену и сосуд в теле, окрашивая его в лазурно-голубой цвет, который выступал под кожей.

Со стороны это смотрелось красиво. В Академии я не раз видела призыв магии — когда бледное тело искрящего было сплошь исчерчено сотней нитей самого разного размера. Правда, тогда мы не раздевались донага. Но всё равно было красиво.

Волосы, насыщенные магией, волнами поднимались вверх, щекоча лицо, и опадали вниз. Искры сияли в них, будто сотни звёздочек, а кожу приятно покалывало.

Но времени упиваться силой и свободой не было.

Сначала я принялась создавать свою фантомную копию. Воздух, загустевший в моих руках, легко подавался лепке. Шепча древние слова, которые в нас вбивали преподаватели, я формировала двойника.

Воздух вибрировал и сиял от Великих слов, но поддавался, покорный моим рукам и пальцам.

Лицо, волосы, нос, глаза и даже улыбка. Это было немного жутко — видеть своё отражение, знакомые черты. Проблему вызвала лишь вязь. Воспроизвести её у меня не получилось. Оставалось надеяться, что в темноте никто не будет присматриваться. А потом я вернусь, и никто ничего не узнает.

Слава Великим, больше искрящих у нас в семье не было и поймать меня не могли.

Десять минут и напротив стояла моя точная копия и улыбалась.

— Оденься, — тихо приказала я, указав на вещи, которые только недавно сняла с себя.

Она кивнула и оделась, после чего вопросительно взглянула на меня, ожидая нового приказа.

— Спи...

Копия кивнула, забралась на кровать, легла на бок, обнимая подушку, совсем как я, закрыла глаза и сразу же уснула. Грудь медленно поднималась и опадала, размеренное дыхание и дрожь ресниц, так словно ей (мне) снились сны.

Я не могла не улыбнуться, довольная результатом. Не зря получила высший балл по проекциям. Думаю, профессор Маркур был бы мной доволен. И контроль идеальный, ни единой заминки.

Жаль, что они недолговечны и даже напитанные магией держались максимум пять часов. Но этого хватит.

Фаза номер два.

Бросив последний взгляд на фантом, я подошла к окну и распахнула его, впуская прохладный и влажный воздух в спальню. Капельки дождя, чудом попавшие на кожу, в одно мгновение, с лёгким пшиком, испарились паром, незаметным обычному глазу.

Холодно не было, искра грела тело и душу, окружая меня словно коконом.

Я вновь повторила ритуал создания, только изменила форму. Сейчас мне надо было не просто создать фантом, а оболочку для себя. Поэтому тело белоснежной птицы надо было максимально укрепить, иначе она просто не выдержит нагрузки. Это не просто иллюзия, а второе тело. Моё будущее тело.

Белые мягкие перышки с серыми вкраплениями, крючковатый нос и огромные желтые глаза. Её сердечко быстро забилося в моих руках, запуская кровь и пробуждая жизнь. Не настоящую, но жизнь.

Постепенно наши сердца забились в унисон. Глаза в глаза, душа в душу, пока мы не стали единым целым. Я, не отрываясь, смотрела в глаза совы, сосредоточившись на стуке сердец и отринув прочь все обиды и страхи. Сейчас они только мешали, утягивая вниз.

Не знаю, сколько прошло времени, просто в какой-то момент я перестала чувствовать своё тело. Оно искрящим вихрем закружилось на месте, чтобы влететь в птичку.

Вдох-выдох.

Мои руки — её крылья.

Мои глаза — её глаза.

Мой крик — птичий клёкот.

В комнате Селины Торнтон было темно и тихо. Хозяйка мирно спала в своей постели, а в открытое окно бесшумно вылетела белоснежная сова, которая держала путь в сердце столицы Ванагории.

Туда, где её уже ждали.

Глава Пятая. Ловушка для двоих

На улице шел дождь. Тяжелые свинцовые тучи низко висели над городом, полным блеска и ярких огней. И если на окраинах дождь был небольшим и мелким, который неприятными крохотными брызгами бил в лицо, то в сердце древнего города всё было иначе.

Ветер злобно завывал в трубе камина, срывая остатки листьев, которые еще каким-то чудом уцелели, и ломал хрупкие ветки деревьев. Дождь громко стучал по крыше и плитке, которая украшала небольшой дворик за домом.

Раскрыв пошире стеклянные двери, ведущие в сад, герцог закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Крупные капли, ведомые сильным порывом ветра, попали на лицо и тонкую рубашку, оставляя после себя мокрые дорожки. Но мужчина даже не вздрогнул, продолжая неподвижно стоять, словно чего-то ожидая.

Ему не хватало грозы и грома. Так, чтобы от грохота закладывало уши, а небо сияло от кривых вспышек молнии. Ему не хватало запаха свежей травы, умытой утренней росой, пения птиц, радующихся новому дню. Корвину нужна была весна, по-девичьи смущенная, озаряющая всё вокруг первыми лучами яркого солнца, тёплая и ласковая.

А впереди зима.

Бросить всё и отправиться на Террико, где всегда царил лето и было тепло? Царица Адония приглашала его к себе, как только длинные зимние ночи с жестокими морозами и продувающими ветрами начнут сводить его с ума.

— Я буду ждать тебя, Дерек-ару, — прошептала женщина перед тем, как молодой герцог покинул её гостеприимный дворец. — Ты придёшь?

— Не могу обещать. Ты же знаешь, после смерти старика на меня свалилось слишком много обязанностей, — ответил он.

Они стояли в личном садике царицы, который располагался прямо на вершине горы. А внизу бушевали бьющиеся о скалы волны океана. Белоснежные колонны были увиты плющом и прекрасными цветами, аромат которых пропитал всё вокруг дурманящим запахом, смешанным с солёными каплями воды. Лёгкий ветер шевелил волосы и лёгкую ткань одежды.

— Ты придёшь, — уверенно произнесла Адония, шагнула к нему, кладя руки на грудь, там, где размерено билось сердце. — Боль никуда не исчезла. И пока она здесь, я буду нужна тебе.

Гэрцог нахмурился, рассматривая совершенное бледное личико с огромными бирюзовыми глазами и длинными белоснежными волосами, которые роскошным водопадом падали на грудь, скрывая обнажённую плоть. Царица никогда не стеснялась своей наготы, считая это предрассудками застывшей аристократии Ваногории.

Дерек мог притвориться, что не понимает её слов, но не стал.

— Ты не справедлива к себе, царица. О тебе мечтают тысячи мужчин.

— Но не ты, — понимающе улыбнулась она.

Лицо было безмятежно-спокойным, только в глазах царица боль, которая эхом отражалась в его сердце, но нужного отклика не находила.

— Мне надо идти. Корабль на материк скоро отплывёт.

— Пообещай мне, Дерек-ару. Пообещай, что вернёшься через год и подаришь мне дочь, — неожиданно тихо прошептала она.

Замер и недовольно нахмурился. Этот разговор никогда раньше не поднимался и сейчас вызывал лишь досаду.

— У тебя есть три наследницы, Адония-арин. Трон Террико не будет пустовать,

твоему роду не грозит вымирание. И твои наложники с радостью выполнят твою просьбу.

— Это должен быть ты. Сильный, смелый, решительный. Ты же знаешь, что по закону не будешь ничем обязан. Никто не узнает, кто её отец, — в голосе царицы мелькнули просительные ноты, которые она, привыкшая повелевать и распоряжаться жизнями островитян, никогда не допускала.

— Но об этом буду знать я, — ответил он и покачал головой. — Не проси меня об этом, Адония-арин. Не проси.

— Отложим этот разговор на год, — примирительно кивнула вечно молодая женщина. — Когда следующей зимой ты вернёшься на мой остров.

— Хорошо, — не стал спорить Архольд, чтобы не портить момент расставания.

Адония — хрупкая, мягкая, нежная с бледной бархатистой кожей, которая резко контрастировала с его. Женщина с требовательными руками, сладкими губами и грешными стонами. Царица, в постели которой мечтали побывать все правители мира и просто мужчины, хоть раз увидевшие повелительницу острова Террико. Он не любил её, но был благодарен.

Герцог открыл глаза, вслушиваясь в завывание ветра и вглядываясь в темноту холодного вечера, пропахшего грязью и увядающей листвой.

Ничего.

Закрывать двери Корвил не стал. Подошёл к камину, сел в жесткое неудобное кресло и взял со столика стакан с крепким коньяком, бутылку которого он почти допил этим вечером.

Обычно Архольд был равнодушен к выпивке и любому виду алкоголя. В Академии им чётко объяснили, что бывает с одурманенными спиртным или курительными смесями, которые пришли с Эмират Барху и быстро завоевали популярность среди молодых, пресыщенных жизнью аристократов. Потеря контроля над разумом для искрящего грозит серьёзными последствиями и может быть смертельно опасна для любого, кто рискнёт и встанет на пути одарённого.

Но сегодня Корвил просто не мог удержаться.

Сэм не изменилась.

Прошло четыре проклятых года, а она нисколько не изменилась. Разве что стала еще красивее, утратила девичье очарование, превратившись в роскошную женщину из самых грешных фантазий. Фигура, которая и раньше сводила его с ума, сформировалась. И пусть под белоснежной шубкой, которую Селина так отчаянно прижимала к груди, разглядеть почти ничего было нельзя, он всё равно это знал. Во рту пересыхало, когда мужчина думал о том, что под шубкой на ней лишь тонкое ритуальное платье и больше ничего. Жалкий клочок ткани на пути к совершенному телу. Крохотные жемчужинки блестели в волосах, а вязь огнём горела на переносице, напоминая о том, что могло случиться, и вызывая внутри чёрную злость и безумную ревность.

Великие, как будто не было этих лет, полных боли, одиночества и ненависти. Её глаза были всё такими же яркими, чистыми и ясными. Либо Сэм отличная актриса, либо он идиот, который не заметил очевидного.

А ведь она его ненавидит. Сильно ненавидит. И это не просто злость за сорванную свадьбу, а нечто большее.

Интересно, какие доводы привёл Торнтон, чтобы уговорить её вернуться и предать мужа? Какие слова могли убедить отказаться от брака и чувств, которые связали их в одно целое?

Селина не была дурочкой. Да, наивна, как все семнадцатилетние девушки, выросшие под крылом родственников и ничего не знающие о жестокости окружающего мира. Но она не была душой. Нужны были веские основания для предательства.

Интересно, какие?

Надо же, одна встреча, один короткий взгляд и зарубцевавшаяся рана на сердце вновь закровоточила, напоминая о себе. А ведь Корвил искренне думал, что всё в прошлом.

Небольшой глоток коньяка обжёт нёбо и остался тонким, терпким послевкусием во рту.

Сэм была такой же. За холодным фасадом аристократки скрывалась обжигающая страсть, которую нельзя было забыть, как ни старайся. А Боги знали, Дерек старался. Столько лет пестовал, лелеял и возвращивал ненависть, не давая ей погаснуть ни на секунду, разжигал её снова и снова. Потому что знал, любое послабление, оправдание и всё начнётся сначала и тогда он не отступит, пока не добьётся взаимности.

Может, и не стоило держаться?

Всему виной пресловутая архольдская гордость. Будь она трижды проклята. А ведь дед говорил, предупреждал, а он не верил, считая себя выше этого.

Молокосос.

Еще неизвестно, сколько бы Архольд продолжал убеждать себя в правильности поступков. Но всё изменилось месяц назад.

Жена. Селина его жена.

Сначала был шок, неверие, а потом радость. Проклятое счастье, которое ничто не смогло заглушить. Доводы рассудка пали, разум затих.

Сэм его. Несмотря ни на что, она всё ещё была его. И теперь осталось только решить, что с этим делать.

Сделав еще один глоток, Архольд уставился на огонь, чувствуя, как ветер, ворвавшийся в окно, продувает рубаху, оставляя после себя ледяной след на коже, как холодной лаской касается волос на затылке.

Селина Торнтон. Селина... Сэм. Но ведь теперь она должна носить другое имя. Селина Корвил, герцогиня Архольд.

Короткий смех сорвался с губ и утонул в завывании ветра, который продолжал хозяйничать в комнате. Она, в отличие от остальных жилых помещений этого помпезного особняка, была чисто мужской — тёмные тона, полное отсутствие розового, рюшей, оборок и прочей ерунды, здесь мужчина чувствовал себя комфортно и свободно.

Он с первого дня знакомства старался держаться от девушки как можно дальше и не мог. Потому и пошёл другим путём, старательно выводя Сэм из себя и с маниакальным удовольствием ожидая реакции. Что девчонка сделает, как себя поведёт? Закроется, одарит презрением, скривит пухлые губки, нажалуется своей высокородной семейке или устроит самую настоящую истерику со слезами и воплями?

Но нет. Торнтон начала огрызаться, отвечать и даже пакостить в ответ. Не сразу, первое время девушка еще пыталась выглядеть пристойно. Но надолго её не хватило. Пара недель колких замечаний, шуточек и издевок и Селина вспыхнула как спичка, показывая свой истинный характер.

И ее поведение вместо того, чтобы разозлить или успокоить, неожиданно привело в восторг, в котором Дерек не рискнул бы признаться даже самому себе.

Архольд мог бы вспомнить уйму каверз, которые он устраивал Сэм, но на ум сейчас приходили лишь её проказы. Как девушка заморозила воду в душевой, когда он принимал душ после тренировки у мастера. Ведь не побоялась использовать искру, хотя знала, что это чревато серьёзным наказанием. Водяные бомбочки над его дверью (и каким только чудом ей удалось пробраться в мужское общежитие), парочка сорванных свиданий и много чего еще.

Все в Академии были уверены, что они ненавидят друг друга.

Великие! Он и сам в это верил. Преподаватели считали дни до того момента, как Корвил выпустится и вражда, за которой следил каждый второй, сойдёт на нет. Уговоры не помогали. Беседы с ними проводили неоднократно, но их хватало всего на пару дней, а потом всё начиналось сначала. Выгнать эту парочку не могли. Оба были представителями древних семей и дар был силен.

Всё изменилось в одно мгновение. В тот самый вечер, когда Дерек Корвил инкогнито пошёл на бал Душ.

Честно говоря, молодой человек не собирался туда идти. Эти пять праздничных дней были последней возможностью перед итоговыми экзаменами навестить мать, которую не видел почти пять месяцев с праздника зимнего солнцестояния. Добрая половина Академии последовала его примеру, собрала чемоданы, распрощалась с друзьями и соседями по комнате и дружной толпой направилась к порталам.

Это было великое изобретение, созданное группой магов-энтузиастов, в успех которого никто не верил. Всего каких-то двадцать лет прошло, но как оно скрашивало жизнь студентам, которые могли чаще бывать дома.

Академия искрящих находилась прямо в середине материка. В том месте, где великая река Солье, берущая начало в холодных ледниках Анагорских гор и разделяющая Ванаторию и Сангория, разветвлялась на две части — Соа и Льеро. Соа протекала в Нарговии, а Льеро дарила жизнь виноградникам Кормины. Но это было не просто разделение реки, а гигантский водопад в форме полумесяца, который не затихал ни на секунду.

За стенами Академии располагался город Мару, единственный на материке Киа город-страна, который был небольшого размера и не подчинялся никому. Считалось, что именно в Мару отдыхали и жили Боги, принимая облик простых смертных и бродя среди них в поисках развлечения. Здесь же располагался самый большой храм Великой Богини. И не просто храм, а настоящий дворец, в котором ежегодно проходил бал Душ.

Порталов было всего четыре по числу стран, куда они вели — Ванатория, Сангория, Кормина и Нарговия. В другие государства пока не получалось настроить, не хватало мощности, но маги над этим работали, обещая в течение ближайших лет построить портал во Фрею. Осталось лишь договориться с Императором.

Стационарные вертикальные каменные кольца, все изрезанные письменами, они стояли на главной площади Мару под ежедневной охраной и за определённую плату могли перенести любого в необходимое место. Дерек повезло. В Сангория портал стоял в столице, от которой рукой было подать до городка, где юноша провёл своё детство и юность, там, где впервые проснулась искра.

Записка от матери застала его у портала. Корвил уже вытащил монеты из кошелька, чтобы заплатить за переход, как у сердца щёлкнул замок крохотной шкатулки. Это была очень дорогая вещь, которую могли себе позволить только самые богатые лорды. И единственное, что он взял у деда, когда тот неожиданно вспомнил о младшем внуке пару лет назад.

Пара шкатулок де коле были размером со спичечный коробок. Выполненные из редкого дерева элор, усиленные магией, они были совершенно идентичны, вплоть до узора на резной крышке. Внутри лежал небольшой клочок бумаги и перьевая ручка с вечным запасом чернил.

Суть состояла в том, что стоило одному из обладателей написать на этом клочке короткое послание и положить в шкатулку, как его получал другой.

«Приехал герцог. Ждёт тебя.»

Молодой человек замер вновь и вновь вчитываясь в строчку, написанную твёрдой рукой матери. Сзади уже волновалась очередь. Студенты, которым не терпелось попасть домой, подталкивали его, требовали посторониться или вообще уйти.

Будто очнувшись, Корвил схватил чемодан, развернулся и пошёл прочь, мысленно проклиная деда, который никак не хотел мириться с тем, что потомок отказывается с

ним общаться.

Как, наверное, было тяжело матери писать это письмо. Ведь она не могла не знать, что Дерек откажется от поездки, как только узнает о приезде деда. Но душевное спокойствие сына значило для женщины больше, чем собственная материнская тоска по ребёнку.

Возвращаться в общежитие не хотелось. Деньги, которые он складывал на переход приятно тяготили карман. Вместо того, чтобы просиживать в комнате, слушая глупые шутки друзей и играть роль пресыщенного жизнью героя, можно было хорошо провести время, оставаясь самим собой. Именно поэтому Дерек свернул на улицу, поймал экипаж и отправился в один из постоянных дворов, хозяин которого ему был хорошо знаком. Все комнаты в связи с праздником были сняты, но у старого Пита нашлось для него место. И пусть комнатка была крохотной и пыльной, это лучше, чем ничего.

Про бал Душ Корвил вспомнил лишь, когда за ужином услышал, как восторженно шептались подавальщицы в таверне на первом этаже. Девушки наивно мечтали, что именно сегодня Великая мать явит своё благословение одной из них и соединит предназначенные друг другу пары.

Дерек в это не верил. Нет, он знал, что это правда, сам был результатом такого союза, когда хмельной вдовец и младший сын герцога Архольда с друзьями попал на такой бал и был благословлён на союз с дочерью башмачника. Какой был скандал, и даже благословение Великой не помогло. Эннию так и не приняло общество, как и её сына. Но знать и верить разные вещи. Слишком редко Великая Мать обращала свой лик на смертных и не всегда её благословение было благом.

Разве возможно такое, что двое людей, которые благодаря магии богини утрачивали своё истинное лицо и голос, могли полюбить друг друга.

Любовь вообще казалась глупостью и пеленой, которая нужна была лишь для того, чтобы дурить головы, лишать рассудка и здравого смысла.

Зачем тогда он пошёл той тёплой весенней ночью на праздник, в суть которого не верил? Корвил и сам не знал. Просто пошёл, ведомый непонятным желанием или самой судьбой. Решил сыграть с Богиней в игру.

Сыграл. Кто же мог предположить, что этот вечер, утопающий в запахе цветущего жасмина, изменит всю его жизнь и откроет глаза на то, что молодой человек отказывался видеть.

Магия Богини Матери полностью изменила внешность его, надев на лицо кружевную маску, которая несмотря на ажурность и хрупкость, отлично скрывала черты, и нарядила в костюм тёмно-синего цвета с золотой окантовкой и изящно повязанным шейным платком. Корвил никогда не умел завязывать такие, ограничиваясь обычными галстуками, а вот дед, дядьки, старшие братья любили подобную вычурность.

Дерек усмехнулся, разглядывая себя в высоких зеркалах, которые украшали стены в огромном холле, давая возможность пришедшим рассмотреть себя и свыкнуться с новым обликом, который будут носить этой ночью.

Тёмно-синий и золото. Родовые цвета Архольдов.

И кто после этого скажет, что у Богов нет чувства юмора?

Тихий смешок у уха заставил его дёрнуться и отступить в сторону, настороженно оглядываясь и пытаясь понять, кто сейчас подшутил над ним, играя на нервах.

Недалеко, у самых зеркал, громко переговариваясь, хихикая и показывая пальцем на отражения, стояли три девушки, разодетые в шелк и парчу по моде прошлого столетия. На изящных головках гордо возвышались белоснежные, завитые парики с живыми цветами. Юбки ярких платьев, украшенных оборками, кружевом и искусственными камнями, были огромными, просто невероятно пышными за счет специального каркаса, который крепился к корсету.

С другой стороны от него стояла уже немолодая пара, одетая в парные костюмы. На

мужчине были черные брюки и расстёгнутый жилет поверх алой рубашки с пышными рукавами и узкими манжетами. На его спутнице наоборот длинная красная юбка и чёрная блузка, украшенная яркими розами. Они явно пришли вместе. Супруги, решившие дать отношениям вторую жизнь или любовники, которые вырвались из душного мира, чтобы насладиться коротким счастьем? Их чувства и страсть были заметны каждому. Как они смотрели друг на друга, как касались — осторожно, плавно, будто боясь, что всё это рухнет.

Дерек отвёл взгляд, ощущая себя странно и неловко. Слово только что подглядел за чужим счастьем. Коротким и болезненным, но тем не менее сладким и щемяще нежным.

Значит любовники. Те, кому не суждено быть вместе, и приходится подбирать крохи, складывающиеся в кроткую жизнь.

Никто из них не мог напугать его. Думать о воле Матери не хотелось. Когда Богиня обращала своё внимание на простых смертных, ничем хорошим это не заканчивалось.

«Глупый мальшчика», — едва различимый бархатный голос вновь раздался совсем рядом, сопровождающийся тихим смехом колокольчика.

Волосы дыбом встали на затылке. Сглотнув, Дерек взглянул на собственное отражение, не узнавая мужчину, который ответил ему не менее пристальным взглядом.

А может, ну его этот праздник? Не стоило приходить сюда, зачем поддался сиюминутному порыву? Разозлился на выходку деда и решил спустить пар? Глупо и так по-детски, а еще считал себя взрослым мужчиной.

Раз не хватило смелости встретиться с предком один на один и поговорить, то просидел бы в снятой каморке, не развалился, или вернулся в общежитие, загуляв с друзьями.

Зачем его потянуло сюда? Захотелось разнообразия? Так можно было навестить Христину, молодую вдову, которая последний год всегда очень радушно встречала молодого человека, одаривая ласками, на которые пока не были способны студентки академии.

Жаль только, что теперь что-либо менять поздно. До полуночи ворота не выпустят никого.

— Праздник начинается! — провозгласил бестелесный голос, который эхом пронёсся над головами присутствующих, которые разразись радостными криками.

Зазвучала музыка и в ту же секунду Дерек схватила за рукав одна из разодетых девчонок и потащила в центр большого зала танцевать.

Здесь было очень красиво: выложенный фреской пол, украшенные цветами и специальными ароматными свечами стены и колонны. А вместо потолка само небо с множеством ярких звёзд, которые добавляли романтический настрой присутствующим.

Смех, музыка, ничего не значащие разговоры и постоянная смена партнёров. Улыбки, маски и пёстрые цвета, от которых рябило в глазах.

Удивительно, но всё это неожиданно расслабило и вернуло хорошее настроение, которое начало падать после прихода. Идея повеселиться на празднике уже не казалась такой глупой и бредовой.

В течение следующего часа парочка искусственных незнакомок недвусмысленно предлагали молодому человеку уединиться в парке для более частных бесед. Магия Богини не давала возможности сообщить своё имя или хоть каким-то образом выдать свою личину. А любовные утехы в такую ночь Великая лишь поощряла, смотря на них, как на расшалившихся детишек, с материнской снисходительностью. Главное, чтобы без насилия и принуждения. Этого бы Она не потерпела и наказать могла очень жестко.

Предложения были, безусловно, заманчивые, но ни одна из разодетых дам желания не вызвала. Беседки уже наверняка заняты более предприимчивыми парочками, а проколоть себе филейную часть в розовых кустах не хотелось.

Ему не нужен был секс, для этого он мог сходить и к вдовушке. Дереку сейчас хотелось забыться, хотелось вдохнуть пряный аромат праздника и стать другим.

В этом и была суть торжества — не беспорядочные интрижки, о которых никто не узнает, а возможность стать кем-то иным. Здесь бедняк мог обрядиться богачом, прачка — принцессой, а леди примерить на себя маску раскрепощенной островитянки. Ведь никто не узнает. Никто не осудит.

Дерек стал одним из многих — беззаботным, ярким и живущим одним днём. Исчезли тревоги и страхи, стихло стремление стать лучшим и помочь матери, доказать деду и остальным, что не хуже, а может даже лучше своих праздных родственников и братьев.

И тем болезненнее и ошеломительнее было возвращение в реальность.

Корвил слышал об этом от матери, когда леди Энния с затаённой грустью в глазах тихо рассказывала о дне, который изменил её жизнь; читал в книгах, ведь молодому человеку всегда было интересно, как и почему Богиня свела столь разных и непохожих людей.

Но всё это было не так. Реальность превзошла все ожидания и представления.

Разве слова и книги могли передать состояние, когда в танце, сменив очередную партнёршу, Дерек неожиданно столкнулся с Ней.

Одно прикосновение и улыбка исчезла с его лица. Кровь закипела в жилах, а воздух застрял в лёгких, не давая возможности вдохнуть или выдохнуть.

С ним ведь раньше нечто подобное было. Многочисленные дуэли, которые из шуточных, направленных на унижение наглого последыша, превращались в кровавое действо, или кулачные бои, когда приходилось отстаивать честь матери перед дворовыми мальчишками. Тогда у него внутри тоже всё кипело и горело от ожидания.

Но сейчас всё было иначе. Воздух вокруг них завибрировал и засверкал, будто вновь проснулась искра.

Искра для двоих.

Корвил ничего не видел и не замечал кроме испуганных глаз девушки, руку которой до сих пор сжимал. Она дрожала, ротик был приоткрыт, а лицо скрывала маска из чёрного кружева, не давая Дереку что-либо разглядеть за ней. Магия Матери не давала определить, виделись ли они раньше.

Волосы цвета золота собраны в длинную косу, которую украшали крупные красные маки и синие васильки, эти же цветы были вышиты на подоле простого лёгкого платья без пышной юбки и ненужных оборок, которых было так много в этот вечер. Узкий лиф с низким вырезом, открывающий молочную кожу, обтягивал грудь так, что у него пересохло во рту. Неуёмная фантазия разыгралась не на шутку.

Безусловно, одета как простолюдинка, но манеры, тонкая кисть запястья выдавали в ней далеко не бедную особу.

На них все смотрели. Дерек не видел, даже не чувствовал жадные, обращенные взгляды, полностью сосредоточившись на незнакомке. Он просто знал, знамение Матери не могло остаться незамеченным. На них смотрели, показывали пальцами, шептались, улыбались и завидовали. Даже музыка остановилась в это мгновение. Музыканты на небольшом постаменте привстали со своих мест, чтобы получше рассмотреть тех, кого Богиня благословила. Или прокляла. На выбор несчастных.

Указ Великой Матери — это не неизбежное предначертание, выполнение которого было обязательно для всех. Нет, всё не так жестко. Можно было легко забыть обо всём и сбежать.

Девушка так и сделала. Выдернула ладошку из его руки, едва заметно покачала головой, пятясь назад, и еще больше задрожала.

Толпа расступалась перед ней, жадно наблюдая, ловя подробности, чтобы потом рассказать соседям, друзьям и всем желающим.

— Не надо! — едва слышно прошептала она, медленно отступая. — Прощу, не надо.

А после и вовсе развернувшись, подхватив юбку, убежала, громко стуча невысокими каблучками и скрываясь в темноте благоухающего сада.

Не надо.

А ведь она права. Его жизнь научила, что бездумно следовать воле Матери не стоит. Не всегда её выбор означает счастье. Чаще всего испытания и боль, приглушить которую не может ничего.

Не надо.

Да, не стоит идти за ней и вслед смотреть не стоит. Забыть, как страшный сон и не обращать внимания как больно сдавило грудь, как онемели пальцы руки, которая еще помнила тепло её ладошки, как сипло вырывается из лёгких дыхание и капельки пота выступают на лбу. Здесь просто жарко. И только.

Не надо.

Но сам не зная почему, Дерек сделал шаг, который в тишине показался громом. Потом еще один, пока неожиданно не перешёл на бег. Туда, куда звало сердце.

Бежать. Бежать. Бежать...

Не разбирая дороги, практически ничего не видя перед глазами, неловко натыкаясь на уединившиеся парочки, поспешно извиняясь и выслушивая ругань мужчин и испуганные крики дам.

Всё это пустое. Дерек едва обращал внимание на них, продолжая бежать по узким мощеным дорожкам.

Куда же она убежала? Где скрылась? До полуночи ворота закрыты и уйти она не может. Проблема в том, что сад не маленький и освещение здесь было не очень хорошее.

Он бегло взглянул на часы, которые тускло горели на сторожевой башне, показывая жителям Мару время.

Полчаса. У него всего каких-то жалких полчаса, чтобы найти девушку. Ту, которую для него избрала Великая Мать.

Просто найти и посмотреть в глаза. А дальше? Он не хотел думать, что будет дальше. Вот найдёт и решит. Потому что в будущее неожиданно стало страшно заглядывать. Все планы, которые Корвил столько лет вынашивал и доводил до совершенства, вдруг стали казаться ненужными и глупыми.

Остановившись на очередной многочисленной развилке у небольшого фонтана, в котором журчала вода, молодой человек закружился на месте, тяжело дыша и прижимая руку к колющему боку.

Куда же она ушла?

«Найдёшь?» — насмешливо поинтересовалась Мать.

Хотелось рывкнуть в ответ что-то не совсем приличное. Но ругать Великих последнее дело, особенно, когда они тебя слышат.

Боль в боку постепенно сходила на нет.

— Кто она? — просипел он, продолжая оглядываться по сторонам.

Всё тот же тёмный сад, освещенный редкими низкими фонарями, журчанье воды в фонтане и аромат цветов.

«Девушка».

— Хорошо не бабушка. Где мне её найти?

«А ты хочешь?»

Вопрос был с подвохом. И надо бы насторожиться и отказаться, понимая, что, скорее всего, они с незнакомкой раньше встречались. Но Дерек не мог.

Ведь всегда есть шанс отказаться. Вот встретятся они, поговорят, он разочаруется и всё станет как прежде. И даже лучше. Потому что не бывает такой любви.

— Да.

«Твоё право».

Его крутануло на месте, после чего подтолкнуло к одной из тропинок невидимой рукой.

«Иди».

И Корвил пошёл.

Сердце готово было выпрыгнуть из груди от неожиданного страха, что судьба уже совсем близко.

Что сказать? Как начать разговор? Как еще больше не смутить и так испуганную девушку?

Ответа не было. Оставалось надеяться, что природное обаяние Корвилов, доставшее от отца, поможет и сейчас.

Беглянка нашлась на лавочке под раскидистой ивой. Длинные ветви ракиты опускались до самой земли, создавая своего рода шатёр, скрытый от глаз.

Глубокий вздох, и молодой мужчина отвёл в сторону ветви, проходя внутрь.

Девушка сразу его увидела и дёрнулась. Но не вскочила, лишь испугано на него уставилась, ожидая дальнейших действий.

Как это странно. Смотреть на девушку и не знать, что в её внешности и фигуре настоящее, а что обманка, созданная магией Великой Матери?

— Вы?

— Я с трудом тебя нашел, — признался он, осматриваясь. — Здесь красиво.

Место было необычное. Дерек даже не знал, что оно существует. Всего в паре метров располагался небольшой прудик, на спокойной глади которого ярко блестела взошедшая луна, пели птицы и пахло жасмином. Присмотревшись, он увидел небольшой кустик, который рос рядом с ивой, сверкая мелкими белыми цветами.

— Зачем вы здесь? Произошедшее ничего не значит, — вдруг резко произнесла она, вскакивая и пряча руки за спиной. — Совершенно ничего. Это глупости считать, что мы можем...

Договаривать не стала, лишь тяжело вздохнула и прикусила губу.

— Полюбить, — подсказал Корвил, подходя еще на шаг. Главное не спугнуть. — Совершенно с тобой согласен. Это невозможно.

— Но тогда зачем вы здесь? Что вам нужно от меня? Я буду кричать! — неожиданно закончила незнакомка.

Блондинка или всё-таки брюнетка? А какого цвета её глаза — чёрные как его или светлые как само небо? Эта неизвестность и загадка сводила с ума. Так хотелось сдернуть маски с них обоих и взглянуть страху в глаза.

Но нельзя.

— Неужели тебе не любопытно?

— Что нашими судьбами играют? Я вас не знаю.

— А я тебя. Но что-то в нас должно быть общего. Что-то, из-за чего Великая Мать думает, что мы идеально подходим друг другу, — с каждым словом он приближался к скамейке, пока не оказался на расстоянии вытянутой руки.

Остановившись, Корвил стал ждать ответа.

— Я не хочу этого, — жалобно прошептала она.

— Я тоже, — признался Дерек. — Но это не повод сбегать. Великие большие шутники и могут воспринять это как вызов.

Девушка пошатнулась, и Корвилу пришлось придержать её за локоток, не давая упасть. Кожа была мягкой и нежной. Больше онемения, света и прочих прелестей не было, просто приятно касаться её и слушать частое дыхание.

Он никогда не думал, что может быть таким романтиком-дураком. Во всём виновато волшебство ночи, сумрак и блеск её глаз.

— Я не хотела этого, — вновь повторила незнакомка. — Как же быть?

— Может, просто посидим, поговорим?

— Меня будет искать... — снова заминка и неожиданно тихий смех, — подруга. Как же это странно. Я не могу назвать своего имени и имени подруги, не могу сказать ничего, чтобы рассказало обо мне больше принятого. Удивительно.

— Магия праздника, — ответил тот тихо, неохотно отпуская её и помогая присесть на скамейку, чтобы тут же устроиться рядом.

Скамейка была небольшой, и они волей-неволей были вынуждены соприкасаться коленками.

От пруда потянуло холодом, весна только вступила в свои права и ночами было довольно прохладно. Девушка зябко повела плечами.

— Замёрзла? — тут же понял Дерек и принялся стаскивать пиджак.

— Спасибо, — отказываться она не стала, благодарно улыбнувшись. — Я пришла сюда совсем в другой одежде. Но Богине виднее, во что меня наряжать.

— И меня тоже.

Разговор не клеился. Впервые в жизни Дерек не знал, что сказать, как продолжить разговор. Обаяние не помогало, как и многочисленный опыт. Кто бы мог подумать, но у него, пользовавшегося неизменным успехом у девушек и женщин, сейчас не хватало слов. Появился страх сказать что-то не то и спугнуть.

— Это так странно, — внезапно произнесла она, первой нарушив молчание. — Я слышала о благословении Матери, но никогда не видела. И никогда не думала, что это коснётся меня.

Повернувшись, незнакомка сорвала с растущего рядом куста веточку с белоснежными цветами, вдыхая аромат жасмина.

— Ты в первый раз здесь?

— Да. Если... моя семья узнает, мне несдобровать.

Точно аристократка. Простой люд не столь критичен и почитает волю Матери. Интересно откуда она? И как оказалась здесь? Искрящая или пришла через портал?

— Маска и никто ничего не узнает.

— Да, — вздох и неожиданное признание. — Но вы правы, это действительно интересно и любопытно.

— Что именно?

— Узнать, почему мы. У вас есть предположения?

Взгляд, обращенный на него, был таким доверчивым и невинным, что Дерек почувствовал себя старым извращенцем. Сколько же ей лет?

— Нет.

«Кроме того, что я почти уверен, что мы раньше встречались. Но где и как?»

— И у меня нет.

Улыбка мягкая, обезоруживающая, вызывающая тяжесть в груди и онемение в теле.

— И долго нам так сидеть? — поправляя пиджак на своих плечах, поинтересовалась девушка.

— Не знаю. До полуночи, наверное.

— Когда ворота откроют, — кивнула незнакомка, теребя кончик золотой косы. — Это логично. Но и в тишине сидеть сложно. Давайте поговорим.

— Давай, — улыбнулся в ответ, продолжая наблюдать за ней, запоминая каждую деталь, пытаясь понять, но правда ускользала под едва слышный смех Богини. — О чём?

— Ваш любимый цвет?

— Что? — такого Корвил точно не ожидал.

— Цвет, — пояснила девушка. — У меня синий. Как океан.

— Никогда не думал об этом, — признался Дерек и потёр ладонью затылок, неожиданно понимая, что волосы были короче, чем он привык носить. По цвету они вроде стали светлее, он ведь не успел как следует рассмотреть себя в зеркале. — Красный. Как огонь. А ты видела океан?

— Да, в детстве, — ответила она и замерла с открытым ртом, чтобы вновь рассмеяться. — Подробности сказать не могу. Не дают. Он красивый. А у берегов Террико говорят еще красивее. Океан там не голубой и не синий, а бирюзовый. Но туда я точно не попаду. Остров не предназначен для юных дев, слишком развратен. Говорят, что там правит женщина и вообще всем командуют женщины.

Он рассмеялся.

— Да. Я тоже слышал. Царица Адония.

— И у неё целый гарем мужей.

— Вполне может быть, — отозвался Дерек, думая, что никогда бы не стал делить жену с кем-то другим. Его и точка.

— Кошмар.

— А твой любимый цветок? — перевёл разговор молодой мужчина.

Лёгкие вопросы, ничего незначащие ответы.

Но Дерек смотрел на неё и всё больше понимал, что этого мало. Недостаточно, чтобы принять решение и убедиться, что Великая ошиблась.

Часы на башне начали свой бой, заставив их выпрямиться и вспомнить, где они находятся и почему.

— Уже двенадцать, — с сожалением произнесла девушка, поднимаясь со скамейки. — Мне пора идти. После чего аккуратно сняла с плеч пиджак и протянула Корвилу.

— Спасибо. За всё спасибо. Это был чудесный вечер. Самый удивительный в моей жизни.

Дерек пару секунд её хмуро разглядывал, потом вдруг отшвырнул пиджак в сторону, схватил девушку за руку, притягивая к себе, другой рукой обхватил шею, чувствуя, как быстро бьётся жилка, и поцеловал.

Ради эксперимента, просто чтобы убедиться, что Великая ошиблась.

Ошиблись.

Они оба ошиблись, решив, что переиграли Богов.

Девушка не сопротивлялась, не вырывалась, а замерла, позволяя его губам целовать её. Но пассивность длилась недолго. Томительное мгновение и она с тихим вздохом подалась навстречу, обхватывая мужчину за шею руками и приоткрывая губы.

Часы отбили двенадцать раз, а двое, скрытые раkitой, продолжали свой безумный поцелуй, не в силах остановиться.

— Проклятье, — простонал Дерек, отрываясь от её сладких губ и едва дыша от возбуждения и желания.

Она такая мягкая, послушная и податливая, а изумрудная трава так и манила, предлагая уложить девушку и нависнуть сверху. От жарких фантазий стало совсем плохо. Надо было срочно что-то придумать, как-то отвлечься.

— Ты ведь с Академии?

— Что? — хрипло переспросила девушка, облизав припухшие от поцелуя губы кончиком языка.

Дерек шумно выдохнул и заставил себя держаться, прижимаясь лбом к её лбу.

— Ты искрящая, не так ли? — выдавил Корвил через силу.

Как же вкусно от неё пахло.

Шок отразился в глазах, и она дёрнулась, но уйти не смогла, попав в плен сильных рук.

— Что? Но как ты?

— Я тоже из Академии.

По всей видимости новость незнакомке не понравилось.

— Великие, не может быть!

— Еще как может. Мы должны встретиться, слышишь? Обязаны.

— Это не разумно. Не правильно.

— Не правильно делать вид, что ничего не произошло и забыть, — горячо прошептал Дерек и принялся убежать. — Ты ведь чувствуешь это? Знаешь, что я прав? Дай нам шанс. Всего один шанс.

И стена дала трещину, выдавая неуверенность и её собственное желание вновь увидеться с таинственной мужчиной.

— Я не знаю.

— Завтра утром в столовой академии. Я буду ждать тебя там.

— Но как мы узнаем друг друга?

Дерек сорвал веточку жасмина и вручил её.

— Жасмин. Я приколю его к лацкану пиджака и так ты меня узнаешь.

— Великие, что же мы делаем?

Снова поцелуй, от которого всё дрожало внутри.

— Пользуемся заветами Матери, — держа её лицо в своих ладонях, прошептал Корвил. — Это ведь она нас познакомила. Если я тебе не понравлюсь, можешь смело послать меня в бездну.

— Ты сумасшедший, — глухо рассмеялась она. — И я тоже сошла с ума. Хорошо. Завтра, но не утром, в обед. Я буду.

— Обещаешь?

— Да.

Корвил вздрогнул от очередного порыва ветра, который залетел в открытые двери, принося холод осеннего вечера, и вдруг замер, прислушиваясь. Его личное проклятье — чувствовать её приближение. В любом облике, в любом виде.

Белоснежная сова залетела в открытые двери и сделала круг по комнате, приземляясь на спинку дивана. Жёлтые глаза смотрели прямо на мужчину, но за ними он видел свою Селину.

— С прибытием, Сэм.

Глава Шестая. Слово

Конечно, он меня ждал. Я даже не удивилась, увидев гостеприимно распахнутые двери, за которыми, греясь у камина, в кресле сидел Архольд.

Покружив немного, чтобы успокоиться и оценить ситуацию, а так же заметить полупустую бутылку коньяка под столиком, я плавно приземлилась на спинку дивана. Странно, Корвил всегда славился равнодушием к спиртному, зная, как потеря контроля опасна для искрящих.

— С прибытием, Сэм.

Дьявольская улыбка на губах. Игра света и тени от пламени в камине, которое делало черты его лица более резкими и глубокими, и тонкий намёк в таких простых словах. Или это расшалившиеся нервы и богатое воображение выдают желаемое за действительное?

Он ждал меня, и я пришла. Как глупо и как знакомо. Будто и не было этих лет.

В ответ я лишь щелкнула клювом, расправила пушистые крылья, но не взлетела, продолжая впиваться когтями в обивку дивана. Порву ведь. Когти острые, а ткань хоть и плотная, но этого недостаточно, чтобы выдержать мою злость и растерянность.

— Я приготовил для тебя плед. Можешь воспользоваться им после обращения, — спокойно продолжил герцог, вставая и направляясь к дверям, чтобы закрыть их. — Обещаю, что не стану подглядывать.

Я насторожено следила за каждым движением мужчины, пытаюсь понять, что он задумал и выбрать тактику поведения.

Но Корвил защёлкнул замок, засунул руки в карманы брюк и остался стоять, повернувшись ко мне спиной, плавно перекачиваясь с пятки на носок.

Плед действительно лежал на диване. Сложенный аккуратной стопочкой, мягкий, светло-серого цвета с белыми узорами и завитушками.

Я спустилась вниз и потопталась рядом с пледом, внимательно разглядывая и всё отчётливее понимая, как сильно сглупила. Не потому что пришла сюда, а потому что не предусмотрела дальнейшие действия.

Обратиться придётся. Иначе никакого диалога не получится, в виду того, что одна из сторон, то есть я, вообще разговаривать не может. Но сидеть перед Архольдом, прикрываясь лишь покрывалом. На это надо было решиться.

Бросив еще один взгляд на мужчину, который продолжал меня игнорировать, я встрепенулась и...

Дальше пришлось делать одновременно сразу несколько вещей. Во-первых, быстро отправила в стазис сову. Создать новую фантомную копию у меня не хватит сил, а возвращаться домой надо. Вот заморозить и усыпить птичку, чтобы потом воспользоваться, было отличной идеей. Сова закрыла глаза и заурчала, погружаясь в сон.

Во-вторых, вновь обретя человеческую форму, я быстро схватила плед с дивана и накинула на плечи, пытаюсь максимально скрыть тело от взглядов Корвила.

Как я и думала, ткань была мягкой, совсем не колючей, но тёплой. А вот размерчик подкачал. Ноги скрыть не удалось, несмотря на все мои старания, лодыжки остались открытыми.

Вырез был слишком большим и открывал шею и ключицы, показывая ложбинку между грудей. Конечно, я носила платья и с более откровенными вырезами, но сейчас это сильно смущало.

— Готова? — нетерпеливо спросил Корвил, и я шустро забралась на диван, поджав ноги и решив таким способом проблемы голых лодыжек.

С вырезом тоже удалось справиться. Я просто скрыла его за волосами, которые мягкими волнами упали на плечи и грудь.

— Да.

Всего один взгляд в мою сторону, причём совершенно равнодушный, и я вспыхнула как спичка. Никогда не умела читать Дерека. Даже в тот короткий промежуток времени, когда думала, что он меня любит. Вот и сейчас смотрела, как молодой мужчина возвращается к креслу у камина, в котором догорали угли, и не могла понять, что скрывается за его взглядом.

— Отличная проекция, — закинув ногу на ногу, сообщил он и взял почти пустой стакан.

Его тёмные глаза быстро прошлись по мне, на долю секунды удержавшись на глубоком вырезе. Но я заметила этот интерес и покрылась пятнами смущения. Хорошо же я сейчас выгляжу — лохматая, растрёпанная и полуголая. Расселась на диване и глазами хлопаю.

— Ты ждал меня?

— Ждал, — кивнул герцог. — Ты же пришла меня о чём-то просить. Интересно, о чём? Может о том, чтобы я умер, сделав тебя вдовой и не стоял на пути к личному счастью?

Я фыркнула, хотя даже сама мысль о его возможной гибели вызывала тупую боль в груди. Я не желала Дереку смерти, но и не могла допустить, чтобы Эйдан пострадал.

— Не болтай глупости, — тихо ответила ему и немного поменяла положение, устраиваясь поудобнее. Мелькнула голая коленка, которую я тут же прикрыла, еще сильнее краснея.

Великие, как же глупо!

Архольд тихо кашлянул, будто прочищал горло и продолжил:

— А виконт бросится тебя утешать, не забыв перед этим смыть мою кровь со своих ладоней.

Звучало жутко и меня передёрнуло. От этого едва заметного движения покрывало сползло, оголяя плечико. Пришлось быстро возвращать его назад под пристальным взглядом Корвила.

Да что же это такое? Надеюсь, он не решит, что я собираюсь его соблазнить? Это было бы совсем некстати сейчас.

— Скорее у тебя будут руки в его крови. Я же помню, каким искусным дуэлянтом ты был четыре года назад. Сомневаюсь, что за это время растерялись навыки, — заметила я, чтобы скрыть неловкость и забыть голод, который промелькнул в его глазах.

Я ведь не забыла, что это означает, и помнила, что за ним следовало — нежные, но требовательные прикосновения, от которых не укрыться и не спрятаться. Тяжелое дыхание и биение двух сердец, как одно. Слабость и сила одновременно, когда кажется, что можешь изменить целый мир, лишь бы он был рядом. И поцелуй, лишаящий разума и взрывающий чувства.

Запретные желания клубились внизу живота, возвращая меня в реальность.

«Снова сгораешь, Селина? Не надоело?»

Отрицать Архольд не стал. На меня мужчина тоже не смотрел, любясь тем, как играет коньяк на свету в стакане.

— Ты это знаешь. Твой брат это знает. Виконт тоже в курсе, — медленно проговорил Дерек. — Тогда может объяснишь, зачем твой жених согласился на дуэль? Решил красиво умереть? Или же рассчитывал, что ты бросишься его спасать?

— Эйдан не знает о том, что я здесь.

В этом я была убеждена. Он бы не простил и не забыл.

— А твой брат? Уверен, Торнтон в курсе. Это ведь он тебя забрал четыре года назад?

Снова прошлое и воспоминания, поднимать которые не хочется.

— Я пришла сюда не обсуждать ушедшее, а спасти своё будущее.

— Виконта удар хватит, когда он узнает, что его дорогая невеста, почти жена, сама, по собственной воле явилась поздно ночью ко мне домой и теперь сидит полуголая.

Он соизволил посмотреть на меня и глаза опасно вспыхнули на худощавом лице. Злость всколыхнулась в груди и погасла. Я не забыла, зачем пришла сюда.

— Хватит. Что ты хочешь, Архольд?

— Я? — фальшиво удивился герцог. — Разве это не ты пришла ко мне с просьбой?

— Ты знаешь, почему я была вынуждена это сделать. Я прошу тебя отменить дуэль. Только ты это можешь сделать.

— Могу, — согласился Корвил. — Но не буду.

«Спокойнее, Селина. Это ничего не значит. Главное не дать ему вывести тебя из равновесия!»

— И почему же?

— Репутация.

— В бездну твою репутацию, Архольд. Что ты хочешь? — глядя ему прямо в глаза, вновь спросила я.

— Готова на всё?

— Да.

Мне хотелось верить, что доказывать это не придётся, что Дерек не потребует слишком высокую цену.

— Любишь его?

Неправильный вопрос, но я ответила, почти выкрикнула:

— Да!

И замерла, ожидая реакции, ответных слов. И ничего. Вместо этого новый вопрос.

— А ты знаешь, что Гаретт Третий отказал виконту в прошении о расторжении нашего брака?

Сердце ухнуло вниз, и я выпрямилась, привстав на коленях, забыв о покрывале и о том, что оно опять сползло.

— Но как? Почему так быстро?

— Не быстро. Король знал об этом уже неделю.

— Что? — ахнула я, а потом зло рыкнула. — Это ты!

— Сказал ему о нашем браке? Нет. Это был не я, а герцог Марлоу. А вот ему действительно сказал я.

— Зачем?! — выкрикнула я и уже тише прошептала. — Ты же всё погубил...

— Будто у меня был выбор, — неожиданно зло ответил Архольд, утратив всё равнодушие. Стакан с грохотом опустился вниз, заставив меня вздрогнуть. — Очень сложно скрыть правду, когда сам правитель присутствует на твоей свадьбе и требует ответа, почему она

невозможна.

Я не сразу поняла, что именно герцог сказал, а когда поняла:

— Ты собирался жениться?

— А это тебя удивляет? — взгляд чёрных глаз можно было посчитать удивлённым, если бы не странный блеск, увидев который, я прикусила внутреннюю часть щеки, чтобы не ляпнуть еще что-нибудь.

— Нет, — пробормотала в ответ.

Не удивляет. Мы оба свободны и независимы. Я ведь собиралась выйти замуж за Эйдана, то почему он не может жениться на ком-нибудь. Все логично, правильно. Но отчего так тяжело и почему не хочется верить?

— А как по-твоему я узнал о нашем браке? Так же, как и ты. Так что я знаю, что ты испытала сегодня утром.

— И кто она? — вновь присаживаясь, спросила у него.

Спросила и едва не стукнула себя по лбу. Глупый вопрос, не правильный и опасный.

Дерек не спешил на него отвечать, странно меня разглядывая.

— Ты действительно хочешь знать?

Знать кто она? Какая? Брюнетка или блондинка? Рыжая или шатенка? Красивая? Конечно, красивая. Я несколько в этом не сомневалась. Дерек всегда был ценителем красоты.

«Тихо, сердечко, тихо. Всё в прошлом!»

— Нет, ты прав. Это не моё дело. Не стоило спрашивать. Значит, король не хочет расторгать наш брак?

— Сложно сказать, что хочет, а что не хочет король. Власть имущие весьма непредсказуемы. В данный момент наш союз выгоден обоим государствам. Какая романтика, какой шаг вперёд. Герцог из Сангориа и аристократка из Ваногории. Наша свадьба как подтверждение дружественности и мирного договора.

— Нет.

Кровь стучала в висках, и я почти ничего не слышала. Жизнь рушилась, и я ничего не могла с этим сделать.

— И следующий год нам придётся улыбаться и играть роль мужа и жены. Потому что так хотят два правителя.

Всё было еще ужаснее, чем я думала. Бежать? Но я не была уверена, что кто-то решится пойти против такой силы. Но тогда почему Эйдан настаивал? Хотел меня успокоить, а сам в это время бросил вызов герцогу? Но ведь это самоубийство. У него нет шанса или...

Я вновь посмотрела на Архольда, который молчал, давая мне возможность осознать всю информацию.

— И? — поинтересовался он, когда молчание между нами затянулось.

— Расскажи мне.

— А ты готова слушать?

— Да.

Дерек откинулся на спинку кресла и вновь взял в руки стакан.

— Виконт ведь предложил тебе сбежать? Не смотри так на меня, Сэм, это единственный

шанс вам быть вместе, кроме моей смерти, разумеется. И куда будете держать путь?

— В Корлию, — скрывать я не стала. Сейчас это было бы глупо.

— Логично. Я бы тоже выбрал её. Но проблема в том, что король Марико может вам отказать. Если конфликт с Ванаторией он переживёт, то ссориться с герцогом Марлоу ему не захочется. Между Корлией и Сангориа недавно был подписан весьма важный договор. Лишаться благ ради аристократки король не решится. Значит, остаётся последний шанс — убить меня, вызвав на дуэль.

— Но Эйдан не очень хороший дуэлянт, — напомнила я ему.

— Это неважно, если сделать из меня никудышного.

— Не понимаю.

— Лет пять назад у меня была очень интересная схватка. Единственная, в которой я проиграл. Правда тогда на кону не стояла моя жизнь, но всё равно было обидно. А проиграл я не потому, что противник был сильнее. Нет, он был просто хитрее. Настолько хитрее, что решился на обман. Зная, что я искрящий, этот аристократ подмешал один наркотик. Для обычного человека лёгкий, как травяной чай, но не для меня. Есть одна травка, которая очень плохо на нас влияет. У всех есть слабости, Сэм. И про мою известно.

— И что стало с этим аристократом?

— Ничего. Живёт и здравствует. Только сегодня его видел. И именно он рассказал виконту о том как меня можно победить. И убить.

— Эйдан не стал бы. Это нечестно и недостойно аристократа.

— Уверена? — зло ухмыльнулся он. — А вот мне сообщили о другом. Кстати, спасибо за коньяк.

— Что?

Он отсалютовал мне бокалом, скривив губы в неровной улыбке.

— Коньяк, что ты мне прислала сегодня.

— Но я... О, Великие, не пей!

Я подскочила с дивана, забыв о том, что покрывало короткое, что оно держится на мне лишь на честном слове, и что под ним ничего нет. Просто подбежала, вырвала стакан из его рук и швырнула в стену. Громко звякнуло стекло, разбиваясь и осыпаясь вниз сверкающими осколками.

А после тишина и лишь моё хриплое дыхание.

Дерек медленно встал с кресла и осторожно взял за подбородок, заставляя посмотреть прямо в глаза.

— Боишься за меня, Сэм? — а голос хриплый, обволакивающий, вызывающий истому в теле.

Подушечки пальцев шершавые, что недопустимо для аристократа, но эта неровность вызывала сладкую дрожь, когда Дерек осторожно начал гладить подбородок.

— А ведь моя смерть решила бы все твои проблемы.

— Нет, — прошептала в ответ, не отводя взгляда. — Не такой ценой.

— Сэм... Селина, — он стал наклоняться всё ближе, медленно, неукротимо.

Еще немного, еще чуть-чуть, я уже чувствовала его дыхание на своих губах, когда дёрнулась и отступила на шаг, продолжая сжимать покрывало, которое сползло с плеч и скрывало так мало.

— Нет. Дерек, всё кончено. Это ведь другой коньяк, не так ли?

— Да.

— Ты снова играл со мной.

— Да.

Честен и прямолинеен, как всегда.

Я вернулась к дивану, спиной чувствуя, как он смотрит вслед. Смотрит, но молчит, даже не пытаясь остановить меня.

— И что ты собираешься делать? Как поступишь с заговорщиками?

— Никак. Я же сказал, что видел сегодня своего бывшего противника. Он приходил ко мне, — Дерек направился к камину, взял резной подсвечник, покрутил в руках и поставил на место.

— Зачем? — спросила из вежливости, просто потому, что не могла молчать.

— Заключить соглашение, — он посмотрел мне прямо в глаза, при этом положив локоть на полочку и расслабляя позу. — Я тоже был удивлён. Никогда не думал, что он решится на такое. Но решился.

— Какое соглашение?

Я совсем запуталась и потеряла нить разговора.

— Что я отпущу тебя через год.

Год. Как же это много. И так неизбежно.

— А ему какое дело?

От потока информации заболела голова.

— Я тоже думал, что никакого. Но Торнтон высказал обеспокоенность о твоей судьбе. Или о своей. Я бы поставил на второе.

А я-то была уверена, что потрясения на сегодня закончились.

— Леонард? Ты был знаком с Леонардом?

— Да.

— Но почему мне не сказал? Это поэтому ты меня доставал в Академии? — стало обидно, и появилась злость, — Из-за моего брата. А я-то всё гадала, откуда такая неприязнь.

— Первое время да, а потом я просто вошёл в азарт.

— Ты должен был мне сказать, что вы знакомы! — я снова вскочила, прижимая руки к груди.

— Зачем? — в его глазах зажглись огоньки, которые он тут же потушил под маской безразличия.

— Затем, чтобы я не выглядела сейчас как дура. Получается, Леонард сообщил Эйдану, как тебя можно обезвредить и пришёл сюда. Но я не понимаю, зачем всё это?

Не в силах стоять, я начала ходить вдоль дивана. Дождь за окном с тихим стуком поливал брусчатку, мирно трещали угли в камине, но в моей душе поднималась тревога.

— Твой брат удивительная личность. Хитрый и скользкий как змей. Но умён. Это не может не вызвать восхищения. Он понимал, что я буду настороже и уж точно не позволю вновь себя одурманить.

— Но почему не отговорил Эйдана?

— Потому что тогда бы виконт решился на побег с тобой, а это совершенно не нужно Торнтону.

— Но такой риск...

— Какой риск, если Торнтон знал, что ты бросишься ко мне с мольбой пощадить недомужа. Как ты узнала о дуэли, Сэм?

Я напряглась.

— От горничной. Её жених слышал в конюшне разговор. Ты хочешь сказать, что всё было подстроено? Но почему сразу не сказать?

Как же просто. Я-то была уверена, что приняла все решения сама. А, оказывается, просто делала то, что было нужно.

— Потому что твой брат кукловод и любит наблюдать, — озвучил мои мысли Дерек.

— И о чём вы с ним договорились. Зачем он вообще на это пошёл?

— Потому что как оказалось, брак со мной принесёт больше пользы, чем брак с виконтом. Ваша семья получит почёт и уважение, а также личную благодарность от короля за помощь в подписании мирного соглашения, которого ждали столько лет. А вот побег наоборот пошатнёт престиж семьи, поэтому Торнтон и поддержал виконта с дуэлью. Отличная комбинация, Сэм, ты не находишь?

Я его почти не слышала. Сейчас мне хотелось одного — выпить!

Я даже бросила затравленный взгляд в сторону бутылки, которая стояла на столике у кресла. Архольд проследил за моими манипуляциями и понимающе хмыкнул:

— Думаешь, это поможет?

— Ты же пьешь, — отозвалась тихо и неловко поправила покрывало, убрала волосы за ушко.

— Мне не помогает, — неожиданно признался мужчина и вздохнул, выпрямляясь. — Ну так что, Сэм? У нас с тобой есть только два варианта. Первый, ты сейчас отправляешься к своему женишку, рассказываешь о подставе, которую для него устроил Торнтон, и вы пытаетесь сбежать из Ванагории. Я подчёркиваю — пытаетесь. Потому что вас будут искать все шпионы короля. Уверен, что к поискам подключатся люди твоего братца и его лучшего друга Мартина Контэ. Если не ошибаюсь, его отец занимает пост первого министра при Гаретте?

— Да, — тихо ответила ему, глядя, как огонь уничтожает последнее полено, безжалостно пожирая и ломая.

Смотреть в глаза Архольду было тяжело, а слушать слова еще и больно. Потому что прав. И эта правда убивает.

— А что потом? Что будет, если король Марико откажется расторгать наш брак? Так и будете бегать дальше и скрываться? Такой жизни ты хочешь?

Не хотела.

— А второй вариант — целый год играть роль твоей постельной грелки? В чужой стране? — горько спросила у него, возвращаясь на диван и садясь, поджимая заледеневшие ноги.

Стало холодно или я дрожала совсем по иной причине.

— Интересные у тебя представления о супружеских отношениях, — неожиданно тихо отозвался Дерек и я перевела взгляд с вorsa ковра на него.

Он стоял в тени, и разглядеть лица я не могла, но взгляд чувствовала — тёмный и обжигающий.

— Ты герцогиня, Сэм. Герцогиня Архольд. Это титул, земли, золото, драгоценности, счета в банках.

— Ты хочешь меня купить? — невесело хмыкнула я, даже не подумав оскорбиться. Не время, да и глупо устраивать истерики из-за такой мелочи. — Ах да, ты же уверен, что я расчётливая дрянь, которую интересует только это.

— Что я думаю, сейчас неважно. Я говорю о плюсах наших отношений.

— В данный момент я вижу одни минусы.

— Всего год. Тебе предстоит один год изображать мою послушную и верную жену. Разве это так много?

— А что потом? — вскинув подбородок, спросила у него. — Остаток жизни в дальнем поместье, как ненужная вещь? Может, я еще и ребёнка должна тебе родить? Наследника?

Спросила и вздрогнула от замаячившей перспективы. Напряжение, которое только утихло, вновь всколыхнулось.

Молчал и Дерек, продолжая странно поблескивать глазами. Но я видела, как напряглось его тело. Мужчина отступил от камина и опустил в кресло напротив меня.

— Что такое, Сэм, — неожиданно хрипло спросил Корвил. — Это так ужасно? Представить меня в своей постели?

Я даже представлять не стала, потому что знала, как далеко могут увести эти мысли. Память услужливо подбрасывала картинки с его обнажённым торсом. Пальцы до сих пор хранили тепло гладкой кожи, которая дрожала от моих робких прикосновений.

— Убью, — тихо ответила ему.

— Меня? — как-то зло спросил Архольд.

— Нет. Себя.

Я не лгала. Уж лучше смерть, чем вновь проходить через это. Привязываться к нему, снова любить и быть отвергнутой. Лишиться всего. В прошлый раз меня спасли Айола и Эйдан. В этот раз были лишь я и моя боль.

— Не надо столь радикально, Сэм, — очень чётко и твёрдо произнёс Дерек, разрывая зрительный контакт, и кладя ногу на ногу. Длинные пальцы забарабанили по гладкой поверхности подлокотника. — Я обещал твоему брату год. Своё слово я сдержу. Через год, наш брак будет расторгнут, и ты можешь спокойно выходить за своего виконта. Если он тебя дождётся.

— Интересно, как ты собираешься его расторгнуть? Развод? Так развод длится не менее полугода.

— Нет, просто признание брака недействительным. Есть вещи, для которых даже помазанник великих не нужен.

— И что же это? — нахмурилась я.

— Консуммация брака, моя дорогая. Если в течение года, живя под одной крышей, мы не вступим в брачные отношения, то брак считается недействительным. Если ты еще невинна...

И замолчал, пытливо смотря мне в глаза.

Щеки полыхнуло жаром, скрыть который я не смогла.

— Кхм, — отвечать на скрытый вопрос не стала, а вот свой задала. — Я должна поверить, что ты не попытаешься склонить меня к исполнению супружеских обязанностей?

— Настаивать и принуждать не стану. Но если ты сама захочешь...

— И не мечтай, — перебила его и закусила губу, пытаюсь понять, как же быть дальше. — Выходит, если я соглашусь... Подожди, а как же Эйдан и завтрашняя дуэль?

Архольд отмахнулся, словно на кону не стояла его жизнь и жизнь моего жениха.

— Ничего с твоим виконтом не сделается. Небольшая контузия. Когда очнётся, мы будем уже далеко. Такой поворот меня совсем не устраивал.

— Но я должна с ним поговорить, объяснить всё.

— Торнтон отлично с этим справится.

— Леонард? — я выразительно взглянула на Корвила. — Нет, ему я не могу доверить столь щекотливый вопрос.

— Другого варианта нет. Завтра сразу после дуэли мы отправляемся к порталу, ведущему в Академию, оттуда через второй портал в Сангория. Так быстрее. Твои вещи ведь были упакованы к свадьбе с виконтом, значит особой сложности не возникнет. В любом случае, я могу тебе купить новые. Теперь-то у меня деньги есть.

А когда-то нам с трудом хватило денег на комнатку в постоялом дворе. Часть пришлось отложить для портала. И жалкие гроши на еду. Но тогда я не думала о деньгах, наивно веря в будущее.

— Если ты согласишься, конечно, — закончил Архольд.

Я потёрла виски.

Тут был подвох. Я нутром чуяла, что во всём этом был подвох, но никак не могла понять, где именно. Жизнь Эйдана висела на волоске, и времени торговаться не было.

— Ну же, Сэм. Не затягивай с ответом. Мне еще надо выспаться и подготовиться к дуэли.

Торопит. Специально торопит, не давая хорошенько подумать и всё взвесить.

— Откуда я знаю, что ты действительно договорился с Лео? Вдруг это твоя очередная ложь? — быстро спросила у него.

— Я не лгу. И магическая клятва это подтвердит.

— Что? — во рту пересохло, и я с трудом смогла сглотнуть. — Что ты сказал?

— А что ты хотела, Сэм, — криво усмехнулся он. — Брак штука сложная, подводных камней много. Вот мы и заключим с тобой магическую клятву, нарушить которую никто из нас не сможет. Ты даже внесёшь в неё пункт о запрете домогательств с моей стороны.

— Но магическая клятва...

Опасна. Нерушима. Вечна, если не оговорено иное.

— Я должен знать, что не зря завтра буду подставлять свою шкуру, Сэм, — жестко перебил меня Архольд. — Либо клятва и год в роли моей супруги, либо дуэль, исход которой ты знаешь.

— Это жестоко.

— Это жизнь, Сэм.

Я прикрыла глаза ладонью, и покрывало вновь сползло, обнажая на этот раз не только плечи, но и спину. Кровь стучала висках, и я физически чувствовала, как истекает время, а груз ответственности давит на плечи.

— Хорошо, — пробормотала едва слышно. — Хорошо, я согласна.

— Согласна?

Мне показалось или Архольд задержал дыхание, словно не веря в услышанное.

— Да.

— Клятва сейчас, Сэм.

Покорно кивнула и поднялась, придерживая ткань правой рукой, левую же протянула мужчине, ладонью вниз.

Корвил долго и внимательно смотрел на неё, продолжая сидеть.

Тук-тук-тук. Методично стучат пальцы по подлокотнику.

От хриплого едва слышного ругательства я вздрогнула, но осталась стоять. Это он придумал, он предложил.

— Надо же на что ты готова ради него, Сэм, — поднявшись, Архольд подошёл ближе, засунув руки в карманы брюк, в то время как моя рука всё ещё висела в воздухе, ожидая пожатия. — Какая любовь, какое самопожертвование. Это достойно восхищения. А что дальше, Сэм? Я должен растрогаться, пустить слезу и отпустить вас с миром, благословив на счастливую жизнь вдвоём?

Он не ждёт ответа, но я молчу, продолжая упрямо рассматривать пуговицы на его рубашке.

— Так вот, Сэм, не угадала! — рыкнул Корвил болезненно, и сердце сжалось от тревоги и непонятной тоски. — Ничего ты не поняла!

Доля секунды и мужчина неожиданно схватил меня за руку и накрыл другой рукой наше рукопожатие. Я вздрогнула от боли, когда Дерек произнёс Слово.

Древнее Слово клятвы, которую мы просили засвидетельствовать Великими.

Ветер бушевал вокруг нас, волосы больно били по лицу, а запястье словно пронзало иголками. Но я молчала, ожидая своей очереди.

Методично, упрямо и чётко Архольд произнёс своё обещание, не упуская ничего: спасение Эйдана; год, который начинает считаться с завтрашнего дня, по истечении которого я буду свободна; отказ от всякого рода домогательств с его стороны; неожиданное обещание заботиться, беречь и обращаться как с женой.

Его слова подхватил ветер, они звучали в моей голове, когда я, невзирая на шум и боль, давала свою клятву: остаться и прожить с ним этот год; быть верной, послушной женой, достойной древнего титула.

Я чувствовала, как крепко его рука сжимала мою, как его глаза неотрывно смотрели на меня, но сама поднять взгляд не решалась.

Заключительное Слово мы произносили вместе. Древняя клятва как итог этого безумного соглашения, отказаться от которого не сможет уже никто из нас.

Лишь были произнесены последние слова, как всё стихло, и я едва не упала. Дерек схватил меня за плечи, но я мягко высвободилась, возвращаясь к дивану. Сев, взглянула на ноющее запястье, на внутренней стороне которого была выжжена древним огнём печать Сына, как доказательство нашего договора.

— Воды? — голос Дерека доносился как из тумана.

— Нет. Открой, пожалуйста, дверь.

Герцог не задавал лишних вопросов, я слышала его шаги, заглушенные ворсом ковра, скрип двери, и вздрогнула от прохладного воздуха.

Дождь закончился.

— Мне пора идти, — поднимаясь, произнесла я. — Свои обязанности я выполнила.

Мужчина не останавливал, но неожиданно начал разговор.

— Сэм.

Я замираю, сжимая мягкую ткань пледа. Что еще ему нужно от меня?

— Теперь, когда ты знаешь, что Леонард не глядя может солгать и ввести в заблуждение, — Корвил странно сглотнул и продолжил, — что ты думаешь о том, что твой брат сказал тебе четыре года назад?

Как будто я не знала этого раньше.

— Ты думаешь, я ушла тогда, потому что поверила словам Лео? — едва слышно спросила у него.

— А разве не так?

Я молчала секунд тридцать. Повернулась к дивану, взяла в руки спящую сову, наслаждаясь мягкостью её перьев, вслушиваясь в биение крохотного сердечка, подошла ближе к выходу.

— Я никогда не верила словам, Дерек. Предпочитала судить по поступкам.

Его взгляд прожигал спину, но я так устала, что перестала реагировать.

Ветер вновь ворвался через открытую дверь и шторы парусами взвились над полом.

— А тогда, четыре года назад, я всё видела сама...

Покрывало упало вниз, но мне было всё равно, что я стою перед мужчиной совершенно обнажённая, что его тёмный взгляд блуждает по спине и ягодицам. Всего доли секунды, прежде чем я соединилась с телом птицы и с громким клёкотом устремилась прочь.

Прочь от мужчины, женой которого я должна быть целый год.

Я почти не помню дороги домой.

Ветер, огни, мерцающие в неспящей столице, дождь, незаметно перешедший в мокрый снег, который мешал обзору и налипал на крыльях, но самое главное — мысли. Ощущение проигрыша не покидало. Будто я вновь в корне изменила свою судьбу, свернув с намеченного Великими пути. Или же вернулась на прежнюю дорожку, уготованную мне Матерью?

Спасибо профессору Маркуру, который нещадно вбивал в нас знания и тренировал до потери сознания, требуя концентрации при создании фантомов. Тело птицы я закрепила надёжно и поэтому смогла добраться довольно быстро до особняка и влететь в окно своих покоев.

Присутствие брата, который вальяжно раскинулся в кресле, наблюдая за моей спящей копией, не удивило. Архольд вновь оказался прав. Леонард хочет закрепить результат и убедиться, что беспокойная младшая сестра не сломает ему все планы.

— Прилетела? — услышав хлопанье крыльев, произнёс он, открывая глаза.

Я села на изголовье кровати и молча на него уставилась. Только Великие знают, как мне хотелось вцепиться когтями в лицо брата, хорошенько его изуродовав. Если бы только это могло помочь.

— Качественно сделано, — Леонард сел поудобнее и кивнул на спящую. — И не отличишь от настоящей. Твоя копия даже посапывала во сне. И сова... Красиво.

Я молчала и даже не двигалась, ожидая продолжения. Ведь неспроста эти красивые слова и комплименты. Лео никогда ничего не делает просто так.

— Обращайся и одевайся. Я жду тебя в гостиной. Нам надо поговорить, — произнёс он, как только с похвалой было закончено.

Встал, поправил брюки и пиджак. После чего, даже не взглянув в мою сторону, развернулся и ушёл. Снова приказ.

Как же я от них устала.

Мне хватило пяти минут, чтобы вернуться в человеческий облик, развеять фантомы, собрать остатки энергии, надеть сорочку, потом халат, завязав пояс на талии, и выйти из спальни, спустившись на первый этаж, где меня уже ждал дорогой братец.

Сев в кресло, я откинула назад волосы и сложила руки на коленях.

— Как слетала? — невозмутимо поинтересовался Леонард.

На столике между нами стоял поднос с заварным чайником и две фарфоровые кружечки, разукрашенные распустившимися бутонами шиповника и золотой каймой. При всей своей хрупкости и изяществе посуда была обработана секретным составом, который делал её очень прочной и практически небьющейся. Изысканный фарфор работы самого Лью Мина, величайшего художника Фрей.

В моём приданом находится подобный сервиз на двадцать четыре персоны, раскрашенный вручную мастером. Только не с шиповником. На нем была серебряная кайма и изображен жасмин. Сама не знаю почему, но я захотела именно эти цветы из сотни других. Предчувствие?

Пальцы едва заметно трепетали, когда я разливала фруктовый чай с пряными нотками лета и солнца в чашки.

— Как ты и хотел, — голос почти не дрожал, когда я отвечала брату. — За сколько ты меня продал, Леонард?

— Грубо, Селина, — беря у меня чашку, заметил тот.

Жизнь научила, что в разговоре с ним, если действительно настроена на разговор и получение информации, не стоит истерить, кричать и тем более лить слёзы. Не поможет. Леонард всегда действовал холодно, расчётливо, сколько я себя помнила, и требовал такого же поведения от остальных.

Наверное, я всё равно не смогла бы сейчас истерить. Эмоций почти не было. Лишь глухая безнадежность и тоска. Еще горела на запястье метка, напоминающая о нерушимом слове, которым я подписала себе приговор.

Всего лишь игрушка в чужих руках — родителей, брата, Архольда, правителей и Великих. Игрушка без права голоса, которая пляшет под дудку остальных.

— Как есть. Не переживай, я не сорвала тебе сделку. Просто хочу знать, сколько стою. Для общего развития.

Чай был вкусным и очень терпким, чувствовались нотки малины, смородинового листа и капля липового цвета.

— Кроме личной благодарности короля, привилегий, денежной суммы и особняка на Карловом взгорье*?

— Надо же какая прелесть. Матушка будет в восторге.

— А еще титул, — лениво закончил он, наблюдая за мной поверх чашки.

Посуда жалобно звякнула в моих руках, и я нервно кашлянула, прочищая горло.

— Титул? Король обещал отцу титул?

При всём положении, значении, приближении к королевской чете и богатстве, Торнтонны не имели титула.

— Не отцу. Мне.

— О-о-о-о, — протянула в ответ и вновь сделала глоток. — Какая честь. И как теперь мне к тебе обращаться, дорогой брат?

Сарказм подавить я не смогла, но ему было всё равно. Мужчина упивался своей властью

и положением.

— Леонард Торнтон граф Элькиз.

— Первый граф Элькиз, — я отсалютовала ему чашкой.

— Герцогиня Архольд.

Я поджала губы и неодобрительно покачала головой.

— Ты использовал меня, Леонард. Как жалкую марионетку.

— Ты сама начала эту игру, Селина. Четыре года назад. Моей вины в этом нет.

— Как это удобно. Вспоминать одну ошибку и тыкать меня в неё носом. Раз за разом. Год за годом. Я расплачиваюсь, а ты собираешь сливки.

— Титул герцогини легко покроет все твои страдания.

— Я о нём не просила.

Леонард склонил голову и насмешливо улыбнулся, лишь приподняв уголки губ.

— У всех нас есть обязанности, Селина. Перед семьёй, страной. И чем выше положение, тем больше обязанностей. Зря ты думаешь, что у тебя их больше всего. Просто я не плачусь об этом на каждом шагу. Придёт время, и я тоже послужу нашему роду, взяв в жену ту, что будет выгодна.

Меня передёрнуло от отвращения.

Я быстро отставила блюдо в сторону. Чай, каким бы вкусным он не был сейчас, стоял поперёк горла, вызывая тошноту.

И это мой родной брат? Холодное существо, лишённое каких-либо чувств и эмоций.

Вновь огнём загорела метка на запястье и слова сами сорвались с губ, глухо и странно звуча в тишине гостиной. Будто и не мой это был голос.

— Однажды, я верю, что доживу до этого момента, ты встанешь перед выбором — сердце или разум, долг или чувства. И я верю, что сердце одержит вверх.

На Леонарда мои слова не произвели никакого впечатления:

— Любовь, чувства. Брось, Селина, ты же знаешь, что это не про меня. Но перейдём к делу. В Сангориа ты отправишься утром, сразу после дуэли. Тогда же будет объявление о вашей свадьбе.

— Четырёхлетний срок пропустят?

— Конечно. Твоё приданное будет отправляться частями, сама понимаешь, через портал такое количество за пару раз не провезти. Поэтому самое необходимое твоя горничная собрала в пару сундуков. Но я уверен, что Архольд купит тебе всё.

Я не стала говорить, что мне совершенно ничего от мужа не нужно, а спросила, глядя прямо в светло-голубые глаза брата:

— Почему ты не рассказал мне о том, что был знаком с Корвиллом? Что обманул его на дуэли пять лет назад?

— Не обманул, а схитрил. Не люблю проигрывать. Особенно каким-то босякам с окраины. Он же тогда не был герцогом.

— И еще подначил Эйдана. Рисковал его жизнью.

— Ничего не имею против виконта и золотые прииски жалко упускать.

— Великие! — выдохнула я, не в силах больше это слышать, смотреть в его лицо и молчать. Быстро встала с кресла и подошла к окну, касаясь стекла и чувствуя его

прохладу. — Как ты можешь быть таким бесчувственным и жестоким? Я же твоя сестра. Твоя младшая сестра! А ты продал меня своему противнику.

— Не передёргивай, Селина. Через год ваш брак будет признан недействительным, и ты вернёшься домой с крупной суммой, оставшейся после развода, и можешь вступать в брак с виконтом, уверен, он тебя дожждётся. Если, конечно, не прыгнешь в постель к Архольду, как только он тебя поманит.

— За кого ты меня принимаешь?! — обернувшись, выкрикнула в ответ.

— За девчонку, которая четыре года назад бросила учёбу, семью и попыталась сбежать с врагом своей страны. Он ведь будет тебя искушать, соблазнять. Сможешь ли ты выстоять против желания тела?

— Этого не будет, — холодно одёрнула его. — А родители? Они вообще появятся? Скажут мне что-нибудь? Или я вновь лишена привилегий и крох родительской любви?

— Завтра утром они выйдут с тобой попрощаться.

Неловкий и быстрый поцелуй от матушки, которая будет картинно прикладывать к совершенно сухим глазам белоснежный платочек с вензелями Торнтонов. Кивок от отца и равнодушный хлопок по плечу. Вот и всё, на что я могу рассчитывать.

Дочь снова подвела их и на большее не имела права.

Ветер завывал за окном и гудел в трубе камина, раздувая затухающие угольки.

— Что-то еще? — устало спросила у Леонарда, обхватив плечи руками.

— Не забывай, что ты Торнтон и не позволяй Архольду играть тобой. Играй сама.

Покачала головой, чувствуя, как от усталости смыкаются веки, слишком насыщенным был этот день.

— Мне до вас далеко. Я просто буду жить. И считать дни до своего освобождения. Знаешь, что меня радует? Что когда всё кончится и брак будет признан недействительным, я освобожусь от вас обоих. Больше никто не посмеет мне указывать и решать, как быть. А сейчас я хочу спать.

— Тогда учись распоряжаться своей жизнью самостоятельно, — ответил Леонард, прежде чем уйти.

Я вернулась в спальню, забралась на кровать, с головой укрываясь тёплым одеялом, давая выход слезам.

Сейчас можно. Сейчас никто не увидит, не осудит и не воспользуется.

Я так и уснула с мокрыми от слёз щеками, вздрагивая и до крови кусая губы.

*Карловое взгорье — небольшой курортный городок на юге Ванагории, недалеко от границы с Нарговией, у источников, славящихся своими целебными свойствами. Своего рода курорт, где любит отдыхать аристократия и поправлять здоровье королевская чета. Большая часть городка принадлежит короне и совершенно невозможно купить особняк или домик, лишь снять на короткий период времени за очень большую сумму.

Глава Седьмая. Отъезд

Леонард говорил: чем выше положение в обществе, тем больше обязанностей.

Но я знала и другую истину, свою собственную, которая этим утром лишь подтвердилась: чем ниже статус, тем больше чувств и тепла.

Конни мужественно держалась с самого утра. Бледная с покрасневшими глазами и набухшими веками, девушка старательно улыбалась, как только замечала, что я за ней наблюдаю.

Этим утром всё было как всегда — горячая ванна, переодевание и причёска. Как всегда, и в то же время иначе. Конни помогла мне одеться в дорожный костюм из зелёного бархата, состоящий из широкой юбки и жакета с длинными рукавами, лацкан которого была приколата брошь с рубинами в виде распустившейся розы. Девушка убрала мои волосы в низкий пучок, украсив его гребнем с изумрудами и рубинами, подала крохотные серёжки-гвоздики и застыла, ожидая дальнейших приказов.

Но что я могла ей сказать, когда слова застревали в горле, когда внутри всё дрожало от ожидания и страха.

— Новостей нет? — в который раз спросила я, заканчивая нервно мерить шагами покой и присела на диван.

Почти сразу захотелось вскочить и вновь забегать по комнате.

Стрелки часов показывали десять утра. А информации об исходе дуэли всё ещё не было. Почему? Оставалось лишь убеждать себя, что плохие новости приходят быстро и есть шанс, что всё хорошо.

— Лорд Леонард просил вас спуститься вниз.

Не просил, а приказал.

— Передай ему, что пока я не буду уверена, что с Эйданом всё в порядке, то никуда не пойду. И мне совершенно всё равно что он по этому поводу думает.

— Лорд рассердится, — пробормотала девушка, пряча руки за спину.

Я уже открыла рот, чтобы сказать что-нибудь едкое в адрес старшего брата, как внезапно поняла, что злость Лео меня вряд ли затронет, а вот Конни достанется. А этого мне не хотелось.

— Тогда стоит его проигнорировать, — вздохнула я и потёрла ноющие виски.

Можно было принять обезболивающую микстуру, горничная уже пару раз предлагала, видя мои мучения, но я хотела сохранить ясность ума и поэтому стойко терпела. Головная боль не самое страшное, что может случиться.

Как там Эйдан? Сильно ли ему досталось? Про Архольда я тоже вспоминала, но тут тревоги почти не было. Я знала, что герцог выпутается. Он всегда выбирается, даже из самых сложных ситуаций.

Тихий всхлип привёл меня в чувство и заставил вскинуть голову, внимательно взглянув на девушку.

— Прощу прощения, госпожа, — пробормотала Конни, вытирая глаза краешком белоснежного передника.

А ведь она действительно расстроена. Не потому что так принято, а потому что переживает за судьбу своей бедовой хозяйки. Искренне. По-настоящему. Это отвлекло.

— Конни, подойди ко мне, пожалуйста, — улыбнулась я, вспомнив, что собиралась сделать, но забыла.

— Да, госпожа? Вы что-то хотели? Чай? Микстуру?

Ей так хотелось исполнить моё желание, даже самое простое, что у меня запершило в гортани и защипало в глазах от нахлынувших чувств.

— Нет, спасибо, ничего не надо. Просто сядь, пожалуйста, — я пригласительным похлопала по дивану рядом с собой. — Садись. Всё нормально.

Девушка замешкалась, нервно теребя ткань передника, но подчинилась, присев на самый краешек. Ровная спина была напряжена, и сама Конни была похожа на натянутую струну, того и гляди вскочит и убежит.

— Думала вручить это на вашей свадьбе, но сама понимаешь, что теперь это невозможно.

Достав из кармана аккуратно сложенный конверт, я взяла горничную за руку и вложила его в раскрытую ладонь.

— Что это?

— Мой подарок на вашу свадьбу с Керитом. Это номер счёта в банке на Тан-роу, открытый на твоё имя. Этих денег хватит чтобы выкупить у моего отца земельный участок, который Керит присмотрел для вашего домика. И никакой ренты.

— Ох, госпожа, — на её глаза вновь навернулись слёзы. — Я не могу это принять. Это слишком большая сумма денег.

Я лишь улыбнулась. Один поход в салон миссис Томсон обходится мне дороже. Так что для меня эта сумма ничего не значила, а им могла значительно облегчить жизнь. А мне так хотелось сделать что-то хорошее для этой пары. Если бы я могла, то дала бы денег еще больше, но к сожалению такая сумма привлечёт лишнее внимание, вызовет ненужные разговоры и допросы органов правопорядка. Пусть хотя бы у Конни и Керита всё сложится хорошо, раз у меня не получилось.

— Это мой подарок, — я сжала её ладонь. — Не расстраивай меня. Дай хоть что-то сделать перед отъездом. И будь счастлива.

— Госпожа Селина, как же мы теперь будем без вас? — слезинка быстро сползла по щеке и Конни неловко её смахнула. — Как же так? Это чужая страна, варварская, а вы такая хрупкая, такая красивая.

— Пройдёт год, и я вернусь. Всё будет хорошо.

Говорила и сама не верила.

Слёзы обычной девушки, крупные, блестящие, которые горничная стыдливо и поспешно стирала с румяных щек, а они всё текли, стояли намного больше быстрого материнского поцелуя, которым матушка клюнула меня в щеку, даже не улыбнувшись. Не сказав и слова.

Бесценные слёзы.

Как и ароматные пирожки Франка с румяной глянцевою корочкой и умопомрачительным запахом, который не могли скрыть несколько слоёв полотенец и специальная коробочка для хранения.

Леонард всё-таки вынудил меня спуститься вниз. Пригрозив, что сам лично явится в мои покои и силой протащит по лестнице. Не знаю, решился ли бы Леонард на такое на самом деле, но проверять не стала, решив, что затворничество всё равно не спасёт меня от скорого отъезда с Архольдом.

У парадной лестнице меня и поджидали слуги во главе с Франком. Огромный, широкоплечий повар держал в руках плетёную корзинку для пикника и тяжело вздыхал.

— Франк? — я остановилась, опираясь о широкие перила и по очереди осмотрела каждого. — Что вы здесь делаете?

— Мы пришли попрощаться с вами, госпожа Селина, — дрогнувшим голосом произнесла

экономка. — Разве мы могли позволить вам уехать в чужую страну, не пожелав счастливого пути.

— А Франк еще испёк вам пирожки на дорожку, — вставил Керит, на плечи которого уже беззвучно рыдала Конни. — Пусть дорога будет не длинной. Но таких пирожков нет нигде.

— Я приготовил ваши любимые с яблоками и изюмом, еще с капустой и яйцом, — скупой улыбнулся пожилой сангорианец, но в карих глазах было столько тепла, что у меня защемило в груди. — Там еще парочка сладких плюшек. А еще я хотел вот что сказать. Не бойтесь, юная госпожа. Я знаю какие слухи ходят о моей родине, какие рассказы сказывают. Но всё не так. Сангория другая, что совсем не значит плохая. И я уверен, что герцог не допустит чтобы с вами что-нибудь случилось. Архольды древний род, могучий и великий. Его глава не может оказаться плохим человеком.

— Спасибо, Франк. Спасибо вам всем, — придерживая край юбки, я преодолела оставшиеся ступени и обняла каждого. Оставив напоследок любимого повара. — Спасибо.

Франк осторожно прижал меня к себе и прошептал на ухо:

— Вы сильная, госпожа. Несмотря на кажущуюся хрупкость, вы сильная. А сангорианцы это любят и уважают. Никогда не падайте духом и не сдавайтесь. В этом ваша сила.

— Что здесь происходит? — недовольный и даже голос Леонарда, он же первый граф Элькиз, заставил нас отскочить друг от друга.

Видимо братцу надоело ждать, и он решил исполнить угрозу.

— Что за сборище? Вам что заняться нечем?

— Это я их задержала, Леонард, — вмешалась я.

— Мы просто пришли попрощаться с госпожой Селиной, — неожиданно произнёс Франк. — Пожелать ей счастливого пути и счастья в браке. Разве это возбраняется?

— Можете быть свободны. И быстро. Селина, — Лео взглянул на меня. — Ну сколько можно тебя ждать. Пришла весточка, через полчаса Архольд будет здесь.

— Весточка? — едва дыша переспросила у него, сжимая кулаки.

Я не заметила, как опустел холл и слуги разошлись кто куда, полностью сосредоточившись на брате.

— Да.

— Эйдан? — я прочистила горло. — С ним всё в порядке?

— Жив, без сознания, но жив. Его повезли в поместье под заботливое крылышко матери. Ты бы о судьбе супруга так беспокоилась, — Леонард преодолел разделяющее нас расстояние, схватил меня за локоть и поволок через холл в западное крыло.

— Прошу не лезть в мою семейную жизнь. Она тебя совершенно не касается.

— Надо же как заговорила. Почувствовала себя герцогиней? Упиваешься властью?

— Не болтай чепухи. Ты же знаешь, что это не так.

— Родители ждут тебя уже больше получаса, Селина. Это неприлично.

— Неприлично сутки игнорировать родную дочь в тяжелый для неё эмоциональный момент, — пробормотала в ответ едва слышно.

Мы уже подошли к кабинету отца. Леонард открыл дверь, подталкивая меня вперёд, вошёл сам и громко ею хлопнул.

Кабинет старшего Торнтонна всегда был моим самым нелюбимым местом в доме. Даже

материнский будуар — пёстрый, яркий и душный, полный смешанных ароматов тяжелых духов и горьких лекарств от мигрени — не вызывал такие тягучие и неприятные воспоминания. Я за всю жизнь была здесь не более десяти раз и каждое посещение, наполненное унижением, болью и стыдом, выматывало.

Сам по себе кабинет был обычным — коричневые панели, высокие шкафы полные книг, тяжелые тёмные шторы, мягкая группа у окна, камин над которым висело два портрета — деда и короля Геретта Третьего. Отцовское рабочее место — массивный стол, высокое кресло и сам отец — худой, жилистый и темноволосый с колючим взглядом карих глаз, которые били сильнее слов.

— Селина Энн Маргарет, — голос Честера Торнтон тих и спокоен, но я всё равно втянула голову в плечи и напряглась, не в силах поднять взгляда. — Ты заставила себя ждать.

В отцовских глазах это было преступление сравнимое с убийством. Время — деньги и тратить его глупо.

— Я прошу прощение, милорд, — прошептала, еще ниже склонив голову, изучая узор на ковре под моими ногами.

Великие, я до сих пор помнила этот узор, каждый завиток.

С рождения нам внушили, что обращаться к отцу стоит лишь «милорд» и никак иначе. Уважение, послушание и смирение. Я благодарила Великих, что родилась девочкой и не заслужила внимания своего деспотичного родителя. Для него я была лишь средством для получения необходимого, товар, который можно было продать подороже. Конечно, поступление в академию немного сбilo его планы, но ненадолго.

Всё внимание лорда Торнтон была обращено на брата, все силы и способности. Надо сказать ему удалось вырастить достойного приемника — такого же холодного мерзавца, пекущегося о себе и собственной выгоде. Когда Франк, вздыхая и впадая в меланхоличное настроение, тихо сетовал, что когда-то еще до моего рождения милорд Леонард был совсем другим, я ему верила. Верила потому что знала каким был наш отец.

— Ты же знаешь, как я не люблю, когда мои приказы не выполняются.

Он не повысил голоса, даже тональность не изменилась, но я напряглась еще больше, будто ожидая удара. Память услужливо подсунула сцена десятилетней давности и боль от розги, которая вновь и вновь опускалась на тело.

Я скорее почувствовала, как задержала дыхание матушка, и попыталась заставить себя успокоиться. Сейчас я не в его власти. Жена герцога Архольда, та, которую наказать он уже не смеет.

— Она уже здесь, — неожиданно подал голос Леонард, вновь взял меня за руку и усадил на диван.

И эта неожиданная поддержка, едва уловимая, выдернула меня из пучины страха. Я мысленно поблагодарила Богов, что всем занимался Лео. Старший братец, конечно, тот еще мерзавец, но кое-что человеческое в нём осталось. И отца он не боялся, скорее тот стал опасаться за свою шкуру, поняв кого вырастил на свою голову.

Сев на диван, я упёрлась взглядом в столик, на котором лежал свеженький номер Сплетника. Развернутый таким образом, чтобы мне можно было легко прочитать главную страницу, украшенную моим портретом.

«Герцог Архольд... Селина Торнтон... тайная свадьба... веление короля... виконт... дуэль...» — буквы расплывались перед глазами, но я заставляла себя вчитываться в слова.

Слова, которые обличали интриганку. Девчонку, которая вопреки воле двух правителей, решила заключить брак с виконтом, попыталась всех обмануть, в первую очередь своего жениха. Далее следовало небольшое интервью виконтессы Санроу, обличающее, втаптывающее в грязь.

Милостивый король простил несчастную, заблудшую душу, позволив ей соединиться с

мужем и уехать в Сангорию. А виконту Эйдану Санроу не оставалось ничего иного как вызвать герцога Архольда на дуэль, чтобы отстоять свою честь, и попытаться спасти остатки растоптанной гордости.

А внизу небольшая приписка, поздравляющая Леонарда Торнтон с получением титула графа Элькиза. Титула, которого мы были лишены тридцать лет назад, когда отец совершил ошибку, положившую начало затяжной борьбе с Сангориа.

— Всё прочитала? — холодно поинтересовался Честей Торнтон.

— Да, милорд.

— Ты понимаешь, что твой проступок едва не уничтожил нашу семью?

— Но вернул Леонарду титул, — парировала в ответ, заставив поднять глаза и в упор посмотреть на мужчину. — Титул, который потеряли вы.

Ахнула матушка, едва слышно хмыкнул брат, не сделав попытки вмешаться и это тоже приободрило.

— Забываешься.

Наверное, в этот момент он жалел, что слишком мало уделял внимания моему воспитанию и не успел пресечь непокорность на корню, сломав характер.

— Здесь написано, что с сегодняшнего дня я герцогиня Архольд, подданная другой страны, — кивнув в сторону газеты, произнесла в ответ.

Та, которую ему теперь не достать, как не старайся.

— Но через год всё закончится.

— И вы думаете, что я вернусь к вам?

— Селина, — подала, наконец, голос матушка. — Такое поведение недопустимо.

Я не стала отвечать. У нас разные представления о допустимости и приличиях, о семейных отношениях и о родительских обязанностях.

Слава Великим, в этот момент раздался стук в дверь и на пороге появился дворецкий.

— Прибыл герцог Архольд.

Никогда бы не подумала, что буду так рада его приезду.

Архольд не стал заходить в особняк. Просто вышел из кареты, тёмным пятном застывшей у парадного входа, и стоял, вертя головой и внимательно осматриваясь, словно видел что-то невероятно интересное. Экипаж был крытым, удобным и аккуратным, но наёмным. Ни слуг и кучера в ливреи, ни яркого герба на дверце, ни цветов рода. Это было понятно, Дерек находился в чужой стране всего неделю и уже сегодня должен был уехать вместе с молодой женой, поэтому смысла покупать личный экипаж, четвёрку чистокровных лошадей из Эмират Баху, которые исконно славились своими жеребцами, и нанимать целый штат слуг не было. Я еще не вспоминаю о том, что животных надо было где-то держать и чем-то кормить.

Но несмотря на это карета была крепкой с виду и ухоженной, не то что обычные продуваемые ветром кэбы, которых в столице было очень много.

Застыв, на широком крыльце, вдохнув сырой, влажный воздух, я спрятала лицо в пушистом воротнике пальто и проследила за взглядом мужа, пытаюсь понять, что так заинтересовало супруга.

Уныло зрелище.

Бесконечные лужи, в которых отражалось серое небо. Чёрных туч не было, само небо было серым и безликим на всей линии горизонта. Грязь, уродливыми кусками чернела на дорожках, вымощенных плиткой с красивым орнаментом, сейчас что-либо

рассмотреть было невозможно. Жалкие остатки серого снега на пожухлой гниющей листве. Это безобразное месиво даже снегом назвать было сложно. Торчащие в разные стороны кривые, уродливые ветки деревьев и кустарников. В круглой чаше небольшого фонтана на самом его дне острыми осколками в мутной воде лежал лёд.

Ничего интересного. Наоборот обстановка еще больше погружала в тоску и меланхолию. Словно сама природа грустила со мной в этот момент.

Я не сразу поняла, что Корвил приехал не один. Рядом с Дерекком стоял высокий худощавый мужчина с русыми волосами, собранными в низкий хвост и внимательными карими глазами. Он что-то настойчиво говорил герцогу, а тот молчал, продолжая упрямо разглядывать парк.

На слугу или личного секретаря этот незнакомец был непохож. Уж слишком дорогой была его одежда, да и сами манеры и выправка выдавала в нём мужчину благородного происхождения. Тёмно-коричневое пальто распахнуто, в проеме виднелся бордовый шейный платок, украшенный булавкой с рубинами.

Именно этот мужчина первым увидел нас и вновь что-то быстро зашептал Корвилу. Дерек кивнул и медленно повернулся.

Я тяжело сглотнула, встретившись с тёмным взглядом опасных чёрных глаз. Не знаю искра ли это была, но притяжение между нами никуда не делось, а наоборот возросло. Весь мир сосредоточился на этом мужчине.

— Идём, — тихо произнёс Лео, привлекая моё внимание.

Родители отказались сопровождать неразумную дочь в дальний путь, спихнув все обязанности на сына. Поцелуй в щеку от мамы, кивок от отца, вот и всё родительское благословение. Но я была даже этому рада. Обстановка и так напряженная и незачем её нагнетать еще больше.

Опираясь о руку Леонарда и, поддерживая подол юбки, я спустилась по влажным ступенькам, дрожа от напряжения. Осенний ветер налетел из-за угла и ударил по лицу, выбивая воздух и взметнул юбки.

Небольшая передышка, для того чтобы поправить одежду и настроиться на встречу.

Мокрая жижа под ногами из снега и воды противно хлюпала под ногами и было скользко. Лео пришлось придерживать меня за локоть, не давая упасть.

И я всё время чувствовала взгляд Архольда, который заставлял нервничать и зябко поёживаться. Чем ближе мы подходили к экипажу, тем сильнее билось сердце в груди. Когда до кареты и мужчин оставалось всего несколько метров, я прикусила губу, только сейчас сумев рассмотреть в серой дымке позднего утра лицо мужа.

Кровоподтёк на подбородке, ссадина на скуле, мелкие царапины, украшающие висок и смуглая кожа, которая сейчас была неприятного желтоватого оттенка. Как же ему досталось.

— Герцог Архольд, — произнёс Лео, когда мы подошли и сжал мою руку, призывая прийти в себя и вспомнить о манерах.

— Граф Элькиз, — ответил тот, и я заметила рассечённую губу, ранку которой покрывала тонкая корка, того и гляди лопнет, и тонкая струйка крови потечёт по подбородку. — Герцогиня.

Надо было что-то сказать в ответ, спросить, как самочувствие, больно ли ему. Глупый вопрос. Понятно, что больно. Надо же показаться лекарю, ведь у герцога должен быть личный лекарь, обработать раны, а не стоять на ветру. Жаль, что искрящие не могут залечивать себе раны, это бы так упростило нашу жизнь.

Но язык будто к небу прирос, а от взгляда чёрных как ночь глаз было совсем неловко. И этот незнакомец мужчина тревожил. Ведь не просто так он здесь появился в столь сложный момент.

— Селина? — произнёс Леонард и легонько ткнул локтем в бок.

Я моргнула, прочистила горло и выдала:

— Рада видеть вас, милорд.

Добавить «в добром здравии» язык не повернулся. Это бы выглядело как форменное издевательство.

Мы снова замолчали. Корвил продолжал меня разглядывать, а я всё никак не могла найти подходящие слова. Вот тебе и леди, которая всегда найдёт выход из любого положения.

Что подделаешь, если на уроках этики такая ситуация не рассматривалась. Что обычно говорят жены, когда встречаются мужа, который до этого дрался на дуэли с женихом жены?

Великие, я еще больше запуталась в своих изречениях и умозаключениях.

— Дерек, где твои манеры? — вдруг улыбнулся незнакомец, выступая вперёд. — Алисей Валкорт. Для меня честь познакомиться с вами, герцогиня. Слухи о вашей красоте дошли и до Сангориа. Но могу сказать они сильно преуменьшены.

Он взял мою руку и поднёс к губам. Поцеловав мужчину даже не подумал отпустить мою руку, продолжая её сжимать.

— Я уже говорил, Архольду, что ему невероятно повезло. Он заполучил жемчужину Ванагории.

— Лес, закрой рот, — тихо, но как-то зловеще произнёс Дерек.

— Крепись, мой друг, теперь тебе придётся отбиваться от назойливых поклонников. Такая красота не может остаться незамеченной.

— Благодарю, господин Валкорт.

Я смущенно улыбнулась и выдернула ладонь из его рук, чувствуя непонятную неловкость, которая еще больше усилилась после следующей фразы:

— Лорд Валкорт, — поправил меня мужчина, продолжая улыбаться. Только вот карие глаза смотрели серьёзно и испытующе. — Советую, как можно быстрее обзавестись наследником, Архольд. Убьешь сразу двух зайцев — Аргонор перестанет ворчать и жена будет занята ребёнком.

— Кхм, — выразительно кашлянул Леонард, но ничего не сказал.

Я бросила быстрый взгляд в сторону герцога. Его друг, пусть и разбирается.

— Валкорт, — процедил муж раздраженно. — Шёл бы ты.

— Пойду, — утратив всю весёлость и наигранность, произнёс тот. — Вот только сначала надо убедиться, что вы благополучно покинули Ванагорию и никакой опасности нет.

— Опасности? — переспросил брат, неожиданно подтягивая меня к себе. — О какой опасности идёт речь?

— Лорд шутит. Гаретт Третий обещал, что неприятностей не будет. Сэм, — Архольд обратился ко мне, и я напряглась из-за этого имени и того, как присутствующие отреагировали на него. — Нам пора.

— Да, конечно, — быстро кивнула я, повернувшись к брату. — Удачи, Леонард.

А дальше произошло нечто совсем неожиданное. Новый граф Элькиз развернул меня к себе и прижал к груди, шепнув на ухо:

— Будь осторожна и помни о чём я тебе говорил.

— Д-да, — просипела ошарашено в ответ, но Лео уже отпустил меня.

— Милорд, вещи погружены, — сообщил подошедший слуга.

— Архольд, вы в карете, я впереди. Если ты не передумал? — произнёс Валкор и загадочно замолчал.

— Не передумал, — ответил тот и протянул мне руку, помогая взобраться внутрь.

Мне показалось или муж дрогнул, покачнулся, но всё равно остался стоять. Я бросила на Корвила быстрый взгляд, пытаюсь понять, что происходит, но ничего не увидела. Всё такое же непроницаемое лицо со следами увечий и ранений, и глаза — странно блестящие в сумраке.

Внутри карета была просторной и удобной. Не красивой. Здесь не было вычурных резных украшений, дорого бархата и позолоты, но мне это даже нравилось. Экипаж дёрнулся и тронулся, я повернулась к окну, смотря как мимо медленно проплывают пейзажи моего детства, оставляя в душе щемящую грусть и нотку ностальгии по ушедшему.

— У портала нас уже ждут и сразу переведут, — произнёс Дерек, привлекая внимание. — Без всякой очереди. Еще один подарок от Гаретта.

Напряжение никуда не делось. Наоборот в замкнутом пространстве, которое нарушалось лишь скрипом колёс и нашим дыханием, усилилось. Еще немного и можно будет есть его ложками. В карете было тепло и сухо, а еще темно.

Я сняла перчатки и сжала их в руках.

— С Эйданом всё хорошо? — тихо спросила, решаясь поднять на мужа взгляд.

Вся магия и томление разом исчезли. Лопнули как пузырь.

— Встречи не будет, — неожиданно жестко ответил Дерек, опираясь спиной на мягкое сидение.

— Я не просила этого.

— Но хотела. Брось, Сэм, я же понимаю. Увидела моё разукрашенную физиономию и испугалась за женишка. Уж не убил ли я его в порыве праведного гнева.

— А ты убил? — произнесла я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Не туда нас завёл разговор.

Муж молча поднял руку, показывая запястье, на котором виднелась круглая отметина, идентичная той, что была у меня.

— Слово, Сэм. От него никуда не деться. Не переживай, виконт выглядит намного лучше меня. Знаешь ли не умереть сложно, но не умереть и не дать убиться другому еще сложнее. Пришлось постараться.

— Спасибо, — я попыталась улыбнуться, но не вышло, поэтому ограничилась лишь кивков. — Большое спасибо.

— Ты выполнила свои обязательства, я свои, — ответил тот равнодушно.

Карету качнуло и немного подбросило на кочке. Архольд дёрнулся, сжал губы и едва слышно выругался, прижимая руку к боку.

— Тебе больно? Ты ранен? Может, к лекарю?

Я ведь хотела, как лучше, проявила участие. Но отчего-то моя забота еще больше разозлила Архольда.

— Со мной всё отлично, Сэм. Просто превосходно. Так что можешь не мечтать, делать тебя вдовой в ближайшие дни совершенно не входит в мои планы.

— Ты жесток, — сказала я, но оправдываться не стала.

Оставшийся путь до портала мы преодолели в абсолютной тишине, не делая попыток поговорить. Хороша же у нас будет совместная жизнь, если уже в начале такие неприятности.

Дальше всё было как сказал Архольд. Карета остановилась сразу у порталов, которые располагались в охраняемом одноэтажном здании недалеко от главной площади. Мы вышли, муж наедине переговорил с Валкором. Тот продолжал настаивать о чём-то, но вновь безуспешно.

На нас обращали внимание. Я видела, как прохожие останавливались, замедляли шаг, не обращая внимания на отвратительные погодные условия, и перешептывались, указывая пальцами.

Первое желание — спрятать лицо в воротнике пальто, забежать в здание, скрыться от любопытных глаз, которых становилось всё больше.

Вновь заморосил дождик, влажным покрывалом оседая на тротуары, дома, крыши и случайных прохожих.

Я раздраженно стряхнула крохотные капельки с рукава и вновь взглянула на мужчин.

— Скоро буду, — донесся до меня голос Валкорта. — И не смей без меня ввязываться во что-то.

— Постараюсь. И спасибо, — произнёс Дерек и повернулся ко мне. — Ты готова?

— Да, — кивнула в ответ и напряглась.

В толпе прохожих мелькнуло знакомое лицо. Неужели Мергери? Что она здесь делает? Я застыла, пытаясь взглянуть в толпу, но присматриваться времени не было.

— Пошли. Нам пора.

А еще через пять минут мы были в Мару, совсем недалеко от Академии искрящих. Там, где когда-то изменилась наша жизнь.

Пять месяцев прошло, а ощущение, что я была тут только вчера. Всё та же окруженная низкими домами из желтого кирпича круглая площадь, украшенная разноцветными флажками, которые трепались на ветру. Прогуливающиеся жители и студенты, спешащие отдохнуть в выходной день. Всё та же монументальная статуя Великих посреди площади.

Здесь осень только вступила в свои законные права. Деревья и кустарники были одеты в разноцветные наряды от желтого до багряного, солнце еще ярко светило, хотя не грело и небо было синее-синее.

Вдохнув полной грудью, я быстро осмотрелась, освежая воспоминания. Вон там стояла палатка, где продавались самые вкусные пирожки с черемшой и яйцом. А чуть дальше небольшое кафе господина Пака, где подавали самый вкусный и горячий сбитень в округе. Я помнила, как мы с Айолой зимой брали себе по стаканчику горячего сбитня, садились на одну из скамеек и согревались вкуснейшим густым напитком из меда и лекарственных трав, которые настаивались специальным способом. Мы беззаботно смеялись и шутили, наслаждаясь долгожданным выходным. Чудесное было время.

И как мне сейчас не хватало подруги. Надо будет обязательно написать ей и всё рассказать. В мире не так много людей, которым я по-настоящему доверяла и Айола была одной из них.

Мысли об обаятельной северянке породили новые. Я вспомнила про корзинку, которую для меня собрал Франк. Ведь точно знала, что она была рядом со мной в карете, а потом всё так завертелось и закружилось.

— Здесь придётся подождать. Очередь длинная, — сообщил Архольд, подходя ближе и становясь за спиной. — Надо же здесь всё, как и прежде.

— И будет всегда.

— Столько лет прошло, — проговорил мужчина медленно. — Столько воспоминаний. Нам должны были снять комнату в гостинице. Тут недалеко. Там можно будет отдохнуть и победать.

— Да, конечно, — растеряно отозвалась я, продолжая осматриваться.

— Что-то не так?

— Со мной была корзинка. Небольшая такая, плетёная. Ты не знаешь, где она?

— Корзинка?

— Да. Там мне... нам собрали еду в дорогу.

— Еду? — недоумённо переспросил Дерек.

— Да, подарок от слуг.

— Даже так, — медленно повторил Корвил, поизучал меня секунд десять, а потом повернулся к одному из лакеев, которые занимались нашим багажом. — Герцогиня потеряла корзинку. Не знаешь, где она?

— Сейчас принесу, — мужчина кивнул и исчез куда-то, чтобы буквально через минуту вновь появиться с необходимой вещью в руках. — Миледи.

— Благодарю, — улыбнулась я, чувствуя неловкость от того, что не знаю его имени.

И уже протянула руку, чтобы взять лукошко, но Корвил меня опередил.

— Я понесу, — спокойно произнёс он.

— Хорошо.

Архольд не солгал, и гостиница действительно находилась совсем недалеко от главной площади, сразу за углом. Хозяин, невысокий седовласый мужчина с пышными бакенбардами, уже ждал нас. Он долго кланялся, сыпал комплименты и рассказывал какая честь для него принимать в своём скромном доме молодую герцогскую чету. Дерек его почти не слышал, я видела, как мужу было тяжело.

— Мы хотели бы пройти в свою комнату, — произнесла я, бросая тревожные взгляды на мужа. — И принесите туда обед.

— Будет исполнено, миледи, — вновь поклонился хозяин.

Только поднимаясь по лестнице, я осознала, до какой степени голодна. Сейчас, когда напряжение спало и беспокойство за исход дуэли сошло на нет, организм требовал компенсацию за нервное истощение и раздражённо бурчал. Слишком громко для леди.

Комнатка была самой обычной: белёные стены, низкие потолки, широкая кровать, узкий чадающий камин, деревянный стол и пара кособоких стульев. Муж поставил корзинку на стол и пошёл к окну. Двигался он тяжело и медленно, то и дело касаясь рукой бока.

Я уже хотела спросить его о самочувствии, но покачала головой и повернулась к корзинке. Перед этим сняла пальто, бросив его на кровать. Здесь было тепло и в жакете мне точно не замерзнуть.

— Франк печёт потрясающие пирожки, — сообщила я, чувствуя его удивлённый взгляд.

— Собираешься портить себе выпечкой аппетит перед едой?

Дерек подошёл ближе и сел на один из стульев, который жалобно заскрипел под его весом, но устоял. Всего мгновение, но я успела разглядеть, как гримаса боли исказила его лицо и снова промолчала. Мне уже дали понять, что в жалости не нуждаются.

— А мы по одному, — улыбнулась я, старательно делая вид, что ничего обычного не

происходит.

Всего лишь маска, тщательно скрывающая истинные эмоции и страхи.

Развернув полотенца, я аккуратно достала коробочку, в которой лежала еще горячая выпечка. Аромат был невероятный и у меня вновь заурчал желудок.

— Есть с яблоком и изюмом, еще капустой и яйцом и сладкие плюшки. Ты что будешь? — деловито уточнила у него.

— Какой дашь, — тихо ответил Архольд, но я чувствовала, что он наблюдает за мной и невольно краснела под пристальным взглядом.

Великие, я совсем не знала, как быть женой. Нет, не так, я совсем не знала, как быть женой Корвила, ведь наши отношения были далеки от нормальных.

— Держи, это с яблоком, — я откусила свой пирожок, едва не мурча от удовольствия, и протянула ему второй.

Дерек приподнялся, полы его камзола разошлись, открывая взору белую рубашку, набухшую справа от крови.

Пирожок муж так и не получил.

— Великие! — прошептала я, и мужчина сразу же запахнул полы камзола, пытаюсь сделать вид, что ничего не было. — Ты ранен!

— Царапина.

— Истекаешь кровью.

— Преувеличиваешь.

— Преуменьшаю. Немедленно ложись на кровать и раздевайся. Ой, то есть раздевайся и ложись на кровать.

— Это приглашение, Сэм? — спросил Корвил, но послушно поднялся, покачнувшись, но тут же выпрямившись.

Я сделала вид, что ничего не слышала.

— Хочу осмотреть твою рану.

— Добить решила?

— Не смешно, — я помогла снять мужу камзол и повела к кровати, придерживая за руку. — Ложись. И не переживай, у меня высший балл по целительству.

— Я должен поверить тебе на... — резкий свистящий вдох сквозь стиснутые зубы и сдавленное окончание, — слово.

— К сожалению, диплома при себе нет, — отозвалась я, не отрывая взгляда от красного пятна, которое становилось всё больше.

Как-то странно это. Почему рана дала о себе знать только сейчас? Ведь всё было относительно нормально. Конечно, усталость сыграла свою роль, но у меня было ощущение, что не только в этом дело.

— В обморок падать будешь? — поняв, куда именно я смотрю, спросил Дерек.

— Что? — я покачала головой. — Не буду. Мне нужно расстегнуть пуговицы.

— Ты спрашиваешь разрешения?

— Сообщаю, что собираюсь сделать.

Говорила, а сама осматривала супруга, примечая всё новые детали, которые не замечала раньше. Глаза ярко горели и то, что я по глупости и самоуверенности приняла за

соблазнительный блеск, на деле оказалось началом лихорадки. И кожа приобрела землистый оттенок, от чего все раны и ссадины особо ярко выделялись на осунувшемся лице, черты которого заострились. А еще меня тревожили крохотные капельки пота на лбу и над губой.

Жакет мешался. И я, недолго думая, быстро сняла его и бросила рядом с пальто, оставаясь в тоненькой блузке с пышным жабо и рукавами фонариками.

— Всё интереснее и интереснее, — пробормотал муж, продолжая за мной наблюдать.

Методично закатала рукава, после чего принялась расстёгивать его рубашку. Пуговичка за пуговичкой. Я старалась действовать как можно осторожнее, но как ни старалась, он всё равно периодически вздрагивал и что-то бормотал сквозь зубы или просто шипел и ругался.

Когда с пуговицами было покончено, я коснулась ладонью его лба, пытаюсь определить температуру.

— М-м-м, — простонал Архольд, блаженно закрывая глаза. — У тебя такие прохладные руки.

— Нет, это просто у тебя жар, — мрачно констатировала я и распахнула рубаху, разглядывая небрежную повязку на теле мужа. — Как можно быть таким безответственным? Почему не показался лекарю?

Ответить Корвил не успел. Раздался деликатный стук в дверь, которая почти сразу открылась и на пороге появилась уже знакомая служанка с подносом, полным еды. Увидев нас, она громко охнула и попятилась назад.

— Стой! — выкрикнула я, поднимаясь. — Подожди! Ты-то мне и нужна.

— Я? — еще сильнее покраснела девушка, а глазки быстро забегали туда-сюда.

— Мне нужна тёплая вода и бинты. Прямо сейчас. Мой муж ранен и ему требуется перевязка.

— Да, миледи. Я сейчас, миледи.

Служанка прошла в комнату, поставила поднос на стол и быстро убежала выполнять мой приказ, не забыв бросить в сторону герцога любопытный взгляд.

— Мне нравится, когда ты меня так называешь, — не открывая глаз, произнёс Дерек.

— Как? — я вновь села рядом и попыталась осторожно развязать узелок на повязке. Пальцы моментально окрасились кровью, а узел так и не поддался.

— Мужем.

— Всего лишь на год, — напомнила ему и повернулась в поисках чего-нибудь острого. — У тебя нет ножа?

— В голенище сапога... Не этого, а правого.

— Так бы сразу и сказал, — проворчала я. Но сделала это лишь для того, чтобы скрыть тревогу, которая с каждым моментом всё нарастала. — Лучше бы, конечно, ножницы, но и нож сойдет, — я вздохнула, примеряясь и раздумывая, как безопаснее разрезать бинты. — Всё-таки безответственно было подписываться на подобную авантюру. И как Валкорт такое допустил? Мне он показался здравомыслящим человеком.

— Я могу быть очень упёртым.

— Знаю. Ты говорил, что это врождённое свойство всех Корвиллов. И к чему была такая спешка?

— Хотел убедиться, что ты снова не сбежишь от меня, — неожиданно хрипло произнёс Архольд.

Я оторвалась от бинтов и посмотрела на мужчину, вновь попадая в плен его глаз.

— Глупости, — тихо ответила ему, чувствуя, как болезненно тоска щемит в груди. — Я ведь связана словом и обещанием.

— Да. Ты связана словом, — произнёс он медленно и снова закрыл глаза. — Не паникуй, Сэм, — в голосе вновь проскользнули знакомые насмешливые нотки. — Всё будет отлично. Мне просто надо отдохнуть. Ты же знаешь, я везучий.

Если бы всё было так просто.

Глава Восьмая. Излечение

Архольд

Всё-таки Сэм оказалась права. У него был жар. Иначе как объяснить сухость во рту, озноб в теле и ощущение того, что его медленно жарят на огне.

Но как такое могло получиться? Обычная дуэль, каких было много в его жизни и сколько еще будет, слабый противник. Всё предсказуемо. Кроме разве что обязательства по спасению виконта от самого виконта. И откуда тогда такие последствия? Ведь и рана была пустяковая, почти не кровоточила. Даже Лис согласился и помог по-быстрому перемотать рану, хотя и предлагал обратиться к лекарю. За что и был послан как можно дальше.

Разве он слабак с царапинками бегать по целителям? Пусть они лучше Санроу занимаются, возле неподвижного тела которого рыдала и посылала проклятия в адрес герцога его матушка. Ругательства были столь изощрённые, что даже Валкорт удивлённо присвистнул, а секунданты виконта смущенно мялись в сторонке. А с виду такая хрупкая и утончённая леди.

От посторонних мыслей заболела голова и заломило в висках. Архольд глубоко вздохнул, насколько это было возможно в его состоянии, и усмехнулся, приподняв уголки губ.

Сэм.

От неё всегда вкусно пахло, как-то по-особенному свежо и сладко одновременно. Дерек еще не забыл, как зарывался лицом в самые мягкие волосы на свете и наслаждался этим пьянящим ароматом, присущим только ей. А еще у Сэм была самая нежная кожа. Её хотелось трогать, прикасаться.

Он и сам не знал, с чего вдруг появились такие мысли, потаённые, запретные, дразнящие. Наверное, во всём виновата слабость, накопившая так внезапно и выбивающая из сил. Герцог не привык быть беспомощным, но в её руках это почему-то было приятно.

А перед глазами возникла плавная линия шеи, на которой у самого основания ритмично билась жилка. К ней тоже хотелось прижаться губами, провести языком, чувствуя, как убыстрятся пульс и прерывается дыхание. Она всегда была страстной, его Сэм. Попробовать на вкус бархатистую кожу

— наслаждение.

Так много хотелось, но метка на запястье предупреждающе кольнула, напоминая о клятве.

Это каким дураком надо быть, чтобы самому лично согласиться на такие муки. Видеть её каждый день, зваться мужем и не сметь коснуться.

— Будет немного больно.

Голос Сэм был тих и полон сочувствия. Другая на её бы месте постаралась причинить как можно больше страданий и уж точно не стала бы действовать так аккуратно. В этом вся Сэм, сводящая с ума и вызывающая желание либо прибить, либо поцеловать и никуда не отпускать. Хорошо, что девушка еще не знает, какие мысли сейчас бродят в его голове.

Рана на боку вспыхнула огнём, когда жена (какое прекрасное слово!) убрала последний слой бинтов, которые прилипли к царапине и с трудом отдирались.

Кажется, он всё-таки не выдержал и тихо охнул, потому что Сэм вдруг что-то утешительно зашептала и нежно провела узкой ладошкой по лицу, стирая капельки пота.

— Дерек, ты чувствуешь боль в ране?

Что за странный вопрос. Конечно, он чувствовал. Но ему нравилось, как Сэм

произносила его имя, мурлыкаяще растягивая гласные.

Интересно звук колокольчиков у него в голове или где-то в комнате?

Вот только галлюцинаций ему не хватало.

Но при всём при этом, Корвилу определённо нравилось быть её мужем.

— Дерек, онемение есть? Холод? Ты чувствуешь мои прикосновения?

О да, он чувствовал. Еще как чувствовал. Мягкие, осторожные, возбуждающие. Разве можно сторгать одновременно от жара и желания? Оказывается, можно. Еще как.

Ему пришлось немного поменять положение. Хорошо, что Сэм была так занята его состоянием, что не замечала потребностей организма.

— Это радует. Где же служанка? Мне нужна вода и как можно скорее. Великие, как же такое могло произойти?

В голосе девушки слышалось отчаянье и Дереку это не нравилось. Он попробовал открыть глаза, но свет показался слишком ярким и ослепляющим.

— Бездна...

— Свет слепит? Лежи и даже не думай вставать. Я сейчас приду.

А вот это совсем нехорошо.

Корвил поймал её за руку и тихо прошептал:

— Не уходи, Сэм. Не сбегай от меня.

— Я никуда не денусь, — тонкие пальчики снова коснулись лба, убрали влажную прядь. — Но тебе нужна помощь.

— Это всего лишь царапина.

— Царапина, — вздохнув, признала она, не став спорить. — И ты бы даже её не заметил, если бы не действие карца. Я удивляюсь, как ты вообще так долго проходил.

Карцы? Да, он помнил эти растения. Их выращивали в оранжерее мадам Крафт. Тонкий стебелёк был длинным, листочки ярко-зелёными с бордовыми прожилками и темно-фиолетовой окантовкой, а также крохотные цветы лимонного цвета.

Красивое растение, но опасное. Сок Карцев использовали для разжижения крови, а отвар из цветков мог унять головную или мышечную боль. В умеренной дозировке и уж точно не стоит его наносить на рану.

— Надо же, — усмехнулся Дерек одними губами. — Как меня провели.

Он никогда бы не подумал, что виконт способен на такое. Смазать оружие соком смертельно опасного растения. А с виду такой спокойный мужчина, настоящий лорд. Интересно, что Сэм думает по этому поводу?

Интуиция шептала, что виконт, скорее всего, тут не причём. В Ванагории было достаточно людей, которые желали ему смерти. И не только в Ванагории. А Санроу лишь подвернулся под руку.

— Не разговаривай, береги силы. Концентрация слабая, и если бы ты сразу обратился к лекарю, то всё могло бы быть иначе. Любой целитель сразу понял в чём проблема и нейтрализовал действие сока. Слава Великим, угрозы жизни нет, но из строя тебя выведет. О, наконец-то!

Неясный шум, тихий разговор и едва слышный плеск воды.

— Мне надо промыть рану и остановить кровотечение. Без искры не обойдёшься. Придётся потерпеть.

— Действуй.

Хотелось спать. Он так устал.

— Сэм?

— Что? — её голос звучал рассеянно, девушка уже сосредоточилась на лечении.

— А ты когда-нибудь жалела?

— О чём?

— О том, что пришла тогда в столовую.

Молчание и стук собственного сердца, которое билось слишком быстро и тревожно. Он бы никогда не задал этот вопрос, но сейчас можно.

— Нет, — наконец, тихо ответила жена. — Об этом не жалела.

— Почему? — губы пересохли и страшно хотелось пить, но пока нельзя.

— Потому что очень любопытна. Если бы я не пошла тогда, то всю оставшуюся жизнь провела в мучениях, гадая, кто же этот незнакомец с бала Великой. Так что не обольщайся, всё дело в женском любопытстве.

Вот это точно его Селина. Девушка, которая могла постоять за себя, дерзко ответить и съязвить. Горячий вулкан страстей, который скрывался за холодной маской аристократки.

Он так скучал по ней.

— Даже и не думал. Не жалею меня, Сэм. Ты же знаешь, что карц надо вывести из раны, пока я не истёк кровью. Действуй. А я выдержу.

— Хорошо. Если будет больно, кричи.

— И не мечтай, — просипел он и дёрнулся, когда она осторожно провела мокрым лоскутом по ране. — Бездна!

— Прости.

— Ничего. Продолжай.

И стиснул зубы.

Надо отвлечься, надо думать о чём-нибудь другом.

Например, о том самом дне, когда они встретились в академической столовой и поняли, какую шутку с ними сыграла Богиня Мать.

Он вернулся в общежитие на рассвете, когда солнце, окруженное туманной дымкой лениво освещало слепящими лучами спящий студенческий городок. Вошел в комнату, хлопнул дверью и прошагал невозмутимо к своей кровати.

— Бездна, Корвил, — простонал Винс Ларуш, накрываясь подушкой и оттуда невнятно поинтересовался. — Какого ты здесь делаешь? Ты же умотал к матери.

В комнате было душно, затхло и сильно пахло перегаром.

— Соскучился.

Поставив чемодан на пол, Дерек подошёл к окну и распахнул створки, впуская в комнату свежий весенний воздух.

— Иди в Бездну, — поддержал друга рыжеволосый Кайл, которому было лень даже повернуться.

Парень лежал на животе, свесив руку. Пальцы почти касались пустой бутылки, которая

валялась на полу рядом с дюжиной других таких же.

— Обойдётся. Подъём, ребята.

— Отвали, у нас каникулы, — всё так же глухо отозвался худощавый Ларуш, отказываясь выбираться.

— А я принёс выпивку, — доставая из сумки пару бутылку, произнёс Корвил. — Но если вы отказываетесь...

— Дай сюда!

Парни моментально вскочили, забыв об усталости, и бросились к нему.

— Ты настоящий друг, — простонал Кайл Пирс, осушив за раз полбутылки и счастливо вздохнул, жмурясь от удовольствия. — Так что ты тут забыл?

— Ага, ведь неделю твердил, как хочешь поскорее отсюда выбраться. Как тебе надоела Академия и наши рожи.

— Передумал, — уклончиво ответил тот, заваливаясь на кровать, вытягиваясь и убирая руки за голову.

— Ты вчера на Балу был? — спросил Винс, оседлав стул.

— Точно, — вскрикнул Пирс и быстро затараторил. Парень уже вернулся на кровать и сидел, поджав ноги. — Там вчера такое было.

— Мы глазам своим не поверили.

— Две души встретились. Ты представляешь?

— И что? — спокойно и даже лениво поинтересовался Дерек, а сердце ёкнуло.

— Да ничего, — разочарованно протянул рыжеволосый парень и рыгнул. — Убежала девчонка.

— А парень за ней. Наверняка уединились где-нибудь в кустах. Я бы точно воспользовался случаем, — Ларуш противно загоготал. — И девчонка вроде ничего, фигуристая.

— Блондиночка.

— Это наверняка был морок, — раздраженно произнёс Корвил, слушать глумливые шутки, видеть похотливые улыбки на лицах друзей было противно.

А ведь раньше он и сам принимал участие в подобных мероприятиях. Иногда даже и зачинщиком был.

— Тогда парню не повезло, — снова хохотнул Винс, ставя пустую бутылку на пол. — Вы прикиньте, поймел красотку в кустах, а на утро получил чудовище.

— Заткнулся бы ты, — процедил Дерек, садясь и свешивая ноги на пол.

— А ты чего такой злой? — удивился Кайл, потирая плечо. — Явился на рассвете и рычишь. Неужели вдовушка вчера ласками не одарила?

— Скорей всего. Вдовушки они с претензиями.

— Отвалите, парни. Я пошёл в душ.

Время до обеда двигалось со скоростью черепахи, невероятно медленно. Дерек уже не знал, чем себя занять. Молодой человек пытался читать, потом бесцельно бродил по комнате туда-сюда, невпопад отвечал на шутки парней, которые уже отчаялись поднять другу настроение, снова читал и всё смотрел на часы.

— Пора обедать! — торжественно провозгласил Дерек, как только часы показали

половину двенадцатого.

— Так рано еще, — заметил Ларуш.

— Есть хочу.

Друзья переглянулись. Кайл взъерошил рыжие пакли и пожал плечами.

— Ну раз хочешь, то давай. Куда пойдём? В трактирчик Элинза? У них такие рёбрышки, м-м-м.

— В столовую, — поправляя рубашку, ответил Корвил.

— В столовку? Друг, ты чего? У нас каникулы, что мы там забыли? — разочарованно протянул Винс.

— Вас никто не заставляет. Как хотите, а я пошёл.

— Да подожди ты. Чего сразу злишься-то? — миролюбиво вставил Пирс. — Хочешь в столовую, пошли в столовую. Ты сегодня какой-то странный, нервный. Случилось чего?

— Ты скажи, мы поможем. Мы же друзья.

— Всё хорошо. Пошли уже.

Новым шоком для друзей стал неожиданный поход в академический парк, где Корвил недолго думая подошёл к огромному кусту жасмина, сорвал себе веточку и прицепил к пиджаку.

— Э-э-э, Дерек, — протянул Винс, прокашлявшись кулак. — А ты себя хорошо чувствуешь?

— Голова не болит?

— Нет, всё отлично. Пошли.

Парни снова переглянулись, синхронно пожали плечами и направились следом за другом, решив, что во избежание неприятностей лучше находиться с ним рядом.

В пустой столовой Дерек быстро подошёл к столику раздач, проигнорировал удивлённые взгляды работников общепита, набрал себе поднос снеди и сел за центральный столик.

Ребята подтянулись следом.

Корвил, скрестив руки на груди, пристально смотрел на дверь, внимательно осматривая каждую из входящих девушек.

— Ты же вроде есть хотел, — заметил Ларуш, ковыряя ложкой запеканку.

— Хотел, — не отвлекаясь от двери, ответил Корвил. — Но передумал.

— Зачем тогда набрал столько?

— Я так понимаю, внятного ответа мы не получим, — пробормотал Кайл и отправил в рот кусок мяса с овощами.

Тик-так, тик-так, тик-так.

Время шло, девушки заходили и выходили, к их столику подходили студенты. Здоровались, что-то спрашивали, и он невпопад отвечал, в любой момент ожидая что вот сейчас ОНА войдёт и Дерек сразу её узнает. Сердце отзовется, дрогнет и забьётся быстро-быстро, напоминая о том коротком мгновении под ветками ракиты.

Но ничего.

Уже почти час дня.

«Неужели не придёт? Испугалась?»

Корвил нахмурился, пытаясь понять, как же быть дальше и что делать. Ведь всё равно найдёт, чего бы это ни стоило.

— Дерек, может пойдём? Чего мы тут сидим? — поинтересовался Пирс.

— Вперёд, я никого не держу.

В столовую, окруженная подругами, улыбаясь, вошла Торнтон. Девушка быстро осмотрела зал, встретилась с ним взглядом и тут же отвернулась, улыбка сползла с хорошенького личика, и она быстро направилась к столу раздач. Корвил раздраженно повёл плечом. Как всегда при виде Селины проснулось непонятное раздражение и азарт.

Она-то что тут делает? Месяц всем и каждому рассказывала, что собирается провести эти каникулы, развлекаясь на балах в Ванагории. Даже он слышал. А тут вдруг осталась?

Бросив еще один взгляд в сторону гордой аристократки, Дерек вновь обратил всё внимание в сторону двери. Сегодня он не был настроен на войну.

«Где же ты? Ну где же ты?»

— Смотри, кто тут? — тихо зашептал Кайл. — Аристократочка. А говорила, что уедет.

— Нас это не касается, — бросил Корвил.

— Раньше ты считал иначе, — заметил Винс. — Жаль, я бы с ней оторвался.

— Сюда смотрит... Какого?

Грохот и испуганный вскрик был подобен взрыву. Все в столовой разом замолчали и повернулись к источнику шума.

— Селина! — северянка застыла недалеко от них, растеряно смотря вслед подруге, которая стремглав выбежала прочь из столовой.

Её поднос с едой лежал на полу. Именно он упал, создав столько шума.

— Чего это она? — удивился Ларуш. — Руки что ли не держат?

— Не знаю. Посмотрела на Дерек, потом вдруг побелела, покачнулась, поднос уронила и убежала, — ответил Кайл. — Ненормальная какая-то.

Корвил рассеяно кивнул и тут же напрягся, выпрямившись и застыв на месте.

«Смотрела на него... на него смотрела... на жасмин. Великие, не может этого быть!»

Молодой человек медленно встал со стула.

— Ты куда? — хором спросили парни.

— Сейчас, — растеряно ответил он, всё ещё отказываясь верить и признавать правду.

Шаг, еще один, пока не увидел поднос, разбитую посуду и одинокую веточку жасмина, которая лежала сверху, окончательно убеждая его в правдивости своих выводов.

— Бездна, — обреченно простонал Корвил, сжал кулаки, судорожно вздохнул и бросился следом.

Вот так у них и повелось с самого начала — она сбегает, пытаясь скрыться, а он догоняет и ловит.

И четыре года назад, будь такая возможность, Дерек снова бы бросился на поиски Селины. Молодой человек хотел найти её, взглянуть в глаза и спросить: почему?

Помешал неожиданный арест, заключение под стражу и маячивший на горизонте приговор по обвинению в шпионаже.

Корвила спас дед. Именно старый Архольд смог вытащить непутёвого внука из тюрьмы, задействовав все свои связи и заплатив крупную сумму денег. Точный размер молодой

человек не знал и мог лишь догадываться. Но разве может быть что-то дороже слёз мамы, которые она пролила, волнуясь за сына.

Даже после длительного заключения Дерек хотел найти Селину, отказываясь верить, что девушка предала его. Корвила бы даже запрет Торнтон не остановил и вся охрана, вставшая на пути к ней.

Он хотел найти её, до того самого момента как дед не вручил внуку копию допроса, знакомый слепок ауры и подпись на бланке. Именно по наговору Селины его посадили в тюрьму, обрекая на длительное заточение и даже маячившую на горизонте смертную казнь.

Это сейчас Корвил понимал, что не стоило верить наговорам и даже собственным глазам. Не могла Сэм так поступить. Она всегда действовала открыто, предпочитая честный бой.

Но тогда обида и гнев сыграли свою роль. Дерек многое мог простить, но не предательства, как и Селина.

Их брак был признан недействительным, и следовало начать жить дальше. Корвил и пытался. Только мысли нет-нет да возвращались к голубоглазой брюнетке, которую он не переставал любить все эти годы.

Жар проходил, разум постепенно прояснялся и Дерек даже смог открыть глаза, не боясь ослепнуть от боли.

— Странно, — недоуменно произнесла Селина, ополоснув руки в тазу, вода в котором окрасилась в розовый цвет. — Концентрация такая слабая. Зачем всё это было устраивать? Бессмысленно как-то. Убить тебя это не могло. Непонятно.

— Дай воды, — просипел герцог едва слышно и закашлялся.

Боли почти не было. И царапина так и осталась царапиной.

— Конечно, — тут же засуетилась девушка.

Сэм поднесла к губам стакан и помогла сделать пару глотков.

— Больше пока нельзя, — виновато произнесла она. — Надо подождать минут пять — десять.

— Мне уже лучше, — откидываясь на подушки, произнёс Архольд. — А по поводу того, что смысла устраивать это было никакого, было. Ведь рана могла оказаться намного глубже и опаснее и тогда...

— Тогда ты бы обратился к лекарю.

— Не обратился бы. Не люблю целителей. И никогда этого не скрывал. Мне просто повезло, что виконт оказался не так ловок, и всё обошлось простой царапиной.

Не стоило вспоминать Санроу, девушка сразу напряглась и закрылась.

— В любом случае, надо сообщить слугам, что наш переход переносится. Ты еще слишком слаб.

— Это не мои слуги, а Валкорта, — ответил тот и поморщился, пытаясь сесть. — И мы перенесёмся, как планировали.

— Тебе надо отлежаться, — сурово произнесла Селина, подошла ближе и вновь уложила мужчину в постель. — Ты потерял много крови. Я вывела карц из раны, слава Великим, она действительно неглубокая, но это не значит, что надо снова бросаться в бой, рискуя собственным здоровьем.

— Ты же знаешь, как я не люблю сидеть на месте, — произнёс Дерек и накрыл ладонью её руку, которая всё ещё лежала на его плече. — Спасибо, что не бросила и помогла.

Розовые пятна выступили на щеках, и она отвела взгляд, мягко, но уверенно выбираясь

из его захвата.

Помогать раненым моя обязанность. И если ты еще раз расскажешь о предполагаемом вдовстве, то я очень сильно обижусь, — Селина отступила, на ходу поправляя рукава, расправляя складки пышного воротника, убрала пряди за ушко. — Я никогда не желала тебе смерти.

— Всегда действуешь по совести, Сэм?

— Стараюсь.

Спокойный ответ, чистый и уверенный взгляд и боль от осознания собственной ошибки, которая отняла у них четыре года.

«Это не она! Не она! Повёлся как мальчишка. Сглупил! Поверил наговорам. Отказался от счастья, идя на поводу у гордости».

— Всё-таки я думаю, что переход надо отодвинуть. А еще тебе надо поесть минут через десять. Этого времени должно хватить на то, чтобы организм пришёл в себя и пища усвоилась.

— Селина, — перебил Корвил жену, внимательно наблюдая за ней.

Девушка стояла у стола, раскладывала еду по тарелкам и удивлённо обернулась, услышав такое обращение.

— Ночью ты сказала, что всегда верила своим глазам, а не наговорам другим. Что ты имела в виду?

Ложка звякнула о тарелку, выпав из ослабевших пальцев. Девушка побелела, застыла, а в голубых глазах промелькнула такая боль, что он тяжело сглотнул.

— Это уже не имеет значения, — ответила она спокойно и слишком холодно, чтобы быть просто равнодушием.

— Селина, послушай, — Архольд вновь сел.

— Нет! — неожиданно резко вскрикнула девушка, всем телом поворачиваясь к нему и сжимая кулаки.

— Не хочу! Мне всё равно, что ты скажешь, какие слова будешь подбирать. Это уже не важно. Всё в прошлом. Через год наш брак будет признан недействительным, пути разойдутся и каждый пойдёт своей дорогой. Меня ждёт Эйдан, а тебя невеста.

«Не скажет. Начнёшь настаивать, то совсем закроется, а этого допускать совсем нельзя. Они только начали доверять друг другу».

— Хорошо, — примирительно произнёс Архольд. — Я понял, больше никаких вопросов и разговоров о прошлом. Может, тогда поговорим о будущем?

— Будущем? — настороженно переспросила она, но заметно расслабилась, ушло напряжение с плеч.

— О нашем браке знают не только в Ванагории, но и Сангория. Для всех ты герцогиня.

— Я уже поняла, — Селина взяла нож и принялась нарезать еще тёплую краюху хлеба.

— У нас тоже есть традиции, Сэм. Не столь пафосные и жесткие как у вас, но есть, и нам придётся им следовать. Через неделю в замке состоится празднование нашей свадьбы. Герцог Марлоу тоже будет присутствовать, как и пять сотен гостей.

— И как удастся организовать всё это за неделю? Это невозможно.

— Подготовка идёт уже пару недель, — признался он, любуясь ровной спиной, гордым разворотом плеч и мягкими завитками, которые выбились из причёски.

Девушка обернулась и недовольно на него взглянула.

— Как всегда самоуверен. Неужели не сомневался в том, что я соглашусь на это?

— Я не сомневался, что смогу тебя уговорить. В любом случае, бал всё равно состоится, и ты будешь играть роль счастливой новобрачной.

— Хорошо.

— Справишься?

— Я выросла в этом мире. И мне не привыкать к сплетням, шепоткам за спиной и лживым улыбкам. — Тогда нам нечего опасаться.

Дерек осторожно встал с кровати, прислушиваясь к собственным ощущениям. Слабость никуда не делась, немного кружилась голова, но в остальном всё было нормально.

— Думаю, я уже могу поесть.

— Только не спеши.

Обед прошёл в тишине.

Корвил то и дело бросал взгляды на молодую жену и видел, как она о чём-то думает, словно собирает мысли и хочет что-то спросить. Торопить Дерек её не стал.

— Ты говорил, что никогда не простишь семью своего отца за то, что они бросили вас. И никогда не будешь иметь с ними дел, — произнесла Сэм, когда с обедом было покончено и они допивали ароматный кисель со сладкими плюшками, что для неё приготовили в дорогу слуги.

— Говорил.

— Но сейчас ты Архольд. Глава огромной семьи.

— Дед меня выручил и пришлось поменять планы. Признаюсь, предложение старого интригана было для меня полной неожиданностью. Он не вспоминал обо мне до того самого дня, когда вдруг неожиданно не проснулась искра. Дед ведь тоже был искрящим. И единственный из всех его потомков, сын какой-то безродной девки, вдруг удостоился такой чести и был избран Великими. С этого дня всё изменилось.

— Его мотивы понятны. Но почему ты согласился?

— А вариант, что польстился на титул и деньги тебя не устраивает? Все уверены, что именно это двигало мной.

— Нет, — тихо ответила Селина.

Корвил некоторое время задумчиво барабанил пальцами по столу, а потом честно ответил:

— Из-за матери. Она заслуживала счастья и любви, почета и уважения, которого так и не получила, став леди Корвил. Отец был слишком слаб и не смог отстоять право на счастье, повёлся на мнение общества. Незадолго до гибели он даже обратился в храм с просьбой о расторжении брака.

— Мне жаль.

— Всё нормально. Еще была и есть Одетт. Она же выросла совершенно неуправляемой. Если для мальчишки взросление среди узких улочек нормально, то ей нужны уроки по изящным манерам, вышивание по вечерам, музицирование и танцы. Мама еще пыталась научить её придворному этикету, но Одетт слишком упряма и своевольна. А сейчас у неё просто нет выбора и надо держать лицо.

— Быть сестрой герцога непросто.

— Быть её братом непросто, — усмехнувшись, ответил Дерек. — Два месяца назад она собиралась сбежать, притвориться парнем и устроиться юнгой на торговый корабль. Слава Великим, её сдала Сильвия, а то еще неизвестно, чем бы это всё закончилось.

Сильвия — это моя племянница, дочь старшего брата по отцу. Сегодня ты с ними познакомишься.

— С ними?

— О да, — улыбка стала еще шире, а глаза опасно блеснули. — Мама, сестра и те двенадцать наследников, которых я обошёл, став новым герцогом Архольдом. Они все жаждут, наконец, увидеть мою жену и познакомиться с ней. Именно поэтому мы не можем задерживаться здесь, хотя мне бы очень этого хотелось. Так что готовься, Сэм, начинается самое весёлое.

Глава Девятая. Герцогиня

В Изгаре, столице Сангориа, царила самая настоящая зима. Вековой город располагался на берегу живописного озера, которое зимой служило большим катком для всех от мала до велика. Дома были выложены из красного кирпича, глина для которого добывалась лишь в Сангориа. Именно благодаря этому яркому цвету казалось, что город живёт в вечном празднике. Даже сейчас, когда покатые крыши, улицы и дома были покрыты толстым слоем снега, это ощущение не проходило. Или возможно дело в общем настроении?

Несмотря на усилия слуг, которые до камней очищали мостовые, всюду были сугробы. На главной площади у самой статуи кто-то сделал большую горку, на ней румяная ребятня каталась на деревянных санках с резными полозьями под присмотром степенно прохаживающих туда-сюда родителей, кое-кто сидел на небольших скамейках и пил горячие напитки. Смех, радостные улыбки и ощущение настоящего праздника. А ведь до дня Зимнего солнцестояния было больше месяца. Неужели здесь всегда так? Теперь понятно, почему они считают нас снобами.

Мимо с радостным воплем пробежал мальчишка, который тянул за собой санки на верёвочке. На них сидела румяная девчушка и залиvisto хохотала, едва удерживаясь на крутых поворотах. Оба были в снегу, шапка мальчишки съехала на бок, открывая красное ухо.

Сколько счастья и беззаботного веселья.

А нам не разрешали играть с детьми простолюдинов. Лео вообще не позволяли играть, полностью сосредоточившись на его воспитании и обучении. Слава Великим, за мной не так рьяно следили, и удавалось под присмотром нянюшки вырываться на свежий воздух, поиграть с Керитом и другой дворовой ребятней.

Подняв голову, взглянула на безупречно чистое светло-голубое небо, вдыхая полной грудью морозный воздух. Вдалеке виднелись заснеженные вершины Анагорского хребта и главная, самая высокая гора Драконий зуб. Никогда не видела их так близко и признаюсь, они производили невероятное впечатление — огромные, монументальные и мощные.

Морозец защипал щеки, и я поправила опушку пальто, пряча лицо и привыкая к новому освещению (солнце здесь было очень ярким). Как странно, всего за сутки я сменила три времени года. Поздняя осень в Ванагории, ранняя осень в Академии и теперь настоящая зима в Сангориа.

— Нас ждёт карета, — произнёс Корвил, останавливаясь рядом.

Несмотря на все мои возражения, мужчина настоял на немедленном переносе. Герцог был еще слаб, бледен и часто останавливался для того, чтобы перевести дыхание и восстановить силы, делая вид, что всё нормально.

— Здесь... красиво, — пробормотала я.

И совсем по-другому.

Вроде бы, что может быть разного: две страны, которые граничили друг с другом и даже враждовали вот уже тридцать лет, те же Боги, те же люди, а всё равно иначе.

Не было этой замораживающей холодности, надменных взглядов и лживых улыбок. Классовое неравенство никуда не делось, но это не мешало жить и радоваться новому дню.

— Недельные гуляния в связи с подписанием мирного соглашения.

— Да? — я удивлённо обернулась, встречаясь с серьёзными чёрными глазами.

— Для нас этот мир многое значит. Мы умеем быть благодарными за то, что получаем.

Я снова перевела взгляд на площадь, не зная, что сказать в ответ. Слишком всё

отличалось от привычного мира.

— Пойдём, герцогиня. Карета ждёт нас на другой стороне площади, — не дожидаясь ответа, мужчина подхватил меня под руку и мягко, но настойчиво подтолкнул вперёд.

Первый шаг и я заскользила по снегу ботинками, едва не заваливаясь назад и хватаясь обеими руками за мужчину. Корвил дёрнулся, но устоял.

— Осторожнее, Сэм, — мягко улыбнулся он, видя моё замешательство. — Твоя обувь явно не для нашей местности.

— Здесь просто скользко, — попыталась оправдаться я и осмотрелась.

Карета действительно стояла на другом конце площади. И не совсем карета, скорее крытые сани с широкими полозьями, запряженные четвёркой белоснежных лошадей. На дверце гордо виднелся сине-золотой герб Архольдов, а рядом стоял слуга в ливрее. Это не наёмный экипаж, ожидающий нас у дома родителей.

Всю дорогу через площадь Дерек поддерживал меня за руку, хотя самому было не легче. Мы шли медленно, маневрируя между весёлой ребятней и прохожими, периодически останавливаясь или наоборот убыстряя шаг.

— До замка примерно три часа пути, — произнёс Архольд, когда мы ненадолго замерли, пропуская стайку бегущих малышей.

— Хорошо, — я зябко повела плечами.

— Замерзла? Тебе надо будет заказать другую одежду — сапоги, перчатки, шубу. В Сангориа морозы сильнее.

— У меня есть перчатки. Они в сундуке.

Но он меня не услышал, продолжая:

— Необходимо заказать платья, в том числе и бальное.

— За неделю его сшить не успеют, — возразила я.

— Успеют. За такие деньги они всё успеют.

— Лишь трата денег. У меня есть платья. Совершенно новые.

Те самые, которые шились для медового месяца с Эйданом.

— У тебя будут новые, — упрямо возразил супруг.

Я уже было открыла рот, чтобы с ним поспорить, как вдруг прямо перед нами оказалась невысокая девушка с лотком в руках.

— Купите вашей спутнице букетик, милорд, — улыбаясь, произнесла она.

Я опустила взгляд и застыла.

Никогда не видела такой красоты. Это действительно были букетики, только зимние. Алые розы, еловые веточки, шишки и коробочки мягкого белоснежного хлопка. Яркие гроздья рябины в окружении веточек можжевельника. Голубые анемоны, гиацинты, круглые шишковидные соцветия брунии и ярко зелёная туя. А еще кусочки мха, засушенные цветы герберы, хризантемы, лаванды и эдельвейса, кружево и ленты, органза и крупные бусины. Невероятные сочетания, яркие цветы с еловым ароматом и морозным воздухом.

Букетики были небольшими, разными по цвету и оформлению, но такие красивые, что я не могла отвести взгляда.

— Нравится? — неожиданно тихо спросил он.

— Никогда такого не встречала.

— Их принято дарить в Сангориа в день Зимнего солнцестояния, но сейчас особый случай. Выбирай.

Я растеряно прикусила губу.

— Они все такие красивые.

Выбирать пришлось Дереку. Не прошло и пары минут, как у меня в руках был небольшой букетик из веточек голубой ели и пихты, красных роз, хлопка, крупных алых ягодок и белой брунии.

— Счастья вам, миледи, — вручая мне это великолепие, произнесла девушка. — И пусть он радует вас как можно дольше. Но я в этом даже не сомневаюсь, вы такая чудесная пара.

— Что? — удивленно поинтересовалась я, но Корвил уже потащил меня к карете. — Что она имела в виду?

— Глупости. Существует примета, чем дольше стоит такой букет, не теряя своей красоты, тем сильнее чувства того, кто его подарил.

— Хм, тогда жаль, что он так быстро завянет, — пессимистично ответила ему. — Красивый.

Мужчина лишь рассмеялся, громко и заразительно.

— Очко в твою пользу, Сэм.

В карете было прохладно, но не холодно. Кирпичи были еще тёплыми, и я с удовольствием поставила на них ноги. Архольд забрался следом и устало откинулся на обитую синим бархатом спинку сидения.

Тяжело вздохнул и закрыл глаза.

— Ты в порядке? — на всякий случай уточнила у него.

— Всё хорошо. Сейчас наш багаж погрузят, и мы тронемся в путь.

— А слуги?

— Вернутся к Валкорту. Свою миссию они выполнили.

Я кивнула и вновь коснулась букета, мысли витали далеко. Совсем скоро состоится знакомство с родственниками Корвила. Как всё пройдёт и что будет? В одном я точно не сомневалась — сейчас мне предстояло надеть маску и играть. Улыбаться, даже если хочется плакать.

Отсчёт пошел.

Впереди нас ждал целый год лжи и притворства.

Да помогут нам Великие.

Усталость, перенапряжение и бессонная ночь дали о себе знать. Сильно хотелось спать. Первое время я еще пыталась бороться с накатывающей волнами сонливостью, смотрела в окошко, изучая новую для себя страну. Но хватило меня ненадолго.

Пейзаж, несмотря на всю его красоту, расплывался перед глазами.

— Устала? — вдруг тихо спросил Корвил, первым нарушив тишину.

— Немного.

— Можешь подремать. До замка три часа пути, может больше. Снега много выпало, могут быть заносы. Мы не планировали останавливаться на постоялом дворе, но если ты хочешь есть...

— Не хочу.

Я страшно устала от всего и как никогда стремилась оказаться в своей комнате, какой бы она ни была, лечь на мягкую перину и уснуть. Жаль, Конни больше нет со мной.

— Замерзла? Достать плед?

— Всё нормально, — я перебралась в угол, скрестила руки и закрыла глаза.

Несмотря на прохладу и качку, я незаметно для себя задремала, находясь в каком-то призрачном состоянии между сном и явью. Всё было как в тумане, звуки приглушены, а тело расслаблено. Уснуть крепче мешала неровная дорога и сугробы, на которых карету подбрасывало вверх и в стороны, и нас вместе с ней. Только я забывалась, как почти сразу болезненно билась головой об угол, который хоть и был обтянут мягкой тканью, всё равно мешал, и раздраженно шипела.

Снова и снова.

А потом всё вдруг изменилось. Положение стало более устойчивым, меня не бросало, а если и бросало, то не сильно. Стало теплее, по крайней мере, неприятный холодок больше не пробирался за шиворот, вызывая мурашки.

Пахло морозом, солнцем, хвоей и сладкой клюквой. Это, наверное, из-за букета, который мне подарил Корвил. Красивый букет. Необычный. А еще пахло чем-то знакомым и тревожным. Я не сразу поняла, что это кровь, и завозилась.

Кровь — это плохо. Это боль.

Уже не больно, — тихо ответил кто-то, тревожа завитки у ушка тёплым дыханием.

Щекотно.

— Прости.

Я счастливо вздохнула, отчего-то чувствуя себя в безопасности. Забытое чувство и такое родное.

— Я скучал по тебе, Сэм.

Селина. Почему ты так редко зовёшь меня настоящим именем? Разве оно плохое?

— Хорошее, красивое, — соглашается знакомый голос и еще крепче прижимает к себе. — Просто Селина ты для всех, а Сэм только для меня... Мне так хочется, чтобы ты была только моя.

Мне тоже хочется. Несмотря на боль предательства, на годы, разделившие нас, на Эйдана и всё остальное, мне хочется. Вот только я ему никогда об этом не скажу. Потому что его чувства — это огонь, в котором я уже сгорела и только недавно возродилась.

— Ты сама огонь. Яркое пламя, на которое можно любоваться вечно. Но я подожду. Подожду, когда ты снова начнёшь доверять мне. Сделаю всё для этого. А теперь спи.

Я и так сплю. Разве он не видит? Глаза закрыты, дыхание ровное. Я сплю, и он мне снится. Так хорошо, что он мне снится. Потому что сейчас я могу быть честной, искренней, настоящей, могу чувствовать его тепло и хоть немного побыть слабой и беззащитной.

— Сэм, — тихий шепот, вызывающий дрожь по телу и сладкую истому, от которой хочется улыбаться. Но я не могу улыбаться. Я же сплю.

— Спи.

Туман становится всё гуще, заволакивает сознание, и я окончательно растворяюсь, погружаясь в сладкий сон.

Пробуждение не менее приятное. Тепло, уютно, мягко и улыбка на губах. Не помню, что мне снилось, но настроение отчего-то хорошее и на душе так легко и спокойно.

До того самого момента пока не вспомнила, что произошло, где я и кто сейчас рядом со мной.

— Проснулась? — спокойно поинтересовался Архольд, на плече которого я так мило спала всё это время.

— Что ты делаешь? — я выпрямилась, быстро поправляя сбившуюся причёску и осматриваясь.

Оказывается, пока я спала, Дерек пересел на мою лавку, прижал к себе и еще укрыл пледом. Вот почему мне было так тепло.

— Сижу, — спокойно ответил тот, совершенно не смущаясь.

— Ты не должен был.

— Тебе было неудобно, хотелось спать, но дорога неровная. Я просто помог. Можно было и спасибо сказать.

— Спасибо, — пробормотала я, продолжая лихорадочно наводить порядок и только сейчас заметила, что экипаж остановился. — Мы уже приехали?

— Да.

— Но почему ты меня не разбудил?

— Разбудил. Просто ты не хотела вставать. Так сладко спала, — невозмутимо ответил мужчина.

Дерек разминал руку, которую я ему отлежала, и выглядел значительно лучше. Синяки и ссадины никуда не делись, но, по крайней мере, лицо вернулось к привычному оттенку, перестав пугать своей бледностью.

— Но теперь я проснулась и нам надо выходить, — взяв себя в руки, произнесла я, глубоко вздохнула и быстро оглядела себя. Сейчас бы зеркальце. — Как я выгляжу?

— Отлично. Как и должна выглядеть счастливая новобрачная, — неожиданно ехидно ответил Корвил.

— В глазах блеск, на лице румянец, губы припухли, волосы в беспорядке, а одежда измята.

— Ч-что? — округлив глаза, переспросила у него.

Но супруг загадочно промолчал, быстро открыл дверь и легко выбрался из кареты, протягивая руку. Приглашение я приняла, вышла следом и огляделась.

Зимой дни короткие и уже смеркалось.

Мы были во внутреннем дворе огромного древнего замка, выложенного из серого безликого камня. Толстые стены, узкие окна и острые башенки.

— Родовой замок Архольдов, — произнёс Дерек, крепко держа меня за ладонь.

Вырваться я не стала, продолжая осматриваться. И здесь мне придётся жить целый год. Невероятно, словно попала в одну из легенд, которых так много рассказывала нянюшка.

— Знакомство со слугами отложим до завтра. Ты слишком устала. А вот родственников обделить вниманием не удастся. Они уже здесь и так просто не отстанут.

— Я понимаю.

— Пойдём. Сейчас тебя проводят в наши покои.

— Н-наши? — выдохнула я, едва не спотыкаясь, хорошо, что Дерек всё ещё меня удерживал, иначе я бы точно упала.

В который раз за этот долгий-долгий день.

— Наши. Неужели ты забыла, что в Сангориа жуткие обычаи и правила, которые включают наличие одних покоев для мужа и жены?

Знала и понимала, почему матушка возмущалась этим обстоятельством и отсутствием личного уголка. Знала, но думала, что нас это не коснётся.

— Архольд.

— Клятва, Сэм, — Дерек вёл меня прямо к центральному входу. — Не забывай, что я связан клятвой. И теперь, если даже захочу, не смогу тебя коснуться. Без твоего согласия. Так что расслабься. Покои у нас одни, но гостиных две, как и две ванны комнаты, отдельные для каждого из супругов. Я найду, где мне ночевать, не привлекая внимания.

Вверх по ступенькам. Небольшая заминка у тяжелых створчатых дверей, которые практически сразу открыл дворецкий. Он был похож на всех дворецких — высокий, худощавый с ровной и прямой спиной, седовласый и невозмутимый.

— С прибытием, Ваша светлость.

— Добрый вечер. Селина, познакомься это наш дворецкий Фарцовски.

— Моё почтение, герцогиня, — тут же склонился тот в поклоне.

— Рада с вами познакомится, Фарцовски.

— Гости прибыли? — спросил Корвил, снимая пальто и помогая мне с верхней одеждой.

— Еще вчера. Её светлость герцогиня приняла на себя роль хозяйки замка на время вашего отсутствия.

— Отлично. Позови Эстель. Если её светлость герцогиня Архольд согласится, девушка будет выполнять обязанности её личной горничной. Дорогая?

Я вздрогнула от этого обращения. Разговор Корвила я слушала в пол-уха, осматривая высокие потолки, огромную люстру, начищенный до блеска пол, ковры и гобелены, украшающие вековые стены.

— Да, милорд?

— К сожалению, отдохнуть после дороги пока не получится. Родственники, сама понимаешь. Тебя проводят в наши покои, где ты сможешь принять ванну, переодеться и спуститься к ужину.

— Хорошо, — я улыбнулась, слегка приподняв уголки губ, и едва заметно кивнула.

— А потом мы можем уделить друг другу достаточно внимания, — понизив голос, вдруг произнёс Дерек и поцеловал мою руку, не отрывая взгляда, в котором полыхало черное пламя.

И пусть я знала, что это всего лишь игра, но не отреагировать не могла. Внезапно стало очень жарко и душно.

— Конечно.

Разве можно говорить такое при слугах? Это же неприлично, двусмысленно и так провокационно. Но сангорианцы всегда нарушали нормы приличия, идя на поводу своих страстей. Совсем как и я когда-то.

— А вот и ваша горничная, миледи, — произнёс дворецкий.

Девушка была совсем молоденькой и очень симпатичной. Правильные черты лица, россыпь веснушек на аккуратном носике и застенчивая улыбка. Не знаю почему, но она мне понравилась с первого взгляда, и страх одиночества и затворничества неожиданно стал отступать. Может, всё не так плохо, как мне казалось?

Но всё рухнуло, когда полтора часа спустя, приняв ванную и переодевшись в платье василькового цвета, украшенное фреольским кружевом, сопровождаемая Корвилом, я спустилась в малую столовую и увидела ожидающих нас родственников супруга.

Когда Дерек сказал, что обошёл двенадцать претендентов на титул герцога, я лишь кивнула. Но совсем не думала, что они придут не одни.

— Согласно традициям Сангориа при вступлении в брак главы рода, коим я являюсь, — сообщил Дерек, когда мы спускались по лестнице, — все члены семьи обязаны должным образом поприветствовать. Так как отец второй раз женился, когда ему было за сорок, у меня большая разница в возрасте с кузенами и сводными братьями. Даже имеются три внучатых племянника. Их здесь нет, слишком малы, но ты с ними познакомишься. Главное помни, что бы ни случилось, я всегда буду рядом.

— Мне стоит волноваться? — спросила я, шагая по ступенькам, устанным красной дорожкой.

— Они меня не любят, кое-кто даже ненавидит. Но изменить ничего не могут. Если только убить. Но сомневаюсь, что у них хватит духу.

В малой гостиной собралось несколько десятков представителей высшей знати.

— Герцог и герцогиня Архольд, — провозгласил лакей, открывая дверь перед нами.

Два шага и Корвил остановился, давая мне возможность осмотреться и понять, как сильно он меня подставил. Взгляды всех присутствующих были обращены на нас.

— Всем добрый вечер, — невозмутимо произнёс мужчина. — Позвольте представить Селину Энн Маргарет Корвил, герцогиню Архольд и мою супругу.

— Герцогиня, — нестройный хор голосов эхом прошёл по столовой.

— Начнём представление.

Мы остались стоять, а к нам по очереди стали подходить родственники, чтобы представится и выразить своё почтение. Последний раз такое шествие я видела лишь на приёме короля Гаретта, только в этот раз было всё наоборот. Тогда меня представляли королю, а тут я была в центре внимания и это страшно тяготило.

— Мой единственный дядя, лорд Арнгор Корвил, и его жена леди Карлотта Корвил. Наследник номер один, — представил Дерек первую подошедшую к нам пару.

— Как всегда паясничает и кривляешься, — скрипуче произнёс пожилой лорд, неодобрительно покачав головой.

Ему было около восьмидесяти. Высокий, болезненно худощавый мужчина, который стоял, опираясь на массивную трость, с пышными усами и хищным крючковатым носом с горбинкой. Чёрные глаза долго изучали моё лицо, каждую черточку.

— Селина Энн Маргарет Торнтон, — произнёс он.

— Корвил. Уже Корвил, — неожиданно резко прервал его Дерек.

— Та самая Торнтон, — продолжил наследник номер один, проигнорировав племянника. — Что ж, посмотрим, посмотрим. Добро пожаловать.

— Спасибо.

Его супруга надменного вида женщина, сплошь увешанная фамильными драгоценностями, неодобрительно скривила губы и промолчала. Другого я и не ожидала. Именно ей предстояло стать герцогиней, а этот титул заняла я.

Следующими были двое мужчин. Отец и сын.

— Это мой двоюродный брат, старший сын дяди Арнгора, Эдвин, — представил супруг светловолосого мужчину, который по возрасту годился мне в отцы.

— Моё почтение, герцогиня, — тот склонил голову. — К сожалению, моя старшая дочь Зиния с супругом графом Гари и детьми не смогли приехать. Но позвольте представить вам моего сына и наследника, Клод Корвил.

— Наследник номер три и мой дорогой племянник, — вставил Дерек, в голосе явно слышалось неодобрение, да и сам он напрягся, заставив меня насторожиться.

— Герцогиня, рад знакомству.

Племянник, с которым мы были практически одного возраста, склонился к моей руке, запечатлев поцелуй.

Слишком длинный, слишком провокационный и неприличный. И взгляд холодных серых глаз был слишком порочным, чтобы простить эту вольность.

— Я тоже... рада, — вырывая руку, произнесла я и прижалась теснее к супругу.

Этот человек мне уже не нравился.

— Слухи о вашей красоте не преувеличивали. Нашему Дереку невероятно повезло.

— Осторожнее, Клод, — тихо, но зловеще произнёс Архольд. — Я могу урезать твоё содержание.

Это его не сильно испугало.

— Надо же, ревнивый муж. Какой пассаж.

— Я предупредил.

Следом одновременно подошли пятеро. Трое мужчин и две женщины.

— Второй сын дяди Арнгора, мой двоюродный брат Мервин Корвил и его супруга леди Ллевели, — представил нас Дерек.

Четвёртый наследник был невысокого роста довольно упитан и совершенно лыс, зато его усы могли соперничать по пышности с усами отца. Леди Ллевели была пухленькой симпатичной женщиной с рыжими кудряшками и доброй улыбкой, именно она и заговорила первой.

— Какая честь для нас познакомиться с вами, дорогая Селина. Вы же не против, если я буду к вам так обращаться? Мы же одна семья.

— Н-нет, — ответила я, чувствуя недовольный и даже злой взгляд второй женщины.

Эффектная стройная платиновая блондинка с потрясающими бирюзовыми глазами и алыми губами явно записала меня в свои враги. Интересно, за что?

— Это прекрасно, что Дерек, наконец, женился, — продолжала леди Ллевели. — Мы так рады. Позвольте представить наших сыновей Лайона и Ульяма.

Она указала сначала на темноволосого мужчину, на руку которого опиралась блондинка, потом на рыжеволосого подростка лет семнадцати.

— А это Жули, наша невестка и мать малыша Патрика. Уверена, вы с ней обязательно подружитесь. Особенно когда сами будете ждать ребёночка. Ведь материнство такое счастье! Мы так радовались рождению Патрика. Он такой очаровательный мальчик, ему уже четыре года. Мы не стали брать его с собой. Сами понимаете, дорога, но мы обязательно привезём его в следующий раз.

— Дорогая, — перебил жену лорд Мервин, — ты опять слишком много говоришь. Дай девочке привыкнуть к нам.

— Ох, простите, — женщина хохотнула, прижимая к губам веер, рыжие кудряшки подпрыгнули. — Я такая болтушка. Просто я так рада, так рада.

— Я тоже рад, — произнёс Корвил.

А вот следующие приветствующие разительно отличались от добродушной леди Ллевели.

От пристального и злого взгляда мужчины, который был так похож на Дерека, в груди похолодело от предчувствия беды, и я еще сильнее вцепилась в руку мужа. Не знаю, кто это, но ему я точно не нравлюсь, и скрывать он это был не намерен.

— Дерек, — презрительно процедил мужчина, застыв перед нами.

От него сильно пахло алкоголем, лицо опухло, под глазами залегли круги. Было видно, что он давно и много пьёт.

— Мой сводный брат Октавир, его жена Урсула и старший сын Крейг. Остальные племянники Морис и Сильвия здесь не присутствуют, — спокойно и холодно произнёс супруг, проигнорировав недобрые взгляды старшего брата по отцу.

Имя Сильвия было знакомо. Это же та девочка, которая сдала сестру Дерека, не дав той сбежать на корабль.

— Думаешь, женитьба на вана... ванагорианке прибавит тебе веса в глазах Марлоу? Не получилось с племянницей, решил пойти другим путём? — его язык заплетался и говорил мужчина невнятно.

— Выбирай выражения, Октавир, и не забывай, с кем разговариваешь.

— О нет, я никогда не забывал.

Сводный брат криво усмехнулся, показывая пожелтевшие зубы и обдавая нас удушающим запахом перегара. Хотелось отступить назад, зажать нос, но я молчала и продолжала стоять.

— Дорогой, — попыталась вмешаться леди Урсула, красивая шатенка с грустными карими глазами, но была перебита.

— Дед сошёл с ума, когда сделал тебя главой рода. Ты лишь...

Твой герцог. И изменить этого нельзя. Давно пора смириться.

— Герцогиня, — вмешался его сын Крейг, симпатичный молодой человек лет двадцати с русыми волосами и внимательными зелёными глазами. — Добро пожаловать.

— Спасибо.

Видимо, он к получению дядей титула отнёсся спокойнее своего отца. Взгляд открытый. Не доброжелательный, но и не агрессивный. Невозмутимый и даже равнодушный.

Следующими были светловолосый черноглазый мужчина чуть старше тридцати и хорошенькая девочка лет пятнадцати. Черноволосая, черноглазая и так похожа на Дерека, что у меня не оставалось сомнений в том, кто это.

Глядя на него Архольд заметно расслабился.

— Это Саммер Корвил, мой брат.

— Претендент номер двенадцать, — весело представился тот, почтительно склонив голову. — Мои поздравления, Дерек. В следующий раз я отправлюсь в Ванагорию за невестой. Герцогиня, вы само очарование.

— Благодарю, — несмело улыбнулась ему.

— И Одетт Бетани Гретэль Корвил, — мягко и даже нежно произнёс супруг, представляя спутницу брата. — Моя младшая сестра.

— Добрый вечер, — я впервые сама начала разговор, приветливо улыбнувшись девочке.

Было видно, что ей неудобно. Красивое и, несомненно, дорогое платье совершенно не шло еще не сформировавшейся долговязой фигуре. И шнуровка была затянута слишком

сильно, она то и дело касалась узелка, словно собиралась распустить, но тут же опускала руку. Бедное дитя, как же ей, наверное, сложно.

— Жена, — вскинув подбородок, прошипела она, смерив меня неприязненным взглядом. — Уж не та ли это девчонка, из-за которой тебя едва не посадили четыре года назад?

— Одетт, — предупреждая произнёс Архольд, моментально утратив дружелюбие.

— Значит, та самая. И вечер совсем не добрый, — припечатала она меня, развернулась и ушла, едва не споткнувшись о подол платья, но Саммер помог ей устоять, что-то недовольно шепнув на ушко.

Та дёрнула плечом и покачала головой. Видимо доводы сводного брата её не убедили.

— Всё веселее и веселее, — пробормотала я себе под нос, готовясь к встрече с последней парой.

Красивая светловолосая женщина с мягкой улыбкой и добрыми синими глазами пошла к нам, опираясь на руку высокого темноволосого мужчины. Было видно, что они пара, хотя мне показалось, что мужчина был немного младше своей спутницы.

— Энния Корвил, моя мать, и её супруг лорд Найджел Корвил.

Корвил? Я не ослышалась? Но как?

— Я действительно Корвил, — произнёс мужчина, поняв, какие мысли сейчас витали у меня в голове. — Простой герцог был моим дядей. После трагической гибели родителей именно он занимался моим воспитанием.

— А ты был столь любезен, что развлекался с вдовой его сына, — неожиданно вставил Октавир, который не отходил далеко, прислушиваясь к чужим разговорам.

Мужчина отбросил руку жены, которая безрезультатно пыталась его удержать, и вновь направился в нашу сторону.

— Успокойся, — произнёс Найджел Корвил.

— Что в этом такого? Всем известно, что ты хаживал к молоденькой вдове, прикрываясь заботой о ней и её выводке. Ведь дед не давал согласия на этот брак.

— Его дал я, — вмешался Дерек, всё больше и больше напрягаясь.

— Как не дать, когда у неё уже живот выступал. Надо же было узаконить нового ублюдка. С нашим отцом провернула и за другого вз...

Договорить Октавир не успел. Вдруг захрипел, хватаясь за горло, где переливалась прозрачная голубая нить.

— Никогда. Не смей. Так. Говорить. О моей. Матери, — тихо произнёс Корвил, но его было слышно в каждом уголке столовой.

— Дерек, не надо, — вскричала свекровь.

А Октавир уже встал на колени.

— Дерек, молю, — рыдала леди Урсула, падая рядом с мужем.

— Остановись! — Аргорн стукнул по полу тростью. — Не будь глупцом!

Зашумели и загалдели остальные родственники, но подойти никто не смел. Прошло всего пару секунд, но время будто остановилось.

Архольд словно никого не слышал, продолжая сжимать магическую нить. Октавир покраснел от натуги, едва дыша.

Ведь действительно убьёт, слишком велико было оскорбление.

— Дерек, — я развернула его к себе, дрожащими руками касаясь лица. — Отпусти его.

Взгляд опасный, бессмысленный, полный боли и злости. Страшный. И этот страх дрожью прошёлся по позвоночнику, но и отступить я не могла. Всеми виной рана и яд, именно они пошатнули выдержку молодого герцога, спровоцировали взрыв.

— Дерек, прошу тебя.

Услышал.

Моргнул, возвращаясь в реальность, и опустил руку. Лишенный опоры, Октавир упал на пол.

— Крейг, — тяжело дыша, произнёс муж, обращаясь к бледному племяннику. — Уведи его отсюда и успокой мать. Передай, что я не желаю его больше видеть. И пусть не появляется, пока я не отдам распоряжение.

Хорошо... герцог.

В гнетущей тишине, мы смотрели, как юноша при помощи слуг поднимает отца, помогает встать матери, и они выходят прочь.

Великие, вот это знакомство с родственниками.

— Если кто-то желает уйти, держать не стану, — устало сказал супруг, потирая виски.

Желающих не нашлось.

— Тогда прошу к столу.

Глава Десятая. Новая жизнь

Первое, что я увидела, войдя в спальню после напряженного ужина, это аккуратно разложенная на огромной кровати ночная сорочка из тонкого фреольского шёлка. Полупрозрачная, матовая, украшенная по вырезу дорогим кружевом, она царицей выделялась на тёмно-бордовом покрывале.

Одна из пяти сорочек, купленных на выбор для первой брачной ночи.

Брачная ночь. Она ведь у меня уже третья и далеко не последняя.

Шутка Великих.

Нервный смешок сорвался с губ и пропал в оглушительной тишине.

— Ванная готова, миледи, — произнесла горничная.

Девушка стояла у кровати, почтительно склонив голову и спрятав руки за спиной. Белый передник ярким пятном выделялся в сумраке комнаты, освещенный лишь огнём в камине.

— Убери это, — тихо прошептала я, продолжая стоять у дверей и смотреть на сорочку.

— Прошу прощения, миледи?

— Достань мне другую сорочку, — нервно ответила я. — Там должна быть другая.

Просто обязана. Старая, немного затёртая, пропахшая душистым мылом и домом, мягкая и такая нужная сейчас.

— Хорошо, миледи, — произнесла Эльза, явно не понимая, что я от неё требую, быстро вошла в гардероб и вернулась сразу с четырьмя ночными рубашками. Теми самыми — красивыми, дорогими. — Какую желаете? Они такие красивые, тонкие и мягкие.

Красивые. И должны были стать венцом самого счастливого дня в моей жизни, а стали напоминанием о том, чему не суждено было случиться.

— Там должна быть другая, — прочищая горло, сказала я и вошла в спальню. — Старая, нежно-голубого цвета.

Конни должна была её положить. Я точно знаю.

— Вот эта? — несколько разочарованно поинтересовалась горничная, через минуту возвращаясь с нужной вещью.

Вдох-выдох.

— Да, именно она.

Пенная ванна с маслами, которые ничем не отличались от тех, что были у меня дома. И сама ванная была такая же массивная, разве что плитка, устилающая пол и стены, была светло-серая с белыми разводами.

Причесав локоны так, что они заблестели в свете камина, Эльза ушла, а я осталась сидеть у зеркала, смотря в своё отражение.

Бледное лицо, синяки под глазами, огромные глаза, которые сейчас отчего-то казались почти чёрными, совсем как у Дерека, обескровленные губы. Разве так должна выглядеть счастливая новобрачная?

Несмотря на усталость и потрясения, спать я не могла. Сердце безумно стучало в груди и тревожно замирало от любого постороннего звука.

Вот сейчас откроется дверь, и он войдёт.

Но тишина и никого.

Я вновь посмотрела в зеркало, вздрагивая от тяжелого взгляда собственного отражения.

Подняв руку, не глядя, потёрла метку на запястье.

Клятва дана, слово произнесено, мы связаны и против моей воли Архольд ничего не сможет сделать.

Против воли... против воли...

Где же она, моя воля? Где она была четыре года назад, когда я бежала по длинным коридорам Академии, не помня себя от ужаса и шока?

Я почти не помнила дороги от столовой, оглушающей своей тишиной, до укрытия, в котором так надеялась найти спасение.

Бежать. Сейчас. Быстрее. Сильнее.

Кровь стучала в висках, дыхание с хрипом вырывалось из лёгких, а в боку уже начало колоть. Ноги путались в длинной юбке.

«Леди не должны бегать. Никогда», — говорила матушка.

Но если бы она только знала, что натворила её неразумная дочь.

На эти каникулы я должна была вернуться в Ванагорию. Родители давно ждали, матушка писала, что к ним с визитом приезжал виконт Санроу, спрашивал обо мне. Она уже даже не намекала, а прямо говорила, что этот год в Академии будет для меня единственным. Все ждали предложения и объявления о помолвке. Даже отец одобрил внимание молодого виконта, позарившись на золотые прииски.

Я хорошо помнила Санроу. За прошедший год мы встречались около пяти раз. Он был учтив, мил и так не похож на холодных аристократов с их надменными лицами и колкими фразами. Эйдан улыбался, смеялся и шутил. А еще он меня слушал и спрашивал совета.

Ах, как же приятно быть кому-то нужной и значимой.

На этих каникулах мы вновь должны были встретиться, но я в последний момент передумала. Всё дело было в Айоле. Подруга, выросшая в Северном княжестве, не могла покинуть Академию и отправиться к родителям. Путь до дома занимал около пяти суток в одну сторону. И то при условии, что в ущелье не будет камнепадов.

Девушка храбрилась, улыбалась и утверждала, что уже привыкла и найдёт, чем развлечься. Но я видела, как ей грустно.

И осталась.

А когда Айола предложила сходить тайком на бал Великой, согласилась. Ведь это было так интересно.

Запретно. И это будоражило кровь.

Кто же знал, что всё так получится, и Великая Мать сыграет с бедной аристократкой злую шутку.

Дерек Корвил. Проклятый сангорианец. Мой личный кошмар! Как такое вообще возможно?! Почему он? Как богиня вообще могла предположить наш союз? Это же уму непостижимо!

В комнату не побежала. Нет, только не туда. Там меня легко можно будет найти. А сейчас я не могла видеть даже Айолу, не говоря уже о Мергери.

Поэтому скользя и едва не падая, я свернула прямо в противоположную сторону. На меня смотрели, показывали пальцем и смеялись, но разве это было важно.

Важно скрыться, спрятаться, обдумать. Куда угодно и как можно быстрее.

Я уже с трудом дышала. Тело, не привыкшее к таким нагрузкам, болезненно ныло и требовало отдыха.

Еще немного. Еще чуть-чуть.

Вбежав по сбитым ступенькам, я притормозила у дверей, пытаюсь отдышаться. Кашель душил, и жутко хотелось пить.

Пригладив волосы, вошла внутрь, сразу направляясь к стойке.

— Торнтон? — госпожа Милх удивлённо взглянула на меня поверх очков.

— Доброго дня, — голос был сильный и будто чужой, пришлось прокашляться.

— Что ты здесь делаешь?

— Пришла почитать о работе Гариуса Сорца.

— Сейчас же каникулы.

— Но библиотека же работает, — невинно улыбнувшись, парировала я.

— Раньше такой тяги к знаниям у тебя замечено не было, — недоверчиво протянула пожилая библиотекарша.

— Расту, наверное. Так я могу пройти?

Причин отказать мне у неё не было, но я всё равно замерла, ожидая ответа. Больше идти было некуда.

— Работы Сорца в дальней секции.

А то я не знаю. Не зря же выбрала.

— Благодарю.

В читальном зале никого не было. Каждый стук невысоких каблучков эхом звучал в пустоте, и я невольно поёжилась. Жутко.

Свернув направо, я прошла мимо огромных стеллажей, выстроенных в ряд, снова направо, немного прямо и вот она дальняя секция — небольшая комнатка с парой столов и двумя шкапами, в которых хранились труды великого искрящего Гариуса Сорца.

Не глядя схватила первую попавшуюся книгу, села за стол, раскрыла и замерла, уставившись перед собой невидящим взглядом.

Вот теперь можно было подумать и проанализировать произошедшее. А также понять, как быть дальше.

Сначала я себя отругала. Не стоило убегать из столовой. Совсем не стоило. Да, увидеть веточку жасмина на лацкане пиджака Корвила я никак не ожидала. Это стало больше чем шоком, самым настоящим приговором.

Конечно, уйти следовало, но не бросать поднос на пол и убегать. Этим я могла выдать себя.

Ведь он ждал её.

Ту незнакомку с бала.

Осторожно провела подушечками пальцев по губам, вспоминая тот жаркий поцелуй и чувства, которые всколыхнулись в груди. Прерывистый шёпот и мольба прийти, не убегать, не отказываться от призрачного счастья.

Не надо было приходить. Но я не смогла противиться любопытству и тому ощущению волшебства, которое буквально заставило меня лететь в столовую. А ведь я тянула до последнего.

Великие, что же теперь делать?

Оставалось надежда, что Корвил не понял, не догадался. Призрачная, но оставалась.

Но как быть мне? Как ходить по одним с ним коридорам, как смотреть ему в глаза, отвечать на колкости и придирки?

Не смогу. Не получится.

Я прижала ладони к горящим щекам.

Как притвориться и забыть, что этой ночи не было и того разговора в тени ракиты тоже. Это безумие.

Безумие, которое горело внутри, отзываясь непонятной тоской в сердце.

Дерек Корвил. Сангорианец, из-за которого я столько плакала ночей, пытаюсь понять, чем вызвана эта агрессия и неприятие.

— Я справлюсь, — прошептала сама себе, положив руки на книгу. — Выбор Великой можно проигнорировать и забыть. Всё в наших руках.

Говорила, а сама не верила.

Хотелось кричать, рыдать, стучать, но я продолжала сидеть, упираясь взглядом в соседнюю стену.

Потрясение медленно сходило на нет. Пройдёт и остальное. Надо лишь быть сильной.

— Поговорим? — тихо спросил Корвил.

Подскочив на стуле, я резко обернулась.

В проёме, опираясь о косяк, стоял Дерек Корвил собственной персоной. Молодой человек напряженно смотрел мне прямо в глаза.

Сердце дрогнуло.

Пересечение взглядов и всего лишь мгновение на то, чтобы понять — он знает!

— Я могу сесть?

И не дожидаясь разрешения, подошёл ближе, отодвинул скрипучий деревянный стул с кривыми ножками и сел. Теперь нас разделял лишь стол.

«Проблемы межвидовой организации древнего мира и пути их развития», — медленно прочитал Корвил, заглядывая в книгу. — Интересно?

— Очень, — с трудом ответила ему, продолжая подозрительно хмуриться.

С чего такая любезность?

— Зачем сбежала? — всё так же спокойно спросил молодой человек.

Говорить, что не сбежала, было глупо и я лишь неопределённо пожала плечами, отводя взгляд в сторону.

— Просто не ожидала.

— Что Богиня свела меня с тобой?

А сам смотрит, следит за реакцией. Словно ждёт, что я вот прямо сейчас начну переубеждать его, говорить, что не понимаю, о чём речь и ему всё показалось. Нет, не стану.

— Это не приговор, Корвил, — вновь поворачиваясь к нему, произнесла я, выдерживая взгляд тёмных глаз. — И не истина, нарушить которую мы не смеем. Смеем, можем и следовать не будем.

— Ты весьма категорична, Торнтон.

Длинные пальцы забарабанили по крышке стола, выводя замысловатую дробь и разрушая гнетущую тишину, которая вновь возникла, стоило нам замолчать.

— Разве я не права? Мы узнали и теперь забудем всё, что произошло прошлой ночью.

— А если я этого не хочу, — откидываясь на спинку стула, вдруг заметил Корвил.

— Знаешь, сейчас не лучший способ показывать характер и делать в пику мне, — холодно улыбнувшись, ответила ему. Но если бы Дерек знал, каких сил мне стоила эта игра. — Нам обоим не нужны проблемы.

— Но ведь что-то общее в нас есть, если Великая решила соединить?

— Есть. Взаимная антипатия, — я встала со стула, поправила жакет и юбку. — Если ты вдруг решишь распустить слух о том, что произошло вечером... Я буду всё отрицать. Доказательств у тебя нет и быть не может. А Айола подтвердит, что я весь вечер была с ней. Ты просто выставишь себя дураком. Хотя тебе не в первый раз.

— Отличная попытка, Сэм, — молодой человек медленно поднял руки и хлопнул в ладоши. Три раза и криво улыбнулся. — Вот только я ничего не забыл. И собираюсь пойти до конца.

— И что это значит? — отступив на шаг и нахмутив брови, спросила у него.

— Скоро узнаешь.

Звучало угрожающе, хотя в голосе этого не было. Скорее обещание.

— Не хочу, — упрямо повторила я. — Что бы ты ни задумал, у тебя ничего не выйдет. Мы слишком разные. Ты почти весь год доводил меня, а сейчас решил сыграть в чувства? Не выйдет. Не позволю!

Выкрикнув последние слова, я развернулась и ушла, оставив Корвила одного. Глупая, была полностью уверена, что разговор окончен и прошлое осталось в прошлом.

Забыла, что Дерек всегда идёт до конца и добивается того, чего хочет. А в этот раз он хотел меня.

Скрипнула дверь, вырывая меня из воспоминаний, и на пороге возник Архольд. Мужчина на мгновение замер, увидев меня у зеркала, но почти сразу взял себя в руки.

— Почему не спишь?

— Тебя жду, — поправив полы халата, ответила ему.

— Зачем? — прошёл вперёд, снял камзол, бросив на пуфик у кровати, и принялся расстёгивать манжеты.

— Ты должен обратиться к врачу.

— Со мной всё в порядке.

— Ты едва не убил собственного брата.

— Сводного, — спокойно поправил меня герцог. — Поверь, он совершенно не рад нашему родству.

— Всё равно. Ты применил искру. А если он пожалуется. Ты хоть понимаешь, как это опасно? — сидеть не было сил, и я встала, сжимая в руках пояс от халата.

— Беспокоишься обо мне, Сэм?

Опять он играет и паясничает.

— Прекрати играть. Тебя едва не отравили.

— Но ты меня спасла, вывела весь яд из организма.

— Этого недостаточно. Дерек, ты всегда славился своей выдержкой, спокойствием и хладнокровием. Да, Октавир повёл себя не красиво, его слова о твоей матери были чудовищны и несправедливы, но ты его чуть не убил.

— Несправедливы? — тихо повторил он, перестав бороться с пуговицами и повернувшись ко мне. — Несправедливы, Сэм? Моей матери было семнадцать, когда она встретилась на том балу с отцом. Семнадцать! Совсем ребёнок. А ему за сорок. Он же в отцы ей годился!

Запнулся и продолжил уже более холодным тоном.

— Она сразу сказала ему, кто такая. Что дочь башмачника, что простолюдинка. Надо было остановиться. Он должен был остановиться! Но нет. Вино, хмель и волшебство ночи. Он лишил её невинности прямо в кустах дворца. Романтично, правда?

— Дерек, — с трудом прошептала я, не зная, что делать с этим неожиданным откровением.

— В результате этой ночи на свет был произведён я... Нет, поступил отец как настоящий герой, женился, привёз молодую жену домой. И не смог пережить, когда её не приняли. Потому что благословение Великих — это испытание, а пройти его он не смог. Снова начал пить, потом отправил молодую жену с младенцем в загородное поместье.

— Ты не обязан мне это рассказывать.

— Да, но ты должна услышать. Мне было пять, когда нас отправили в Вельхорт, небольшой городок на юге Сангориа. Первое время он часто приезжал, потом всё реже и реже. Я помню себя десятилетним, когда застал маму плачущей над газетой, где рассказывалось об оперной певице, которая вот уже полгода была официально любовницей отца. Когда он явился, мама попыталась его выгнать. Не вышло. В результате этого разговора на свет появилась Одетт. Моя сестра никогда не видела отца. Он больше не приезжал. Ни разу. А перед смертью сообщил, что собирается разводиться. Сама понимаешь, что деньги нам высылать перестали. И раньше проблемы были, но после рождения сестры стало совсем туго. Нас спас Найджел. Он не дал мне погнаться в подворотне, когда я пытался во время кулачных боев заработать денег на еду своей семье, не дал скатиться до воровства. Именно его Одетт называла папой, когда была малышкой. И только благодаря ему мама вновь начала улыбаться.

— Твоей матери повезло.

— Я знал об их романе. Он начался через три года после смерти отца. Что бы ни говорил Октавир, она оставалась верна этому ублюдку. Осуждал ли я её когда-нибудь? Нет. И деда не прощу, что он не давал согласия на брак.

— Ты поступил верно. Мне кажется, твоё одобрение значит для неё намного больше, чем мнение других, — тихо произнесла я.

— Она сейчас счастлива. Замужем за достойным мужчиной. А еще у меня есть младший брат. Его зовут Хен и ему два с половиной года. Завтра ты с ним познакомишься.

— Хорошо, — я улыбнулась.

— Теперь ложись спать, Селина, — устало закончил он. — Я должен принять ванную. Кажется, что весь пропах кровью. Кровать в твоём распоряжении.

— А где будешь спать ты?

— На диване в гостиной. Не переживай, я так вымотался, что усну без задних ног.

— Кровать большая, — неожиданно произнесла я. — Мы вполне можем поместиться и не мешать друг другу.

Он замер, недоверчиво взглянув на меня.

— И ты готова выдержать моё близкое соседство?

— Ты дал слово. Так что опасаться мне нечего. Но ты прав, пора спать. Выбор за тобой, — сказала и направилась к кровати.

Откинула покрывало, забралась на мягкую перину и укрылась, повернувшись к супругу спиной.

Я честно собиралась дождаться возвращения Архольда из ванной, но не смогла. Усталость дала о себе знать, и я почти сразу уснула.

На этот раз обошлось без сновидений.

Архольд

Сэм спала. Свернувшись калачиком на огромной кровати, на самом её краю, подложив ладошку под щеку и тихо посапывая. Тёмные волосы облаком лежали на подушке, обрамляя бледное, осунувшееся личико.

Бедная, сколько же ей пришлось пережить за эти два дня и сколько еще предстоит.

Когда Селина предложила разделить с ней одну постель на двоих, Дерек сначала думал, что ослышался. Нет, она действительно это предложила. Игра на его расшатанных нервах? Попытка подвести к краю, когда он уже и так находится на грани? Ведь видела, что он сделал с Октавиром.

Нет. Доверие.

И это чувство было таким сильным и ошеломляющим, что у него заныло в груди. Сэм ему доверяла. Будучи искрящей знала, что при желании можно найти способ обойти слово и клятву. Соблазнить, свести с ума, преодолевая боль, довести до грани желания и пожинать плоды. Потому что лазейка осталась — её желание. А оно так переменчиво и послушно в умелых руках.

Стоит только лечь рядом, притянуть ближе, когда Сэм такая податливая, еще находящаяся во власти сна и не успевшая отреагировать. Провести ладонью по телу, сминая ткань сорочки, добраться до гладкой и горячей кожи, сжать округлое полушарие груди, услышать ответный стон, почувствовать дрожь, которую невозможно скрыть, вдохнуть дурманящий аромат волос.

Корвил так много мог сделать, воспользовавшись её неопытностью.

Но Селина ему верила. И это доверие Архольд не променял бы ни на что. Она сама придёт к нему, сама сделает шаг. Надо лишь дождаться.

Впереди еще столько времени и спешить не стоит. Потому что, удовлетворив похоть, он навсегда потеряет жену. Эта не та цена, которую он был готов сейчас заплатить за обладание любимой.

Самое странное, что именно похоти и жажды не было. Нет, желание никуда не делось, но, ложась на кровать, Корвил не морщился от боли в чреслах и не мечтал о холодном душе. Внутри всё было спокойно. Наверное, впервые за много лет у мужчины было легко на душе. Потому что его Сэм была рядом, стоило только протянуть руку. Она была на своём месте, и отпустить возлюбленную Архольд был не намерен.

Мужчина проснулся рано, задолго до рассвета.

Вздрыгнул всем телом, вырываясь из тяжелого сна, и шумно задышал. Рука метнулась в сторону, ощупывая кровать и находя на краю Селину. Девушка тихо вздохнула от прикосновения, но не проснулась.

Дерек еще некоторое время лежал, глядя перед собой и вслушиваясь в дыхание жены, потом встал, старясь не шуметь и не разбудить девушку.

Рана на боку натянулась и заныла. Не больно, но неприятно. Вспоминать о том, что всё могло быть гораздо хуже, не окажись рядом Сэм, он не стал. Не время думать о том, что не случилось, впереди были проблемы помасштабнее.

Накинув халат, он вышел из спальни прямо в гардеробную, где его уже ждал личный камердинер и чашка горячего кофе.

Бермор отлично знал, что в каком бы хозяин состоянии ни был, он всегда вставал рано и слуга ждал его в строго определённое время.

— Доброе утро, Ваша светлость.

— Доброе, — Дерек сразу же взял чашку и сделал один большой глоток, вздрогнув, когда горячий напиток обжег нёбо.

Обычно Бермор спрашивал, как спалось, но в этот раз промолчал, считая данный вопрос слишком неприличным. Камердинер видел молодую герцогиню, правда, издалека, но этого хватило, чтобы понять, что милорду невероятно повезло.

— Какие новости? — Дерек допил кофе и развязал узел на халате.

— Вас ждёт лорд Аргонор. Просил о личной встрече в кабинете, — подавая брюки, произнёс он.

— Давно ждёт?

— Уже около получаса.

— Хорошо.

Бермор помог герцогу одеться, завязал шейный платок, не забыв прицепить брошь, и отступил в сторону, давая Корвилу рассмотреть себя в высоком зеркале.

— Отлично. Бермор, проследи, чтобы герцогиню никто не беспокоил. Она устала с пути и ей требуется хороший отдых.

— Да, Ваша светлость, — камердинер склонил голову.

— И пусть Элоиза принесёт завтрак миледи в покои.

— Я передам.

— Еще, — Дерек остановил слугу. — Передайте моей матери, что я хочу с ней поговорить, как только она освободится.

— Да, Ваша светлость.

Хотелось вернуться в спальню, еще раз взглянуть на Селину, убедиться, что не сбежала, всё еще здесь. Всё еще его герцогиня. Только его.

Но нет, не стоит.

Дядя действительно ждал его в кабинете. Старый лорд сидел на кресле у камина, опираясь руками о трость и молчал.

— Не спится? — входя, поинтересовался Архольд.

— Возраст берёт своё, — отозвался тот, не отрывая взгляда от оранжевого пламени. — Ложусь поздно, встаю рано. Тело ломит от каждого изменения погоды, от морозов стынут ноги. Но ведь тебе не интересны проблемы старика?

— Может стоит обратиться к лекарю? — Дерек сел за стол, смотря на хищный профиль Аргонора, отмечая, как с каждым годом он становится похож на деда. По крайней мере, внешне.

— Ты больше, — вдруг произнёс тот, повернув голову к племяннику и усмехнувшись.

— Прошу прощения?

— Ты сейчас думаешь, как сильно я напоминаю тебе деда.

— Откуда вы узнали? — нахмурился мужчина. — Вслух я этого не говорил.

— Интуиция. И ты не первый, кто это замечает. Я и сам вижу. Но ты похож на него больше. Я помню, каким был Дрейк Корвил в молодости, так вот ты его точная копия. И дело не только во внешности, хотя, безусловно, ты и тут взял все фамильные черты Архольдов. Дело в твоём поведении, манере двигаться, том, как ты говоришь.

Дерек молчал, ожидая продолжения. Такое откровение было нетипично для Аргонора и он не мог понять, с чем это связано.

— Когда отец сообщил о своём намерении воспользоваться поправкой к закону о наследовании и передать титул тебе, я решил, что он сошёл с ума. Щенок, последыш, выросший неизвестно где. Не злись, ты же понимаешь, что у меня были все основания ненавидеть и презирать тебя. Твой отец был слаб и жалок. Алкоголик, который не смог отстоять свою любовь. Встретив отпор, Клайв должен был встать горой за свою семью, за тебя и Эннию, а он сломался, отступил, сдавшись. И стало лишь хуже. Мы не прощаем слабость. А он был слаб, — повторил Аргонор и пожевал губу. — Но ты не он... Ты Архольд.

— Не понимаю, к чему этот разговор?

— Я умираю, Дерек, — вдруг тихо произнёс старик и грустно улыбнулся. — Нет, лекарей мне не надо. Они уже определили мой срок. Осталось немного.

— Мне жаль, — сказал он, не зная, что еще сказать.

Корвил так привык к дяде, к его цепкому взгляду, к замечаниям и скупой похвале.

— Я давно смирился с тем, что титул ушел к тебе. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что отец вновь оказался прав. Принял и смирился. В отличие от остальных.

А вот это уже интересно, хотя не ново.

— Клод.

Имя, которое прозвучало и будто застыло в воздухе между ними.

— Умный мальчик, — коротко хохотнул старик и закашлялся в белоснежный платочек.

— Теперь, когда моя смерть близка, а ты обзавёлся герцогиней, он решил, что пора действовать.

— Вы сдаёте мне своего внука, — напомнил Архольд.

— Он жалкий слабак, привыкший прятаться за спину отца и держаться за юбку матери. Великие знают, как я зол на Юджинию. Она превратила мальчишку в жалкого слизняка, — резко ответил старик. — Я воспитывался Дрейком Архольдом и для меня честь превыше всего. Предпочитаю говорить правду в глаза, а не травить конкурентов ядом.

Яд на клинке его рук дело?

— Не его лично. Он тайно отправился в Ванагорию следом за тобой. Найти тех, кому ты поперёк горла, несложно. У тебя прирождённое умение наживать врагов, герцог.

— Это семейное. Ничего нового вы мне не рассказали, дядя. Я знаю, что Клод хочет меня убрать. Давно хочет. Но молчал из уважения к вам. Но хоть одно поползновение в сторону герцогини, и я забуду о своём решении.

Ещё один смешок и кашель, резкий, тяжелый. Алая капля на белоснежной ткани, которую Аргонор стыдливо спрятал.

— Я тебя услышал и понял. Но сегодня пришел к тебе не только за этим. Вчера после ужина мой внук выразил желание отправиться на Хельмов кряж. Как раз туда, где поправляет нервную систему двоюродная племянница герцога Марлоу, — выразительно добавил пожилой мужчина.

Дерек промолчал, лишь сжал кулаки.

— У тебя появилась слабость, дорогой племянник. Да-да, твоя герцогиня. А женскую ревность и коварство сложно переоценить. Клод никогда ничего не делает сам, лишь направляет и настраивает. Но в случае с леди Алвирой это будет несложно.

— Я понял. Спасибо.

Аргонор тяжело поднялся.

— Мы все участвовали в травле твоей матери. Все мечтали от неё избавиться. Но вы выстояли и стали сильнее. Не дай нашему роду угаснуть, Дерек. Не дай пасть перед бурей. Продолжи дело моего отца. Стоя на пороге смерти как никогда понимаешь, что по-настоящему важно и ценно в этом мире. Семья и род, честь и долг. Теперь я могу предстать перед Великими с лёгкой душой.

После ухода дяди Архольд еще некоторое время сидел, смотря на закрытую дверь кабинета. О ненависти кузена молодой мужчина знал и никогда не верил его лживым улыбкам и пустым комплиентам. Но Селина... Да, Аргонор прав, у него есть слабость. А на пути к титулу и власти никто никогда не брезговал жертвами.

«Великие, Сэм, я не позволю тебе навредить».

Матушка пришла через час. Тихо постучала в дверь кабинета, дождалась ответа и вошла с неизменной улыбкой на губах.

Она всегда улыбалась. Даже в самые сложные времена, когда сил на борьбу уже не было и казалось, что помощи ждать не откуда. С застывшими слезами на глазах и болью в сердце Энния Корвил не могла допустить, чтобы дети видели её несчастной. Лишь однажды у женщины сдали нервы, лишь раз она показала старшему сыну свою боль.

Но грусть из глаз так сложно убрать и только в последние годы Энния стала по-настоящему счастливой, расцветая и радуясь жизни.

— Дерек.

Леди Корвил с лучистыми светло-голубыми глазами вошла и замерла в центре кабинета.

Мужчина сразу встал со стула и подошёл к матери, беря за руки и целуя их.

— Матушка.

Женщина мягко высвободила одну и провела по густым тёмным волосам сына. Сердце привычно защемило от гордости. Как её мальчик вырос, каким сильным и мудрым он стал.

— Чуть свет и уже на ногах, — с укоризной произнесла она. — А я-то надеялась, чтобы хотя бы эту ночь ты позволишь себе расслабиться и отдохнуть.

Его брачная ночь и Селина, спящая так рядом. Да, всё могло быть иначе. Жаркие объятия, тихие стоны, мягкость перины, податливое тело и горящие огнём глаза. Завтрак в постель, смущение и снова страсть.

Когда-нибудь так и будет.

— Много работы, — коротко ответил тот, отводя взгляд в сторону.

— Её всегда много, но причина ведь в другом? — женщина проницательно взглянула на сына и кивнула своим мыслям. — Значит, я не ошиблась.

— В чём ошиблась? — Дерек развернулся, возвращаясь на место и пытаясь выглядеть спокойным и равнодушным.

Слишком поспешно сел в кресло, не дожидаясь, пока соседнее замёт леди Корвил.

— В напряжении, которое было между вами, — женщина присела, расправив складки утреннего тёмно-синего платья. — Не равнодушные, а что-то большее, глубокое и

болезненное. С её стороны. Но не с твоей. Ты ведь простил её.

— Осуждаешь?

Леди Корвил некоторое время молчала, не зная, что сказать на столь неожиданный вопрос. И, в конце концов, покачала головой с горькой улыбкой на губах.

— Любовь прощает всё, уж я-то знаю. А ты её любил и любишь до сих пор. Что бы ни говорил старый Архольд.

— Это ты ему сказала?

Удивление и непонимание в родных глазах.

— Рассказала о чём?

— О моём побеге. Четыре года назад.

— Что за глупости, Дерек. Зачем мне это делать? И с чего ты взял, что он вообще об этом знал? Мы столько дней не получали вестей о тебе, искали и нашли лишь в тюрьме, — она вздрогнула, вспоминая, какую боль и страх испытала, когда Дерек не вышел на связь.

— Это была не Селина, — тихо произнёс молодой мужчина, перебивая мать.

Женщина замерла и недоверчиво покачала головой.

— Не понимаю. Но те бумаги, слепок. Я же их тоже видела.

— Всё это легко подделать тому, кто обладает искрой. Нужен опыт, умение, деньги, связи и желание.

Леди Энния закрыла на мгновение глаза:

— Хочешь сказать, что он держал тебя в тюрьме все эти месяцы? Это жестоко. Архольд всегда был невыносим, но это слишком даже для него. Он ведь решил сделать тебя своим наследником.

— И сделал. Сама подумай, что бы было, если наш побег с Селиной удался? Я ведь никогда не согласился бы на титул и привилегии. Старый герцог нашёл другие способы уговорить меня. Да и в качестве моей жены Селина деда совершенно не устраивала. Четыре года назад отношения между нашими странами стояли более чем напряжённые. Никто бы не одобрил герцогиню родом из Ванагории, из враждебной семьи. А так дед убил разом двух зайцев. Я ведь был обязан ему за спасение от тюрьмы и благодарен.

— Дерек, — прошептала женщина, прижимая руку к сердцу. — Подожди, мы же ничего точно не знаем. Ты бросаешься такими обвинениями.

Но тот её словно не слышал.

— Он и для Сэм устроил представление. Она меня ненавидит, мам, и не может простить. А я даже не знаю, за что. На наших чувствах сыграли, обманули и развели в разные стороны. Если бы не воля Великих...

— Но это была не я. Дерек, я ничего ему не говорила. Не спорю, герцог спрашивал. Явился за несколько дней до побега, задавал вопросы, выпытывал, но я ничего не сказала. Я ведь знала, как для тебя это важно и молчала.

Корвил промолчал, устало потирая переносицу.

— У меня нет других вариантов. Я знаю, что это был дед. Он с помощью искры обманом разлучил нас с Сэм. А как узнал о побеге, лишь дело техники. Но Селина думает иначе и не знаю, как переубедить её в обратном.

Женщина встала со стула и подошла к сыну, обнимая и прижимая его голову к себе, глядя по волосам.

— Прошло слишком мало времени. Она поверит. Любовь никуда не делась, Дерек. Годы и разлука лишь укрепили её. Я видела, как она смотрела на тебя, как звала, когда ты едва не убил Октавира. Это не просто игра. Кстати, впредь прошу тебя так меня не пугать.

— Прости, — Дерек виновато вздохнул.

— Она любит, но боится. Пойми, после предательства так трудно поверить и принять чувства. Ты главное не спеши, не торопись. А то, что сделал Архольд... Прости его и отпусти. У каждого свои представления о правильности и верности.

Лёгкий шум за дверью заставил герцога настороженно застыть.

— В чём дело? — встрепелулась женщина, увидев, как сын вдруг встал и быстро направился к выходу.

Корвил резко распахнул дверь и выглянул в коридор, чтобы увидеть, как в его сторону идёт Селина.

— Герцог, — девушка замерла на мгновение, но потом довольно быстро взяла себя в руки, подошла ближе и присела в реверансе, склонив голову.

— Селина, — всё мысли исчезли, стоило ему только увидеть свою супругу. — Что ты здесь делаешь?

— Ищу тебя.

— Что-то случилось?

Взгляд голубых глаз — спокойный и ясный. На ней простое серо-голубое платье с белым воротничком и мелкими пуговицами спереди. Длинные рукава, манжеты которых мягко облегли запястья. И никаких драгоценностей, за исключением небольших серёжек с крохотными бриллиантами. Волосы убраны в пучок, а лицо немного бледное, уставшее.

— Нет, — покачала головой. — Спасибо за заботу, но завтрак в постель это лишнее. Я привыкла рано вставать и поэтому готова к исполнению своих обязанностей.

— Обязанностей? — эхом повторил он, думая сейчас об определённых супружеских обязанностях.

— Твоя жена имеет в виду, что вчера ты так и не представил её слугам, — выходя из кабинета, произнесла матушка. — Доброе утро, Ваша светлость.

— Миледи, — Селина тут же присела перед свекровью, опуская взгляд. — Прошу прощения, я не знала, что ты не один.

— Всё хорошо. Мы вчера так толком и не познакомились, — улыбнулась леди Энния.

— Надеюсь, герцогиня, вы найдете время, чтобы встретиться со свекровью?

— Непременно.

— Буду ждать. А сейчас не буду вам мешать, — женщина поцеловала сына в щеку, улыбнулась невестке и направилась по коридору в сторону главной лестницы.

— Прости, я не знала, что ты занят, — вновь произнесла Селина.

— Ты завтракала?

— Нет, еще не успела.

— Я тоже. Составишь мне компанию?

Секундная заминка и неуверенная улыбка.

— Конечно, — и осторожно положила руку на сгиб его локтя.

Глава Одиннадцатая. Соперники и союзники

Первое, что я увидела, открыв глаза утром — подаренный Дерекком зимний букетик, который горничная поставила в низкую хрустальную вазу с водой. Надо же, я и забыла про него. Некоторое время молча изучала букет, который даже не думал увядать. Наоборот словно краше стал. Веточки голубой пихты залоснились, ягодки заалели, а хлопок — чудо-чудное — еще белее стал, как снежок пушистый.

Или может в сумраке утра мне показалось? Ведь так хотелось поверить в эту сказку про любовь, которую он символизировал.

Я помнила о том, где нахожусь и что произошло вечером. Память никуда не делась, но оборачиваться и вставать было страшно. Здесь ли Дерек или уже встал? Как смотреть ему в глаза? Как вести себя?

Попыталась прислушаться, в надежде услышать чужое дыхание и ничего. Сердце так колотило, что заглушало всё.

Надо же, в первый раз делю постель с мужчиной, а чувствую себя так глупо. Застыла на краешке широкой кровати, ладонь под щеку подсунула и лежу, ресницами хлопаю, в одеяло другой рукой вцепившись.

Встать бы. Но халат далеко висит, а ходить перед супругом в сорочке, пусть старой, застиранной и совсем не возбуждающей, было неловко и даже страшно.

Зачем позвала его вчера в постель? Глупая. На слово понадеялась, только обмануть можно, обойти. А ведь поверила.

Несмотря на предательство, на обиду, на боль, которая даже спустя годы продолжила терзать, поверила. И сейчас верила.

Осторожно повернулась на спину, задержав дыхание и прикусив губу, стараясь создавать как можно меньше шума, затем перевела взгляд на другую сторону кровати и... Ничего. Лишь подушка примялась, сохранив след от головы спящего.

Корвил ушел.

Выдох.

Не теряя времени, откинула одеяло в сторону и встала, зарываясь ногами в мягкий ковёр. Быстро подошла к столу, касаясь подушечками пальцев своего букета.

И именно в этот момент едва слышно скрипнула дверь, открываясь.

Сердце дрогнуло, и я резко повернулась, не зная, что делать: за халатом бежать или назад под одеяло прятаться. Надо было сразу одеться. А я медлила.

— О, миледи, — улыбнувшись, произнесла горничная, входя. — Вы уже проснулись? Доброе утро.

— Доброе.

Сердце всё еще колотилось как безумное, а ладони вспотели так сильно, что пришлось вытирать их о ткань сорочки.

— Его Светлость велел не будить вас и принести завтрак в покои. Я сейчас распоряжусь.

— Нет. Не надо. Я спущусь вниз. Подготовь мне одежду, пожалуйста.

— Вы уверены? — девушка замялась и неожиданно покраснела. — Может вам настойка нужна? Обезболивающая. У кухарки есть. Но если надо я и лекаря к вам приведу.

— Лекаря? — недоумённо переспросила я, совершенно не понимая, к чему она завела этот разговор.

Неужели я так плохо выгляжу, что мне нужен лекарь. День вчера был сложный, но не

настолько, чтобы меня таскать по эскулапам и поить травами.

— Да, лекаря, — она покраснела еще больше. — Ежели больно сейчас и ходить тяжело, то он помочь может.

— Тяжело ходить?

Брови поползли вверх, и я уже собиралась уточнить, что именно она имеет в виду, когда неожиданно поняла.

Наша первая ночь с Дерекком. Брачная.

Бросила взгляд в сторону кровати, где сияли белизной простыни и вспыхнула.

— Простите, миледи, я, наверное, не то сказала, — пролепетала девушка, видя, как меняется моё настроение, как поджимаются губы.

— Всё нормально, — я произнесла это резче, чем надо было. Но как же сложно сдерживать боль и тоску в груди. — Спасибо, Элиза, но мне ничего не нужно.

Минут через сорок, переодевшись и окончательно проснувшись, в сопровождении горничной я спустилась по лестнице на первый этаж.

— Кабинет его светлости по правую сторону, третья дверь, — сообщила девушка, указывая в нужном направлении. — Может вас стоит проводить?

— Нет, спасибо.

Некоторое время я стояла в холле, не решаясь продолжить путь. Пару раз глубоко вздохнула, поправила складки платья и только потом решилась.

Но стоило мне сделать пару шагов, как из нужного мне коридора выбежала Одетт. Девушка явно была чем-то расстроена, чёрные глаза горели болью и до меня донеслись сдерживаемые всхлипы. Заметив меня, она замерла на мгновение, покраснела и побежала прочь, свернув в одну из арок.

Странно. Что же ей мог сказать Корвил, что её так расстроило?

Дальнейший день пошёл своим чередом.

После завтрака, который мы провели вдвоём (остальные либо уже уехали, либо еще не встали), супруг представил меня слугам. Дворецкий, экономка, ключница, лакеи, кухарка и прочие. Мне предстояло запомнить их всех и узнать.

Замок жил своей жизнью и смену хозяйки не заметил. Быт был чётко налажен и моё вмешательство особенно не требовалось. Даже к празднику по случаю нашей свадьбы почти всё было готово.

— И что мне делать? — спросила я, прежде чем Архольд вновь решил отправиться к себе в кабинет.

Мы стояли в дверях столовой друг напротив друга.

— Всё, что пожелаешь. Замок и слуги в твоём распоряжении. Ты герцогиня и можешь делать всё, что заблагорассудится. Можешь проверить запасы провианта, составить меню на ужин, написать список покупок.

— Еще скажи, пересчитать серебро и столовые приборы, — вздохнула я рассеяно.

— Можешь пересчитать, если тебе хочется, — улыбнулся мужчина. — Завтра, кстати, придет модистка с образцами тканей и нарядами. Тебе будет чем заняться следующую неделю.

— У меня есть одежда и совсем скоро она будет доставлена в замок.

— Это не обсуждается, Сэм. А после ужина, я передам тебе шкатулку с родовыми драгоценностями Архольдов.

— Это лишнее, — тут же поспешно произнесла я.

— Ты герцогиня.

— Всего на год.

Мой ответ ему явно не понравился.

— И этот год ты должна быть настоящей герцогиней Архольд. Помни, ты обещала. Метка запыхалась на запястье, напоминая о данном слове.

Спорить было бесполезно, и я была вынуждена отступить, признавая его правоту. Дерек взял меня за руку, прижался к ней губами и неожиданно тепло улыбнулся.

— Мне жаль, что я не могу провести с тобой этот день, Селина. Но меня долго не было в замке, надо многое решить.

— Конечно.

— У нас отличная библиотека, которой может позавидовать герцог Марлоу. Чудесная оранжерея с сотней экзотических растений из всех уголков Киа, — руку он всё ещё не отпускал, продолжая смотреть прямо в глаза. — Думаю, матушка с радостью составит тебе компанию.

— Спасибо, я найду, чем заняться.

— Хорошо. В любом случае, если тебе что-нибудь понадобится, я с радостью тебе помогу.

— Спасибо.

Архольд нехотя отпустил руку и отступил на шаг.

— До встречи, Сэм.

— До встречи.

Элиза, которая всё это время тенью стояла за спиной, старательно притворяясь одним из предметов мебели, провела меня в библиотеку.

Именно там через два часа меня и нашла леди Жули Корвил.

Я не сразу почувствовала её присутствие. Погрузившись в чтение, скинула туфельки на пол и с ногами забралась на мягкий диван.

— Ваша светлость, — тихий голос заставил меня вскинуть голову и нахмуриться.

Блондинка, та самая невестка болтушки Ллевели, которая одарила меня презрительным взглядом во время приветствия, стояла прямо передо мной. Красивая, эффектная, одетая в голубой дорожный костюм, украшенный белоснежным кружевом. Идеальная причёска, гладкая, из которой не выбился ни один локон и холодный, враждебный взгляд.

«Чтобы ни случилось, в какой бы ситуации тебя ни застали, всегда держи голову прямо. Будто так и надо, — говорила матушка. — Не показывай неловкости и сомнений. Заставь других почувствовать себя ущербными. Оберни ситуацию в свою пользу. Будь выше всех. Всегда!»

Признаюсь, мне очень хотелось выпрямиться, поправить измятые юбки, надеть туфли и пригладить волосы. Но я лишь отложила книгу в сторону, выжидательно смотря на новоиспеченную родственницу.

Она мне не нравилась. Не могла понять почему. И дело не в отношении, а ведь я ей тоже была несимпатична, дело бы во мне. Один взгляд на неё и сердце отчего-то сжималось от тоски и неприятных ощущений.

— Я вам помешала? — спросила, а сама аккуратно села в кресло, шурша юбками. Ясно, решила поговорить, рассказать что-то и точно не по доброте душевной.

— Вы что-то хотели?

— Пришла выразить вам своё восхищение.

Врёт и даже не пытается это скрыть.

— Я ведь слышала о вас. Много слышала, — улыбнувшись, произнесла молодая женщина и сложила руки на коленях. — И знаю о вашем противостоянии в Академии. О том, как вы воевали с Дерекком.

Дерек... Она так легко называет его по имени. И интонация такая интимная, приглушенная, что я мгновенно напряглась.

— Я ведь тоже искрящая, — неожиданно сообщила Жули. — Только очень слабенькая. Дара почти нет. Я проучилась в академии всего один год. Как раз перед вами.

Да, дар действительно маленький, если я его не ощутила при первой встрече. И сейчас, присмотревшись, видела только слабые отголоски. Или это блокировка? Доверять ей смысла не было.

— Вы знали о том, какой Дерек пользовался популярностью среди студенток? Я не стала исключением. Он умеет быть убедительным. Очень убедительным... страстным. Хорошие девочки всегда влюбляются в плохих парней.

Мечтательная улыбка, от которой внутри всё скрутило от боли.

«Всё в прошлом, Сэм. Клянусь тебе, всё в прошлом! Только ты. Всегда...»

Солгал.

— И что дальше? — спокойно интересуюсь у неё.

— Вы же враждовали, очень сильно враждовали. И вдруг такой контраст. Что переубедило ледяную ванагорийку и заставило довериться и простить того, кого так ненавидела?

Что заставило? Великие, если бы я сама знала. Всё произошло так быстро, так неуловимо и резко.

— Зачем вам это?

— Любопытство. И восхищение. Прощать столько раз. Бескорыстно.

«Глупо», — читалось в её глазах.

Возможно она права.

Я очень хорошо помнила ту неделю после нашего разговора с Дерекком в библиотеке. Его отношение изменилось в одно мгновение — больше не было шуточек, издевательств, замечаний и каверз.

«Готовится к экзаменам. Ему сейчас не до тебя», — утешала Айола.

А я знала, что это не так и сходила с ума. Это была тяжелая неделя, выматывающая не физически, а эмоционально. Меня будто привязали к Корвилу. Я везде чувствовала его присутствие, ощущала взгляд, хотя это было невозможно. Задыхалась, оборачивалась, искала пронзительные чёрные глаза и едва не рыдала от разочарования.

Ночами было еще хуже.

Каждую ночь Дерек приходил ко мне во сне, касался, целовал, и я со стоном подавалась ему навстречу, моля не останавливаться и не оставлять меня.

А утром, проснувшись, сгорала от стыда и непонятной тоски.

Так продолжалось неделю. Айола спрашивала, что со мной, не больна ли я. А я стала нервной, раздражительной и готова была взорваться в любой момент.

В конце концов, выдержка оставила.

— Прекрати это!

Я сама подкараулила Корвила после занятий, поймала и затащила в укромный уголок.

Сопrotивляться молодой человек не стал, как и отвечать. Просто стоял, хрипло дыша и не сводя с меня тяжелого взгляда.

А ведь он тоже устал. Под глазами залегли круги, и двигался он так, будто было больно.

— Ты слышишь? Я не могу так больше! Оставь меня в покое.

— Это не я, — неожиданно глухо, произнёс он. — Это всё она. Великая.

— Нет. Ты лжешь!

— Сэм, — голос усталый и безжизненный. — Ты приходишь ко мне каждую ночь. Я везде чувствую твоё присутствие, вдыхаю запах тела, слышу тихий смех. Это сводит с ума.

— Неправда. Не может быть.

Вся храбрость исчезает, поняв, пленниками кого мы стали.

— Но ты права, это стоит прекратить, — вдруг тихо продолжил Дерек, качнулся в сторону, схватил за талию и притянул к себе.

Его губы во сне были сладкими и нежными, они заставляли тело плавиться будто воск. Но реальность оказалась лучше, намного лучше. Я замерла всего на мгновение, чтобы потом с тихим стоном обхватить его за шею и ответить на поцелуй.

Сил бороться с собой и чувствами, которые пробудила Великая, больше не было. И это стало началом конца.

— Это всё? — вырываясь из воспоминаний, спросила у блондинки, которая продолжала неподвижно сидеть, ожидая моего ответа.

— Вы простили ему то, что не простила ни одна женщина, — сказала Жули. — Но мне искренне жаль, что наша первая встреча получилась такой грустной.

Сказала и встала.

— Первая встреча? — непонимающе спросила я. — Это вы про Октавира?

— Надо же, вы меня не узнали? — и снова эта улыбка, от которой прошёлся мороз по коже.

— Не понимаю.

— Конечно, вы же почти ничего не видели тогда. Четыре года назад. Меня закрывала спина Дерек.

Всего пару слов и из легких будто вышибли весь воздух. Нечем дышать. Я прижала руку к горлу, смотря прямо в холодные голубые глаза и лицо, искаженное торжествующей улыбкой.

— Ты? — с трудом прохрипела.

— Я. Та, которую он всегда любил! Та, которую был вынужден скрывать. Та, которая должна была стать герцогиней, а стала лишь любовницей, — прошепела она. — Ты, кстати, видела моего сына? Нет, не видела, но скоро познакомишься. Он так похож на своего отца. Истинный Архольд. А ты всегда будешь второй. Всегда! Так что не расслабляйся, герцогиня.

Она ушла.

Я не видела, потому что смотреть на эту красивую холёную и самоуверенную блондинку,

не было сил. Но она ушла. Я почувствовала это по обстановке, по тишине, которая оглушала и сводила с ума, по тому, как внутри будто лопнуло что-то, выплёскивая боль, которая копилась столько лет.

Тело не слушалось, став чужим, неповоротливым, громоздким.

Я сползла вниз с дивана, становясь на колени и опираясь ладонями о пол. Упираясь взглядом в пёстрый ковёр и не видя ничего перед собой.

Голова кружилась и было трудно дышать. До такой степени трудно, что еще немного, и я начну терять сознание от недостатка кислорода.

Когда четыре года назад Лео нашёл меня в той комнате, счастливую, улыбающуюся и влюблённую, я ему не поверила.

— Корвилу нужны лишь деньги. Приданое, обещанное за тебя отцом, — резко и сухо говорил брат, пытаясь достучаться до глупой девчонки.

— Ты не знаешь его.

— Знаю. Селина, он изменяет тебе, играет, как кошка мышкой.

— Не правда.

Я не верила. Даже тени сомнения не возникло. Я знала, что Дерек не предаст, не обманет. Мы любим друг друга, и мы женаты. Это не изменить. И власти Леонард больше не имеет. Я не принадлежу семье, не принадлежу ему. Я Корвил. Жена Дерекка.

— Что он тебе сказал? Какую ложь придумал?

— Я всё равно не скажу тебе, где он, — гордо вскинула подбородок и скрестила руки на груди. — Ты просто не можешь его найти и поэтому бесишься.

— Гостиница «Красное солнце», — вдруг тихо ответил Лео. — Он сейчас там.

— Нет, — покачала головой.

— Мне жаль.

Не жаль — взгляд равнодушный, лицо холодное и замкнутое.

— Это неправда.

— Селина...

— И я тебе докажу, — схватила сумку и бросилась вон из тёмной мансардной комнаты.

— Не надо, — Лео пошёл следом.

Но это лишь слова, он не делает попыток остановить меня силой.

— Надо.

Я знаю, где находится эта гостиница, и путь занимает от силы минут пятнадцать. Лео всё ещё пытается отговорить, но я не слушаю. Слепая уверенность в муже и в нас.

Я не верю, даже когда узнаю номер комнаты, поднявшись по скрипучим ступеням на третий этаж, иду дальше по длинному коридору.

За нужной дверью слышу приглушенные стоны и бессвязный шепот.

В этот момент дверь неожиданно поддаётся и бесшумно открывается, и реальность обрушивается на меня звуками, запахами и чужой страстью.

Я вижу Дерекка. Его обнажённую спину с двумя жуткими шрамами поперёк, его чёрные волосы, слышу его дыхание, такое знакомое и родное. Он ритмично качается, вызывая новые стоны у золотоволосой блондинки под ним. Я так ярко и отчётливо видела, как её острые ногти царапали кожу на спине, оставляя кровавые разводы и вызывая глухой

рыку мужчины. Моего мужчины.

Эмоций нет. Во мне будто что-то разом умерло.

Шаг назад, чтобы тут же попасть в объятия Лео, который крепко держит, не давая упасть. Я внезапно чувствую, что он хочет сделать и мотаю головой, умоляя:

— Уведи меня отсюда.

Я вижу сомнения брата, как он хмурится, собираясь отказать, но видимо что-то в моём лице вынуждает Леонарда неохотно согласиться.

Обратный путь я не помню и прихожу в себя уже в комнате. Не той, которую снимали мы с Дерексом на последние сбережения.

Это настоящие апартаменты, удобные и богато обставленные.

Боли всё ещё нет. Внутри всё замерзло, а в душе пустота.

Не знаю, сколько я так сижу, уставившись в одну точку, когда вновь появляется Лео, он держит меня за руки и что-то говорит. Но я не сразу понимаю, что брат от меня хочет.

— Скажи, куда он направился? Куда Корвил собирался идти?

— Что? — прошептала в ответ, принимая из его рук стакан с водой.

Пить не хочется. Мне и так холодно — до дрожи и озноба по телу.

— Он ушёл из «Красного солнца», мои люди не успели. И как только смог? Я ведь сразу послал... Где он, Селина? Его ищут. Скажи. Ты должна. После того, что он сделал с тобой. Ты должна.

Должна? Кому? Что? Будто месть сможет убрать этот холод, сковавший сердце и уничтоживший чувства.

Покачала головой, а сама ощутила солёную влагу на своих щеках и губах. Слёзы. Они ручьем потекли из глаз, оставляя после себя изогнутые дорожки.

— Увези меня отсюда.

Лео дрогнул, не сводя с меня тяжелого взгляда. Впервые я вижу в нём проблеск эмоций: жалость и боль. Промелькнуло и пропало.

Снова маска.

У нас у всех маски. Всюду ложь. И боль.

— Хорошо. Но сначала надо отправиться в храм и признать брак недействительным.

Кивнула и закусила губу, пытаясь вызвать у себя хоть какие-то эмоции. Но ничего нет. Только холод и застывшее в муках сердце. Я чувствую солёную горечь во рту от крови и только.

Оставшийся день прошёл как в тумане. Храм, где я собственноручно сожгла ленту, которая только утром соединила наши запястья, портал, долгая дорога домой и комната, потолок которой вдруг завертелся перед глазами, стоило войти в холл.

А ночью пришла горячка.

События следующего месяца я узнала уже из рассказов других: Конни, няни, матушки и медицинских сестёр. Для меня эти дни просто исчезли из жизни.

Высокая температура, жар и бред. Говорят, я разговаривала, металась, плакала и звала кого-то. Проклинала и любила.

— Простуда, — решили доктора, вызванные из столицы.

Но шли дни, а мне становилось только хуже. В сознание я так и не приходила,

отказывалась есть и жить.

— Проклята, — сообщил искрящийся, которого на пятые стуки привёз Лео.

Как раз после того, как брат чудом успел снять меня с парапета, на котором я стояла в одной сорочке, разведя руки в стороны и делая шаг, чтобы упасть камнем вниз.

Несмотря на все усилия, проклятье не снималось и с каждым днём становилось всё сильнее, крепче въедалось в кожу, не желая отпустить жертву, угодившую в силки собственной глупости.

Тогда меня и отправили в Академию, к самым сильным искрящим. Надежд почти не осталось.

Говорят, меня осматривал сам ректор. Одного взгляда на моё иссушенное, измученное тело хватило, чтобы вынести вердикт.

— Она убивает себя. Сама себя прокляла. Поэтому и излечить не получается. Не даёт. Сильная.

— И что теперь делать? — Лео почти рычал от бессилия.

Говорят, он тоже сильно исхудал за эти дни, словно винил себя в произошедшем.

— Перегореть. Сгореть и выжить. А мы проследим, чтобы очнулась. Она сильная и выстоит. Сильнее, чем принято считать.

Когда я говорила, что любовь Дерека — огонь, который выжжет меня изнутри, я не лгала. Так и было.

Пришла в себя через две недели, находясь в отдельной палате госпиталя при Академии. Уставшая, разбитая, но живая.

Именно страх перед повторением, заставил родителей позволить мне отучиться еще год, потом еще, потом помог Эйдан.

К началу второго курса я уже пришла в себя и могла улыбаться.

Над пеплом сгоревшей души билось новое сердце, я научилась жить дальше. Без Дерека Корвила.

А теперь всё заново...

Я снова чувствовала знакомую тупую боль в груди. Снова полыхала огнём душа.

— Не надо. Не хочу. Не могу...

А сама готова была рыдать в голос.

Как же так? Ведь всё прошло. Я выжгла чувства из своего сердца! Выжгла, уничтожила, переродилась. Но тогда почему опять так больно? Почему от слёз я едва дышу?

— Селина? — я почти не слышала этот смутно знакомый голос, но почувствовала прикосновения, осторожные и нежные. — Селина? О, Великие! Девочка, да что с тобой? Тебе плохо?

Повернув голову и позволяя себя поднять, я смотрела в полные сочувствия голубые глаза.

— На тебе лица нет. Что случилось? Позвать Дерека?

— Н-нет.

«Только не его!»

Леди Энния всё понимает. Не знаю как, но понимает. Зрачки расширяются, и она неожиданно кивает.

— Эльза, помоги мне отвести герцогиню в мои покои.

— Да, миледи, — раздаётся рядом голос моей новой горничной.

— Принеси молока с мёдом и ни слова герцогу. Ты поняла меня?

— Да.

Вдвоём они провели меня в покои леди Эннии и помогли сесть в кресло. Только там я дала выход боли и позволила себе расплакаться.

Истерика погасла, так и не успев начаться.

Допив до дна молоко с мёдом, я еще некоторое время сжимала в руках пустой стакан, невидяще глядя перед собой. Искра затихла и больше не подавляла сознание. Можно было обдумать всё сказанное Жули, но желаний почему-то не было. Мне совершенно не хотелось вновь погружаться в эту грязь и боль.

А ещё меня смущала свекровь. Я не привыкла, чтобы кто-то становился свидетелем моей слабости, тем более мать моего бывшего-настоящего мужа.

Женщина практически всё это время простояла у окна, касаясь тонкими пальчиками невесомого тюля и не пытаясь заговорить, спросить о чём-то, хотя ей не могло быть не любопытно. Но она давала мне прийти в себя.

— Спасибо за помощь, — наконец, произнесла я, когда молчать не было сил.

— Не переживай, Дереку никто не сообщит. Если он сам не спросит, конечно, — произнесла она, поворачиваясь. — Лгать герцогу точно не станут.

— Спасибо.

Поставив стакан на журнальный столик, я уже собралась вставать, как меня остановил неожиданный вопрос свекрови.

— Ты ведь не хочешь ему рассказать, что произошло в библиотеке? И о чём ты разговаривала с Жули?

— Пока нет.

Леди Энния понимающе хмыкнула и подошла ближе, присаживаясь на одно из кресел.

— Я ведь давно хотела с тобой познакомиться, — тихо произнесла женщина и я смутилась под пристальным взглядом светлых глаз. — Дерек ведь рассказал тебе о том, как мы жили эти годы? Об отношениях со своим отцом?

— Да, — скрывать я не стала, но чувство неловкости усилилось.

— Сын всегда был моей поддержкой и плечом, на которое я могла опереться. Даже будучи совсем маленьким, он помогал мне выжить и выстоять. Но из-за этого лишился детства, слишком рано став взрослым. Всегда собранный, уверенный, сильный. А четыре года назад всё изменилось.

Нет, я не могла с ней об этом говорить.

— Я...

Женщина не дала закончить фразу, мягко перебив:

— Ты просто выслушай меня, пожалуйста. Я не собираюсь винить тебя и защищать его. Я просто хочу понять, что произошло тогда и почему всё рухнуло. Если бы ты знала, как он говорил о тебе, как горели от счастья его глаза. Я сразу поняла, что мой мальчик влюблён, — грустная улыбка осветила нежные черты лица. — Когда Дерек сказал, что вы собираетесь сбежать, я его поддержала, хотя и понимала, что это не выход. Но он был так счастлив. Каждая мать желает счастья своему ребёнку.

Леди Энния молчала, и я не знала, что сказать. И уйти не хотелось. Ведь знала, что меня

силой удерживать никто не будет. Но почему-то продолжала сидеть, смотря на свекровь и вслушиваясь в каждое слово.

— Я ведь тоже видела копии допросов и заявлений, слепок твоей ауры, — вдруг произнесла она.

— Я этого не делала. Не сдавала Дереха, — спокойно ответила ей.

Скрывать мне было нечего и оправдываться не имело смысла.

— Да, я знаю. Искрящие могут многое, особенно обладая силой и нужными связями. Знаешь, я хотела тебе кое-что показать, — женщина вдруг поднялась и подошла к столику, вытаскивая из ящика пожелтевший листок бумаги, который протянула мне.

Ванагорийский «Сплетник» пятимесячной давности. Пожелтевший, измятый и потом тщательно разглаженный. Я помнила этот выпуск. В нём было объявление о нашей свадьбе с Эйданом. Перевернув листок, взглянула на наш портрет и только потом посмотрела на свекровь.

— Откуда у вас это?

— Ты знала, что Дерек тоже собирался жениться?

— Да.

Я совсем запуталась в этих скачках информации и непонятных вопросах.

— Леди Альвира является родственницей герцога Марлоу. Это очень выгодный союз для обоих семейств. И девушка давно влюблена в моего сына. Вот только он не спешил делать предложения, откладывал, тянул время, пока всё не изменилось. В один день. Утром пришла почта из Ванагории, Дерек был у себя в кабинете, когда случился выброс.

— Выброс? — тихо переспросила я.

— Да. Магический выброс. Ему с трудом удалось выстоять и успокоиться. Я видела, как ему больно, но помочь ничем не могла. Это страшнее всего, видеть и не иметь возможность помочь, облегчить страдания, — в её голосе была самая настоящая боль. — Придя в себя, Дерек велел оседлать коня и уехал. А в разрушенном кабинете среди осколков я нашла вот эту заметку из газеты. Именно в этот день мой сын попросил руки леди Альвиры, настаивая, чтобы свадьбу сыграли как можно скорее.

— Зачем вы мне это рассказываете?

— Чтобы ты увидела моего сына с другой стороны, поняла мотивы его поступков. Неужели ты не задумывалась, что, подставив тебя с доносом, они могли подставить и его?

Думала. И не раз за последние дни.

— Я видела всё своими глазами.

— Документы и слепок я тоже видела и держала в руках. А твой побег, признание брака недействительным и исчезновение на несколько месяцев — всё это указывало, что именно ты его обвинила в предательстве и шпионаже.

— Он тоже не искал со мной встречи. Не пытался узнать, что со мной случилось. Глупо, мелко, но промолчать я не могла.

— Дерек несколько месяцев провёл в тюрьме, ему грозила каторга или смерть.

Вот этого я точно не ожидала.

— Что?

Леди Энния покачала головой и горько улыбнулась.

— Дети. Какие вы всё-таки дети. Спрятались каждый в своей норке и молчите, копите

обида, сжигаете свои чувства. Почему бы просто не поговорить? Почему не выяснить всё от начала и до конца?

— Потому что это больно.

— А жить, ненавидя и любя, не больно? Выходить замуж за человека, которого не любишь, не больно? Вас разлучили, намеренно, жестоко. Сломали, растоптали, а вы позволили и до сих пор позволяете.

— Вы не знаете...

— Знаю, Селина. Меня тоже ломали, унижали, предавали и бросали. И я знаю, как это тяжело вновь научиться верить. Как трудно отпустить прошлое и взглянуть в глаза своим страхам. Когда я согласилась стать женой Найджела, то пожалела лишь об одном. Что не сделала этого раньше. Вас уже лишили четырёх лет счастливой жизни. Не давай им победить.

— Зачем всё это? Я ведь причинила столько боли вашему сыну.

— Да. Но только ты можешь сделать его счастливым. Я не прошу тебя верить моим или его словам. Я прошу просто послушать и услышать. А выводы сделаешь сама. Неужели лучше травить себя догадками и домыслами вместо того, чтобы услышать правду? Или ты думаешь, что Жули тебе всё рассказала по доброте душевной? А ведь ты сейчас ей подыгрываешь.

Права.

Конечно же, леди Энния права.

Но страх разговора никуда не делся. Ведь в любом случае правда мне не понравится. Если Дерек признается в измене, будет больно, если её не было, будет больнее вдвойне. Потому что всё окажется ошибкой и мне заново придётся научиться жить. А сейчас так комфортно, в неведении, в собственных обидах.

Горько, больно, противно и невыносимо.

Неожиданно я поняла, что больше так не могу. Не могу скрываться в своей скорлупе, не могу молчать.

— Спасибо, — встав, благодарно кивнула свекрови.

— Селина...

— Мне надо идти... прошу прощения, — и быстро вышла.

По коридору к лестнице, всё ускоряясь, сбежала по ступенькам, так, будто за мной гнались. Снова коридоры, слуги, которые замирали, удивлённо глядя мне вслед.

Застыть перед дверью в кабинет, с трудом переводя дыхание, чувствуя, как бешено стучит сердце.

Осторожный стук и приглушенный ответ:

— Входите.

Войти, и встать, прижимаясь спиной к двери, смотря на человека, которого когда-то любила так, что готова была умереть.

— Сэм?

Он ведь всегда меня чувствовал и знал. Вот и сейчас я видела, как тревогой засияли его глаза, как Дерек медленно поднялся с кресла, ощущая мою боль и сомнения.

Сглотнула и выдала:

— Жули Корвил твоя любовница?

Глава Двенадцатая. Правда и её принятие

Я отлично знала, что вопрос глупый, неправильный, но мне нужно было видеть лицо Дерек, отследить реакцию мужчины, которая могла так много сказать.

Удивление, понимание и неожиданное спокойствие.

— Может, присядешь? — супруг указал на кресло. — Я так понимаю, разговор у нас будет долгим и сложным. Поэтому лучше присядь.

— Ты не ответил на мой вопрос, — напомнила ему, продолжая прижиматься спиной к двери, чувствуя каждую выемку и шероховатость сквозь ткань платья.

Корвил сощурился, наблюдая за моим состоянием и уверенно произнёс:

— Нет. Я никогда не спал с Жули Корвил. Не в моих правилах заводить романы с замужними девушками. А вот с Жули Соре у меня был короткий роман почти шесть лет назад.

Голос ровный. Архольд ни разу не замаялся, не запнулся и не застыл, пытаюсь придумать ложь или отговорку.

И взгляд открытый, честный, прямой. Он не лгал мне сейчас.

— А её ребёнок?

— А что с ребёнком?

Замешательство тоже настоящее. Как и ярость, ослепляющая, яркая и безумная, когда Архольд понял причину моего вопроса.

— Стерва, — он оговорил негромко, но я вздрогнула от страха, такой ненавистью было пропитано каждое слово. — Что это стерва тебе сказала? Что наплела? Убью!

Корвил даже вышел из-за стола и сделал два шага в сторону двери и остановился только, услышав моё тихое:

— Я видела вас в гостинице четыре года назад.

— Что?!

Набрала в грудь побольше воздуха и произнесла чётко и ровно, чувствуя, как от боли вновь сжимается сердце:

— Четыре года назад я видела тебя и Жули в постели.

Как же было трудно заставить себя не отвести взгляд и смотреть в чёрные как ночь глаза. Смотреть и говорить.

— Так вот что он выбрал, — наконец, ответил Дерек. — Умно. Предательство так трудно простить. И для тебя, и для меня... Ты согласишься, если скажу, что тогда это был не я?

— Не знаю, — честно призналась ему.

— Но это действительно был не я. Селина, — голос стал хриплым, сорвался, когда Дерек преодолел разделяющее нас расстояние и осторожно коснулся рукой моего лица. Мимолётная ласка, которая не прошла незаметно для измученной души. — Я не изменял тебе. Бездна, да я тогда дожидаться не мог, когда вернусь, обниму тебя, уложу на скрипучую кровать в той мансардной комнатке и сделаю своей. От начала и до конца. Зачем другие, когда у меня была ты?

С каждым произнесённым словом его голос становится всё тише и проникновеннее.

Великие, как же вкусно от него пахло. Едва уловимый аромат ладанума, муската, нотка жасмина и более яркие тона кедра.

— Ты хочешь сказать, это была иллюзия? — мой голос звучит сипло и Дерек это замечает.

Кожа на его ладони шершавая и мягкое поглаживание по щеке вызывает дрожь по телу.

— Меньше чем через час после того, как я ушёл от тебя, меня задержал патруль и посадил за решётку. Копия допроса есть, если хочешь покажу.

— Не хочу.

Нет, сил смотреть на это не было.

— Я не мог быть в той гостинице. Я не изменял тебе.

Не лжёт.

Великие, как же больно. Как невыносимо больно и горько.

— Они всё подстроили, — прошептала и закусил губу, пытаясь хоть как-то прийти в себя.

— Инициатором и идейным вдохновителем был мой дед. Ему нужен был наследник и он его получил.

— И Леонард был с ним заодно.

Дерек ничего не сказал, лишь кивнул едва заметно.

— Они уничтожили нас, сломали.

— Нет, — муж обхватывает моё лицо ладонями и заставляет смотреть прямо в глаза. — Ничего не кончено. Великие дали нам еще один шанс, Сэм. Мы женаты, мы вместе. И знаем правду. Всё ещё можно изменить.

Слёзы жгли глаза, когда я медленно покачала головой.

— Изменить ничего нельзя. Прошлое не вернуть.

— Можно. Всё можно, если захотеть.

От рыка Корвила сжалось сердце.

Подняв руку, нежно коснулась его лица, ощущая, как мягко покалывает щетина на коже.

— Я сгорела, Дерек.

— Что? — его пальцы, стирающие слёзы с моих щек, дрогнули.

Не понимает.

— Я сгорела. Едва не убила себя. Мне было так больно, что я призвала искру, чтобы уничтожить саму память о тебе, чтобы забыть.

— Сэм...

Слезы ручейками вновь сбежали по щекам, но я почти ничего не замечала. Лишь я и он. Чёрные глаза, в которых горит боль, эхо той, что душила меня.

— Ничего не осталось. Лишь пепел и боль.

— Это не так.

Руки опустились ниже и крепко схватили за плечи. Кажется, Дерек едва сдерживался, чтобы не встряхнуть меня и не заставить одуматься.

Если бы всё было так просто.

Надо отдать должное, Корвил довольно быстро пришёл в себя и ослабил болезненную

хватку.

— Хорошо. Пусть так. Согласен. Былого не вернуть. Но ведь наше будущее зависит лишь от нас. Мои чувства никуда не делись, Сэм.

— Дерек, я не могу так быстро. Всего пару дней назад я собиралась замуж за Эйдана. Я люблю его, — сказала и запнулась, увидев, как потемнело лицо мужа. — Любила... Не знаю. Я уже запуталась. Всё произошло слишком быстро. Мне надо разобраться, подумать, осознать. Научиться жить с этой правдой. Я четыре года ненавидела тебя. Четыре года прокручивала в голове ту сцену в гостинице. А теперь выясняется, что всё увиденное ложь. Все лгали.

— Я не дам тебе закрыться. Не дам уйти и спрятаться от меня. Только не сейчас! Конечно, не даст, когда всё открылось.

— Просто дай мне время. Не дави. Это всё, о чём я прошу.

Я видела, как ему было трудно согласиться и принять мою просьбу. Но Дерек кивнул, прижался лбом к моему лбу и глухо произнёс с коротким смешком:

— Мне придётся перейти в другие покои.

Я не могла не улыбнуться в ответ — робко и нерешительно.

— Спасибо за понимание.

Но супруг отказывался так просто сдаваться.

— Неделя, Селина, — произнёс он выпрямляясь. — Я дам тебе неделю, а потом пойду в атаку. Сразу после бала в честь нашей свадьбы.

Неделя. Так много и так мало.

— Хорошо.

— Сэм...

Я видела, как Архольд начал наклоняться к моим губам. Сомнений в том, что он задумал, у меня не было. Сердце застучало, кровь загудела в ушах, оглушая и вспыхивая румянцем на щеках, но я быстро отвернулась и покачала головой.

— Мне надо идти.

— Хорошо, — Дерек отпустил меня и отступил назад. — У меня работы много, так что на ужин я не приду. Встретимся вечером, я принесу драгоценности.

— Да, я помню, — нащупав ручку, ответила ему. — Тогда до вечера.

— До вечера... Сэм?

Я уже почти вышла и замерла тревожно на него глядя:

— Что?

— Я рад, что мы поговорили и всё выяснили.

— Ия... рада.

Я вернулась к себе в покои. Со стороны всё выглядело как обычно, я шла по коридору, кивала слугам, которые раскланивались перед молодой герцогиней, стремясь завоевать расположение, и даже пару раз улыбнулась. Но если бы все они знали, какой пожар бушевал в груди.

Только закрыв замок на ключ, я смогла дать волю чувствам.

С тихим стоном опустилась на пол прямо под дверь на холодный каменный пол. Спрятала лицо в руках, раскачиваясь из стороны в сторону.

Как же это всё пережить? Как принять? Как осознать, что столько лет жила во лжи?

Правда. А нужна ли она мне? Хочу ли я снова окунуться в омут обжигающего пламени? Готова ли снова пройти через это? Или стоит вернуться в спокойную гавань с Эйданом?

С виконтом Санроу всё будет гораздо проще, легче и спокойнее. Ровно, гладко, не опасно.

А внутренний голос ехидно добавил: «Как есть пресную пищу после острых и разнообразных специй».

Но ведь жила как-то до этого.

«Жила или существовала?»

Великие, если бы я сама знала.

Неделя. Это много или мало?

Много... Когда длинными ночами не можешь уснуть, ворочаясь с одного бока на другой, а если всё-таки забываешься сном, то и там нет покоя от сладких воспоминаний и грешных прикосновений. Теперь я не могла прогнать их прочь, как раньше. Не могла заморозить своё сердце. Оно знало правду.

И каждое утро просыпаясь, я смотрела на букет, который не думал увядать, поражая яркими красками и нежным ароматом.

Мало... Когда встречаешься каждый день, смотришь на него и вспыхиваешь от восхищения, которое огнём горит в чёрном пламени взгляда.

Мне никуда не деться от него, негде спрятаться. Дерек находит меня или это вновь игра Великих?

Примерка многочисленных нарядов, последняя подготовка к предстоящему празднику и беседы со свекровью. Леди Энния как-то незаметно стала другом и советчиком. С ней было легко и даже молчание не казалось неловким.

Одетт всё ещё меня сторонилась и не показывалась на глаза, проводя почти всё время в своих покоях. Утром она завтракала раньше меня, вставая на рассвете, на обед в столовой не появлялась, а ужинала у себя.

— Она тебя примет, — говорила леди Энния, — Одетт хорошая девочка, но слишком импульсивная, и она так любит брата и боится, что ты вновь причинишь ему боль.

И встречи с Дерекком... Незапланированные, неожиданные, которые накрывали с головой и сводили с ума. Любая из них была уникальна и неповторима.

Даже когда мужчина вечером принёс шкатулку с родовыми украшениями Архольдов и уговорил примерить сапфировый гарнитур. Когда застёгивал замок на ожерелье, ласково касаясь шеи. Этот контраст горячих пальцев и холода драгоценного металла вызывал дрожь.

— Оно великолепно, — прошептала я, смотря на наше отражение, на мужчину, стоящего за моей спиной, и коснулась подушечками пальцев ярко-синих камней в окружении бриллиантов.

— Великолепно, — повторил Дерек едва слышно.

И почему-то я была уверена, что супруг говорил не об ожерелье. Теперь, когда таится смысла не было, всё будто вернулось на четыре года назад. Вот только мы оба были другими, чужими, незнакомыми, сломленными и выжившими.

Будет ли достаточно чувств? И что делать, когда они погаснут?

— Синий и золото, — отводя взгляд, произнесла я и коснулась тяжелых серёжек. — Родовые цвета Архольдов. Этот гарнитур идеально подходит под бальное платье.

— И под цвет твоих глаз.

— Да. Спасибо.

Неловкость. Молчание и взгляд, который говорил больше, чем все слова на свете.

На второй день была встреча в зимнем саду. Вырвавшись из крепких рук модистки, которая продержала меня на постаменте более четырёх часов, я сбежала туда, пытаюсь отдохнуть и избавиться от головной боли.

Бесцельно бродила по огромному залу с открытыми арками. На гранитных выступях красиво располагались вазоны с цветами, кустарники и даже деревья. Сверху спускались лозы дикого винограда и других вьющихся цветов. Посредине круглый водоём с небольшим фонтаном, в котором плавали крохотные оранжевые рыбки.

Сев на парапет, я наклонилась ниже, касаясь ладонью прохладной воды, разгоняя мальков.

Как же здесь было хорошо и пахло свежей травой, полевыми цветами и летом. Я любила все времена года и зиму тоже, но сейчас мне так не хватало солнца и тепла.

Я так задумалась, что не сразу услышала приглушённые шаги.

— Селина? — удивлённо воскликнул Дерек, останавливаясь передо мной. — Ты здесь.

— Я здесь, — поднявшись, я неловко вытерла руку о подол домашнего платья. — Ты искал меня?

— Что? Нет. Обычно я прихожу сюда развеяться, когда от бумаг и чисел начинает болеть голова. Здесь дышится легче.

— Да, ты прав. Здесь очень хорошо. Я не буду тебя отвлекать. Отдыхай.

И попыталась уйти.

— Сэм, — Дерек поймал меня за ладошку и осторожно сжал. — Я не хочу, чтобы ты уходила. И я совсем не против компании.

— Я не уверена...

— Расскажи мне об Академии, — попросил Архольд, мягко перебив меня и отпуская руку.

«Расскажи, как жила без меня эти годы», — читалось в его глазах.

Следующий час мы просто разговаривали. Медленно бродили меж статуй, деревьев и кустарников и разговаривали, тактично обходя опасные и тяжелые темы.

В конце я даже расслабилась и искренне смеялась ненавязчивым шуткам мужа.

А на третий день мы случайно столкнулись в покоях леди Эннии. Свекровь срочно вышла, а я осталась с маленьким Хеном. Он не был похож на Корвиллов, унаследовал мягкую красоту матери, разве что цвет волос был тёмный. Меня он сразу принял в отличие от Одетт и любил забираться на колени, играя рюшами платья или ниткой жемчуга.

Так вот тем вечером свекровь выскочила на минутку, Хен вновь забрался на колени, обнял меня и неожиданно задремал.

Можно было положить малыша на диван, но он был такой тёплый, так доверчиво прижимался ко мне, что я не смогла. Всегда любила детей и мечтала о своих. Так я и сидела, покачивая мальчика и тихо напевая колыбельную. Её пела мне старая нянюшка, когда я была совсем маленькой.

Именно за этим занятием меня и застал Дерек. Не знаю, о чём он думал, смотря на нас, но я от неожиданности замолчала, а в голове занозой застучало: «А ведь всё могло сложиться иначе и нашему ребёнку сейчас было бы столько же...»

Видимо и Архольду пришла в голову эта мысль, потому что взгляд стал таким острым, что я тяжело сглотнула и только и смогла, что прошептать:

— Неделя. Ты обещал мне.

Неделя, которая уже подходила к концу. А что потом? Что будет, когда Дерек запустит обаяние на полную мощность? Я ведь не смогу устоять. И захочу ли?

Меня спасло появление свекрови. Женщина быстро вошла в покои, увидев нас, тихо охнула и попыталась выйти, потом передумала и застыла, переводя взгляд с одного на другого.

А я снова сбежала.

День тянулся за днём.

Замок жил своей жизнью, а его хозяева никак не могли разобраться со своей.

Из болтовни Эльзы, которая взяла в привычку каждое утро и вечер сообщать мне последние новости и сплетни, я узнала, что леди Жули была срочно отправлена с сыном на минеральные воды.

— Странно это, — сооружая мне на голове венок из кос, сообщила горничная. — Зачем это понадобилось, да еще так скоро, накануне праздника. Ведь о вашей свадьбе такие слухи ходят и совсем скоро станут гости съезжаться. Все хотят познакомиться с молодой герцогиней. А тут такой скорый и непонятный отъезд. Говорят, что это герцог поспособствовал. Только зачем ему это надо?

Я-то ответ знала, но лишь молчала и кивала.

После спросила у мужа напрямую, зачем он это сделал и чего добивался.

— А ты как думаешь? — Дерек тёмной тенью стоял у окна в кабинете.

В последние дни он много времени проводил за бумагами и почти не выходил. С одной стороны, это было хорошо. Чем меньше мы встречались, тем спокойнее мне было. А с другой — я скучала. Сильно, безумно и сама себя не понимала.

— Если бы я знала, то не стала бы спрашивать, — тихо ответила ему.

— Я просто не хочу, чтобы она травила нам жизнь своей ревностью и ядом. Я не изгнал её навеки. На время, — Корвил сложил руки на груди и добавил. — Еще причина в том, что боюсь в следующую нашу встречу просто её уничтожить. Ты видела, что я чуть не сделал с братом, Сэм? Сейчас будет хуже. Она сломала мою жизнь, наши жизни. Тут никакое хладнокровие не поможет. Я её просто убью.

С каждым словом черты его лица становились всё жёстче, а глаза черней. Неприятный холодок прошёлся по позвоночнику, и я невольно отступила на шаг.

— Я понимаю.

Сейчас мне хотелось как можно быстрее уйти отсюда, сбежать от этого обжигающего взгляда, от которого сердце пойманной птицей трепыхалось в груди.

— Ты меня боишься? — вдруг тихо спросил Дерек.

Солгать или сказать правду? Я не знала, поэтому задала свой вопрос.

— А не должна?

— Я никогда не причиню тебе вреда.

Это меня несколько не успокоило, хотя я знала, что он не врёт мне сейчас.

— А остальным?

— Этого обещать не могу. И еще. У меня к тебе просьба. Ты помнишь Клода? Моего

дорогого племянника.

Тот самый юркий, скользкий, сероглазый молодой мужчина, который целовал мою руку неприлично долго.

— Да.

— Прошу тебя, не оставайся с ним наедине. Дело не в только в ревности, я беспокоюсь о твоей безопасности, Сэм. Клод, конечно, симпатичный, красивый и обходительный, но поганец еще тот.

— Я и не собираюсь оставаться с ним наедине, — тут же успокоила я супруга. — Даже мысли такой не возникало.

— Хорошо.

И снова тишина, разрушаемая лишь нашим дыханием. Мы смотрели друг на друга, не в силах разорвать зрительного контакта и молчали. Надо было уйти, я ведь уже стояла у двери, но так хотелось подойти к нему.

— Селина...

Звук собственного имени подействовал как громовой удар.

— Мне пора, скоро модистка приедет, — быстро произнесла я, схватилась за ручку и ушла.

Бегу? Да.

От него? Нет.

От себя.

Вот только разве от себя убежишь?

А вечером этого же дня я столкнулась в зимнем саду с Одетт.

Зимний сад стал моим любимым местом. Я часто ходила сюда, пытаюсь надышаться свежим влажным воздухом, касаясь зелёной листвы и резных скамеек. И думала. О прошлом, настоящем. Вот только будущего сторонилась. Не готова я была принять его сейчас.

Всхлипывания я услышала не сразу. Сначала думала, что мне показалось, а потом прислушалась и пошла на звуки.

Одетт сидела в укромном уголке, спрятавшись за раскидистым кустом дикой розы. Сжавшись в комочек, обхватив ноги руками и спрятав лицо на коленях. Худенькие острые плечи мелко вздрагивали, и всхлипывания становились всё сильнее.

Я знала, что не нравлюсь Одетт, и возможно стоило уйти, но не смогла. Почему-то важно было быть рядом. Важно помочь и поддержать.

Это ведь так тяжело оставаться со своей болью один на один.

— Привет.

Она вздрогнула и сжалась еще сильнее. Маленькая, хрупкая девочка, колючая как ежик и такая несчастная.

— Уходи.

Голос девушки был глухим и сиплым от слёз.

— Тебе нужна помощь? У тебя что-то случилось? — игнорируя приказ и тон, которым он был произнесён, сказала я и шагнула еще ближе. — Может я могу помочь?

— Исчезни! Это ты во всём виновата!

Я и не спорила, что виновата.

— Не могу. Мы связаны соглашением и мне придётся остаться.

— Ненавижу тебя! — сказала Одетт и зарыдала еще громче.

Только ненависти в словах не было, а боль была.

Подхватив юбки, я подошла еще ближе и села рядом с ней, стараясь не коснуться, это могло её спровоцировать. А сейчас девушке нужна помощь.

— Переживаешь за брата?

— Ты его не достойна. Дерек самый лучший, он хороший, а ты...

— Чужая, — подсказала я, рассматривая витиеватый узор на огромном вазоне с цветами.

Одетт неожиданно выпрямилась и быстро стёрла дрожащими руками слёзы с щек.

— Он всё равно тебя любит. Несмотря ни на что любит. А меня не простит, — её голос снизился до шёпота.

— Дерек и тебя любит. И простит. Ты же его маленькая принцесса.

— Это я! — неожиданно громко выкрикнула девушка и затряслась. — Я! Я! Я!

Смотреть на неё было даже немного страшно. А как она была сейчас похожа на брата.

— Не понимаю...

— Это я рассказала старому Архольду о вас! — выкрикнула она и снова спрятала лицо в руках. — Я всё разрушила!

— Одетт, — потрясённо выдохнула я, осторожно касаясь вздрагивающих плечиков. — Милая, ты не виновата. Послушай, ты была ребёнком.

— Я поверила ему. Поверила. Он впервые обратил на меня внимание. Всегда на Дерек смотрел, только его замечал. А тут вдруг приехал с подарками. Вручил мне куклу. Красивую такую, фарфоровую, — её голос срывался, но Одетт упорно продолжала рассказывать. — У неё такое платье пышное было. Никогда таких не видела и волосы, как настоящие. Светлые, волнистые. Он был так добр, столько спрашивал... Я не должна была рассказывать, но он выглядел таким расстроенным и встревоженным. Говорил, что ты сломаешь Дереку жизнь.

— Ты была ребёнком, — вновь повторила я, обнимая и притягивая её к себе, давая возможность выплакаться. Еще одна жертва обмана. — Маленьким, беззащитным ребёнком. Он просто воспользовался тобой.

— Дерек считает, что это мама. Я слышала. Подслушала. Но она молчала, не говорила. Это была я. Он не простит меня.

— Простит. Столько лет прошло. Он простит.

— Из-за меня Дерек сидел в тюрьме. Из-за меня едва не попал на виселицу.

— Не из-за тебя. Старый герцог это устроил, а не ты, — поглаживая девушку по волосам, произнесла я.

Не знаю, сколько мы так сидели, обнявшись и тяжело дыша.

— Ты должна рассказать ему, — произнесла я, когда девушка смогла успокоиться.

— Нет. Не могу, — она замотала головой. — Не могу.

— Можешь. Одетт, когда я уезжала из дома, мне сказали, что сангорианцы ценят силу, мужество и честь. Ты из великого рода Архольдов. Будь сильной. А он простит тебя. Я знаю.

— Я боюсь, — прошептала она едва слышно.

Как же ей было сложно в этом признаться, но Одетт сказала, поборолась себя.

— Я могу пойти с тобой.

— Нет. Я должна сама. Должна, — Одетт медленно встала и покачала головой. — Спасибо. Но я должна сама ему сказать.

Пошатываясь, девушка вышла и направилась прочь. Мне хотелось поддержать её, помочь, но я заставила себя стоять и смотреть ей вслед.

Я не знаю, чем закончился разговор брата и сестры, но Одетт на курорт не сослали, и она даже улыбнулась мне следующим утром за завтраком.

А после обеда стали съезжаться первые гости.

До бала оставалось два дня.

Глава Тринадцатая. Прощание с прошлым

Казалось бы, что еще может случиться за эти два дня. Когда весь замок в преддверии праздника буквально стоял на ушах. Слуги сновали туда-сюда с безумными лицами, пытаюсь за оставшееся время завершить приготовления к балу. Меню обсуждалось и даже менялось пару раз за день, шеф-повар даже грозился уволиться.

Хотя меня не привлекали к деятельности и всеми подготовками занималась свекровь, легче от этого не становилось. Столичная модистка как две капли воды похожая на ванагорийскую миссис Томсон: такая же дорогая, пышная и вечно улыбающаяся, пошила наряд довольно быстро. Но сдаётся мне, женщина просто переделала готовый. В любом случае, платье было очень красивым и сидело на моей фигуре отлично.

Буквально вчера прибыли последние сундуки моего приданного. Отношения со свекровью и золовкой наладились. И всё вроде бы отлично и надо радоваться, а не получалось. Времени на раздумье практически не оставалось.

Сейчас меня больше беспокоило не само торжество. Этих акул светского общества, обличённых знатью, я много повидала и удивить меня они мало могли. Послезавтра истекал срок, данный мне Дерекком. Срок, когда я должна буду сообщить ему о своём решении.

Проблема была в том, что ответа у меня как раз и не было.

Да или нет?

Надежда или боль разочарования?

Что я выберу?

Противоречия сводили с ума, мешали нормально спать, есть и даже ходить. Я стала нервной, вздрагивала от любого постороннего звука и практически всё время проводила в своих покоях.

Как натянутая, напряжённая струна, еще чуть-чуть и лопну. Лопаться не хотелось совершенно. А ответа на вопросы так и не было. Или я просто боялась признаться в том, что давно всё решила.

В любом случае, мне нужен был толчок, что-то такое, что бы вырвало меня из зоны комфорта и заставило принять решение. И я его неожиданно получила, откуда совсем не ждала.

— Герцогиня, какая честь, — Клод Корвил поймал меня в коридоре замка, когда я шла из библиотеки в свои покои.

Молодой мужчина тут же перегородил мне путь и раскланялся, не сводя расчётливого взгляда серебристых глаз. Холёный, самодовольный и порочный. Дерек ведь тоже имел эти качества, но они не преобладали, а наоборот выступали в качестве положительных черт характера. Даже эгоизм может быть полезен в небольших дозах.

Не знала, что родственники супруга стали вновь съезжаться в родовой замок. Я вообще старалась не показываться гостям на глаза и сторонилась каждого. Слава Великим, северное крыло, выделенное для участников торжества, находилось далеко от моих покоев и зимнего сада. С молодой герцогиней гости должны будут познакомиться на балу, поэтому мне приходилось скрываться.

От неожиданности я отшатнулась и быстро огляделась. Никого. Как назло, рядом не оказалось ни одного слуги, а ведь только недавно я видела парочку горничных, спешащих куда-то с охапками чистого белья.

— Добрый день.

— Вы как всегда великолепно выглядите, Ваша светлость, — родственник попытался схватить меня за руку, но я шустро спрятала её за спиной.

Хватит с меня лобызаний.

— Благодарю.

После чего, кивнув, попыталась обойти настырного мужчину и сбежать. Не нравился мне этот Клод, совсем не нравился и разговаривать с ним наедине не хотелось.

— У меня для вас письмо, герцогиня, — произнёс он, вновь встав на пути.

— Письмо? От кого?

Вместо ответа родственник вытащил из внутреннего кармана бордового пиджака с серебряными эполетами и большими металлическими пуговицами аккуратный белый конвертик с сургучной печатью. Улыбка при этом у него была самая гаденькая и противная.

Белоснежная хрустящая бумага, золотые вензеля и бешено стучащее сердце. Я узнала эту печать на сургуче, поняла, от кого Клод Корвил принёс мне письмо, и всё равно боялась поверить.

«Селина, жду тебя в тайном месте. Клод поможет. Твой Эйдан.»

Всего три коротких предложения, но я вновь и вновь продолжала их перечитывать. Ошибки быть не могло. Его почерк, его печать... его слова.

— Где он?

— Знаешь, Селина... Ты ведь не возражаешь, что я тебя так называю? — лениво уточнил родственник.

Возражала, но была вынуждена тихо за ним наблюдать и молчать, ожидая продолжения.

— Я ведь восхищён мужеством виконта. Раненный, измученный, но он не побоялся тайком пробраться на территорию враждебного государства.

— У нас мирный договор.

— Еще не подписан, — парировал тот. — Представляешь, какой будет скандал. Обвинение в шпионаже, нарушении границ. Ведь разрешения Санроу так и не получил, и прибыл сюда тайно. Мало того, маркиз оказался на землях своего врага. И всё для того, чтобы встретиться с тобой? Удивительно.

Мужчина принялся обходить меня по кругу, рассматривая и оценивая, словно товар на площади.

— Не спорю, ты красива. Такой контраст: чёрные волосы и голубые глаза. Но сомневаюсь, что дело только во внешности. Дерек не дурак и вряд ли повёлся бы на красивые глазки. Ты, кстати, знаешь о том, что наш молодой герцог любит много времени проводить на острове Террико? Царица Адония очень ценит его общество. Ходят слухи, что она вновь ожидает ребёнка, еще одна принцесса древнего рода. Четвёртая.

Не надо быть гением, чтобы понять, на что он намекает.

Повторяются. Еще один ребёнок. Ещё одна измена. Вот только я была уже другой. Знала, что Архольд никогда бы не позволил этому случиться, никогда бы не оставил свою плоть и кровь, но слова Клода всё-таки добрались до цели. Было больно.

— Где он? — глухо повторила вопрос.

Вновь зашуршала в руках бумага, когда я сжала кулаки.

— Ждёт тебя в условленном месте.

— Где?

— А ты готова с ним встретиться?

— Да.

Я должна. Он же ранен и измучен, ему нужна помощь.

А в голове мухой зудело предупреждение Дереха, что нельзя доверять Клоду. Обманет. Предаст.

— Мы отправимся к нему прямо сейчас? — уточнила у него.

— Ты же не хочешь, чтобы наш дорогой герцог узнал о сопернике у себя под носом?

— вновь эта улыбка.

Как же мне хотелось стереть её с холёного лица родственничка.

— Вы мне угрожаете?

— Предупреждаю. Ты же знаешь, что я могу всё рассказать дорогому дядюшке. Знала, но и уйти так просто с ним не могла.

— Мне необходимо забрать шаль из комнаты и переобуться. Домашние туфли не годны для длительных переходов.

— У тебя десять минут. Буду ждать в зимнем саду. Это ведь стало твоим любимым местом, не так ли?

— я буду.

На этот раз он не стал мне мешать.

Слуги были слишком заняты, чтобы обратить внимание на куда-то спешащую госпожу. Я кивнула парочке, имена которых успела запомнить и поспешила дальше.

Слава Великим, ни свекровь, ни Одетт мне не попались на пути. От них отвязаться было бы сложнее. Не сомневаюсь, что они бы поняли, что со мной что-то не так, и не отпустили, пока не выяснили всю правду.

В гостиной я быстро схватила листок бумаги и написала: «Ушла с Клодом. Оставляю метки. Прошу, пойми». На мгновение застыла и оставила подпись: Сэм.

Уложив письмо в конверт, я черкнула «для герцога Архольда» и оставила на столе. Эльза должна прийти где-то через час. Не обнаружив меня, служанка найдёт конверт и отнесёт господину. Часа мне должно хватить.

Переобувшись, схватила шаль и поспешила в зимний сад.

Успела.

Клод действительно ждал меня в условленном месте. Стоило мне только подойти к нему, зябко кутаясь в невесомый ажурный платок, как он выпрямился и довольно кивнул.

— Ты пунктуальна.

— Я готова.

— Тогда прошу за мной.

Подойдя к статуе нимфы, тело которой почти не скрывало лёгкое платье, молодой мужчина нажал на небольшой выступ у её ног. С тихим скрежетом стена, расположенная напротив, отползла в сторону, открывая тёмный проход.

— Надо же, — пробормотала я. — Тайный ход.

Удивляться нечему. Замок был древним и логично предположить, что он напичкан подобными вещами. Удивляло другое, почему мне никто об этом не сказал. Ведь многие знали о том, что я люблю здесь отдыхать.

— Мой дорогой двоюродный дядюшка живёт тут недолго. И у меня, в отличие от него, было много времени в детстве, чтобы обследовать каждый уголок этого здания. Я ведь

был уверен, что когда-нибудь оно достанется мне. Прошу, герцогиня,

— Клод протянул мне руку.

Помедлив пару секунд, вложила ладонь. А другой рукой бросила на пол маячок. Он вспыхнул голубым цветом, и я невольно затаила дыхание. Но ничего не произошло. Этот свет был доступен лишь искрящим, к счастью, родственник к ним не относился.

Путь был долгим. В темноте, освещаемой лишь тусклым светом магического светильника, который он держал в руке. Его вторая рука крепко держала меня за запястье, не давая вырваться.

Паутина, затхлый запах плесени, который забивался в лёгкие и вызывал сухой болезненный кашель. Холодный камень под ногами и писк крыс, что пробежали мимо нас. Бесконечные повороты, на которых я старалась оставить маячки. Не знаю, как мужчина ориентировался, но я уже понятия не имела, где мы находимся. Оставалось надеяться, что он знал дорогу.

— Почти пришли.

Сначала я услышала шум воды, мелодичный перезвон падающих капель, воздух стал более свежим и чистым, потолок поднялся выше, а вдалеке возник тусклый свет.

Пара шагов и мы вышли к небольшой зале с высоким потолком, который терялся во мраке. В центре неё располагался круглый пруд. А на каменной скамейке, тяжело опираясь плечом о перила и свесив голову вниз, сидел светловолосый мужчина.

— Эйдан!

Мой бывший жених действительно полулежал на скамейке и вздрогнул, услышав крик, который гулким эхом прошёл по стенам и затерялся в вышине.

— Селина.

Вывав руку из захвата Клода и подхватив юбки, бросилась бежать вниз, едва не падая на мраморных ступеньках. Мои шаги гулко отзывались в пустом помещении.

Селина, — вновь повторил Эйдан, когда, приземлившись рядом с ним на колени, я принялась лихорадочно ощупывать его, трогать лоб, заглядывать в глаза. — Ты здесь.

— Великие, — выдохнула едва слышно и закусила губу.

Выглядел Эйдан кошмарно: бледный, с впалыми глазами, которые горели тусклым светом. Синяки на лице пожелтели, став неприятного фиолетового цвета. Он похудел очень сильно, скулы выступили, нос заострился.

— Ему нужно к целителю и как можно скорее, — сказала, бросив взгляд на Клода, который не спеша подошёл к нам.

— Ты же понимаешь, что это невозможно.

— Селина. Моя Селина. Ты здесь, — шептал Эйдан.

Счастливая улыбка вызывала дрожь, такой жуткой она выглядела, и я едва сдерживала слёзы.

— Он болен, измучен и замёрз. У него жар, — я вновь коснулась его лба и закусила губу. — Мы не можем его так просто оставить.

— Зачем оставлять? — лениво отозвался родственник.

Засунув руки в карманы брюк, он медленно покачивался туда-сюда на низких каблуках и насмешливо улыбался.

— Что вы имеете в виду?

Эйдан поймал мою ладонь и прижал к сухим губам.

— Я так скучал.

— Я помогу вам выбраться отсюда. Сбежать и начать новую счастливую жизнь, — продолжил тот.

— Что?

— Селина, как я скучал, — вновь зашептал Эйдан. — Я избавлю тебя от этого монстра. Мы будем вместе.

— Я не могу. Я связана клятвой.

Будто в подтверждении моих слов метка на запястье болезненно вспыхнула.

— Любую клятву можно обойти. Ты ведь искрящая и довольно сильная. Значит, найдёшь способ обойти это недоразумение, — равнодушно отмахнулся молодой Корвил.

— Это не так просто. И я не понимаю, — я вновь повернулась к Эйдану, встречаясь с потухшим взглядом мутных голубых глаз. Боги, как же ему плохо! — К чему такая спешка? Всего год, и я буду свободна.

— Он поступил нечестно, — тихо, но твёрдо произнёс виконт. Губы побелели и капельки пота выступили на лбу, хотя здесь было прохладно. — Он чуть не убил меня на дуэли.

Да, выглядел он очень плохо, но я знала и другую правду.

— А должно было быть наоборот? — тихо спросила у него, глядя прямо в глаза, ловя каждую реакцию. — Эйдан, ты сговорился с моим братом и пытался опоить Архольда.

Да.

Я поняла это по вине, промелькнувшей в его взгляде, по тому, как быстро он отвернулся от меня.

— Я не мог иначе.

Я сжала кулаки и покачала головой:

— Мог, но ты пошел другим путём. Нечестным.

— Что я должен был сделать? Он сильнее и проворнее меня. Я не мог отдать тебя без боя.

— А вышло так, что ты едва жив, а я на целый год привязана к Архольду. Ты должен был поговорить со мной, прежде чем решаться на такое безумие. Должен был. А ты решил провести всё тайно.

— Прости, — виконт вновь поймал мои ладони и прижал к груди. — Прости меня. Я так устал. Такой сложный путь. Прости меня, прошу.

— Как виконтесса тебя отпустила? Тебе надо было отлежаться.

— Я лежал. Всё хорошо. Просто немного устал. А матушка не знает. Это наша жизнь, Селина. Только наша. Мы сбежим.

— Куда? — горько усмехнулась я. — Правители двух государств договорились о нашем союзе с Архольдом. Ты хочешь пойти против них?

«И против воли Великих», — подсказало сознание.

— Против всего мира. Мы же вместе. Я люблю тебя.

Я прислушалась к своему сердцу и не почувствовала ничего. Нет, жалость, тоска и боль по ушедшему были. Но не любовь. Ничего не осталось. А было ли? Может, я так хотела избавиться от воспоминаний о Дереве, что пыталась заполнить их чувствами, выдавая их за реальные?

— Послушайте, голубки, времени у нас мало, — раздраженно вмешался Клод, — так что давайте быстрее.

Надо было сказать правду. Надо было отказаться, но я смалодушничала.

— Мне надо вылечить Эйдана, — произнесла едва слышно.

— Времени нет.

— У него жар, горячка, здесь очень холодно. Я не могу рисковать его здоровьем.

— Вылечишь потом.

— Сейчас!

— Селина, нам пора, — попытался вмешаться виконт, но я покачала головой.

— Ты теряешь сознание. Еще неизвестно, что будет дальше.

— Передумала, герцогиня? — схватив меня за руку и рывком поднимая с колен, рыкнул родственничек.

— Пустите, — процедила я.

— Богатство и титул вскружили голову?

— Селина не такая! — просипел Эйдан.

Я холодно улыбнулась, глядя прямо в серые глаза.

— Так не терпится унижить Дерека? Так хочется втоптать его в грязь? Специально тянул до последнего? — я тоже могла криво улыбаться. — Какой будет скандал! Исчезновение герцогини прямо накануне бала. Унижение на глазах всего светского общества Сангориа.

Клод ядовито оскалился:

— Жалко его стало? Он, когда изменял тебе с этими девками, жалости не испытывал.

Не слушать его и этих слов.

— Всё дело в титуле, не так ли? И не надо мне рассказывать о добрых побуждениях, направленных на воссоединение влюблённых.

— Думаешь, самая умная? — прошипел тот, еще сильнее стискивая руку. — Быстро схватила женишка и за мной.

— Его надо вылечить, — упрямо повторила я.

— Дура.

В бок мне упёрлось что-то острое. Вздвигнув, опустила взгляд и увидела рукоять клинка.

— Попытаешься меня убить?

Отчего-то страха не было.

— Тебя? — смешок, от которого у меня похолодело в груди.

Лёгкий шорох и из-за дальних колонн вышли тёмные тени. Великие, он тут не один.

— Убить тебя будет сложно. Ты искрящая. Мало ли, какие на тебе защиты. А вот он, — кивок в сторону бледного и вновь потерявшего сознания Эйдана. — Он так беззащитен.

— Чудовище.

— И не скрываю этого. Ты ведь не допустишь, чтобы дорогой виконт умер. Прямо на твоих глазах. А ведь ему сейчас так плохо.

— Пусти меня, — я задыхалась от ненависти, боли и отчаянья. — У тебя всё равно ничего не выйдет. Даже если я уйду, это не сломает Дерек.

— Ошибаешься, дорогая. Ты недооцениваешь своего влияния на герцога. Он же любит тебя, с ума сходит. И сойдет. Уж я об этом позабочусь. Итак, твой выбор, Селина? Кого ты предпочтёшь спасти?

Обоих. Я не могла выбрать между ними и сейчас не стану.

— Дай мне осмотреть Эйдана. Это займет всего пару минут. Ведь если он умрёт, это помешает всем твоим планам.

Последний довод возымел действие.

— Можешь подойти и привести его в чувство. Но у тебя всего пара минут.

Я вернулась к Эйдану, приложила руки к груди и призвала искру. Думать о том, куда влипла и чем это закончится для нас, не хотелось. Если бы всё повторилось, я бы вновь так поступила. Чтобы спасти Эйдана, я бы и не на такое пошла. Он не виноват, что стал пешкой в борьбе за титул.

— Только живи, — прошептала едва слышно, чувствуя, как тепло души согревает измученное тело молодого мужчины. — Прошу тебя, живи.

— Быстрее, быстрее! — попытался поторопить меня Клод.

— Он едва дышит, — резко ответила ему, не отрываясь от занятия. Ох, как дрожали мои руки, как слёзы жгли глаза. — Подождите.

Не знаю, сколько прошло времени. Сердце стучало в ушах.

«Получится. Всё получится. Другого просто не может быть. Я спасу его! Обязательно спасу!»

— Селина, — выдохнул Эйдан, приходя в себя и открывая глаза.

И только тогда я смогла дать волю чувствам и эмоциям и выдохнуть.

— Живой.

— Селина, — вновь повторил, резко подался вперёд, прижал к себе и поцеловал.

От неожиданности я замерла, не зная, что делать. Никаких чувств этот поцелуй не вызвал. Ничего кроме неловкости.

И надо было именно в этот момент на импровизированной сцене появиться герцогу Архольду.

Одного взгляда на высокую фигуру в чёрном камзоле было достаточно, чтобы понять, Дерек в бешенстве.

С одной стороны, увидев его, я испытала облегчение. Не знаю, как он оказался здесь быстрее, чем я предполагала, но это не могло не радовать. С другой, стало страшно. Что он видел? Что подумал? Как теперь быть? Как оправдаться и что сказать? И при всём при этом надо спасти Эйдана.

— Клод, — тихо, но весьма зловеще произнёс супруг, медленно спускаясь вниз. Каблуки его ботинок гулко звучали в зале. — Ты не хочешь объяснить, что тут происходит?

Мужчина и его пособники застыли на местах, нервно переглядываясь. Было видно, что головорезы родственничка хотят сбежать, но не могут, находясь под воздействием искры. Я видела слабое, едва уловимое свечение вокруг них.

— Герцог, какая неожиданность, — зло выплюнул Клод, его красивое лицо исказилось от ненависти.

Он бросил на меня всего один взгляд, но этого было достаточно, чтобы внутри всё

похолодело от ощущения грядущих неприятностей.

— Я, кажется, задал вопрос, — Архольд смотрел на племянника и совершенно игнорировал меня.

И это не могло не настораживать. Несомненно, Дерек злится, но почему игнорирует?

Эйдан всё это время пытался отодвинуть меня в сторону, загородить собой, но я не позволила. Встала, нервно поправляя складки платья и ждала. Ведь, по сути, бояться мне было почти нечего: я не сбегала, маячки оставила, записку написала.

Предотвращаю побег, герцог, — вдруг ехидно произнёс Клод.

— Побег? — переспросил Архольд, он уже почти спустился к нам, замерев на пять ступенек выше.

Я зябко повела плечами, поправляя шаль. В помещении заметно похолодало или мне показалось.

— Да. Мне стало известно, что герцогиня готовится совершить побег с виконтом Санроу, который незаконно проник на территорию Сангориа.

Вот мерзавец!

От такой наглости у меня даже слова закончились. Так много хотелось сказать, а я просто стояла, смотря на мужа и молчала.

«Посмотри на меня. Пожалуйста, посмотри...»

Всем этим тут же воспользовался Эйдан. Мужчина медленно поднялся со скамейки. Едва стоящий на ногах, всё ещё бледный и измученный, но всё равно решительный.

— Архольд, будь же мужчиной. Отпусти её. Неужели тебе самому не противно силой удерживать девушку, которая тебя ненавидит.

— Эйдан, — протестующе выдохнула я и замотала головой.

«Поверь мне, пожалуйста».

— Селина, это правда?

Дерек впервые за всё время взглянул на меня, и я застыла от холода его пронзительного взгляда.

«Верит. Он им верит...»

— Нет.

Клод хохотнул.

— Ну, конечно, что еще не скажешь, чтобы спасти свою шкуру.

И тут снова масла в огонь подлил виконт.

— Селина, — мужчина взял меня за руку и нежно улыбнулся. — Нам нечего скрывать. Мы любим друг друга. А любовь нельзя обмануть и уничтожить. Она всегда будет в сердце.

«Ох, Эйдан, если бы ты только знал, что твои слова возымеют совсем другой эффект. Прямо противоположный».

— Сэм, это правда? — голос Дерек был всё так же глух и невыразителен.

— Я не пыталась бежать, — твёрдо ответила ему, высвобождая ладонь.

«Поверь мне, пожалуйста, поверь!»

— Тогда, что ты здесь делаешь?

— Она... — попытался перебить меня Клод, но был тут же остановлен злым окриком, приправленным магическим приказом:

— Молчать!

Меня тряхнуло, а Санроу вновь упал на скамейку, тяжело дыша.

— Клод принёс мне записку от Эйдана.

— И ты решила сбежать.

— Сбежать? Ты серьёзно? И для этого я оставляла записку и маяки на всём протяжении пути? Дерек, ты вообще понимаешь, что говоришь?

Если бы взглядом можно было убить, то я давно лежала трупом. Уж очень красноречивым он был у Клода. Молодой мужчина понял, кто именно виноват в провале.

«Не ожидал такого?»

Дерек некоторое время молчал, потом повернулся к выходу и отрывисто приказал:

— Этих в отделение, Клода — вон, виконта срочно доставить в министерство иностранных дел... Герцогиню в покои под домашний арест.

Из проёма бесшумно вышли десяток охранников, ранее незамеченные мной.

— Селина.

— Герцог, ты чего творишь?!

— Дерек! Дерек, подожди! — хором произнесли мы.

Я дёрнулась к мужу, который вновь начал быстро подниматься по ступенькам, но меня вновь схватил за руку Эйдан.

— Селина, постой.

— Не сейчас, — бросила я и побежала вслед за герцогом. — Дерек, подожди. Нам надо поговорить, — мне наперерез вышел один из охранников. — Не смейте меня трогать! Дерек! Великие! Не смей от меня уходить!

И это неожиданно сработало.

Архольд остановился и повернулся, после чего быстро преодолел разделяющее нас расстояние и зло выдохнул:

— Ты мне приказываешь? Хорошо. Давай поговорим!

И схватив за руку, потащил по коридорам назад в зимний сад. Или я сильно нервничала, пытаюсь придумать, что сказать, или просто показалось, но обратный путь занял гораздо меньше времени, чем дорога с Клодом.

Оказавшись в зимнем саду, Дерек сразу отпустил меня и отошёл на два шага назад. Словно не хотел находиться рядом. Великие, что же я натворила.

— Я тебя слушаю.

А сам рассматривал статую, увитую диким плющом.

— Не отсылай Эйдана в министерство.

Вот зря с этого начала. Очень зря, но исправлять что-либо было поздно.

— Ты же знаешь, что ему грозит за незаконное пересечение границы.

— Откупится. Посидит неделю в тюрьме и вернётся к себе под крылышко матери, — голос мужа вновь был спокоен и равнодушен.

Слишком равнодушен.

— Ему нельзя в тюрьму, — в отчаянье выкрикнула я и сжала кулаки. — Эйдан болен. Мне с трудом удалось стабилизировать его состояние с помощью искры.

— Жалеешь его?

— Да!

— Хочешь сбежать?

«Нет!», но почему-то вырвалось другое:

— Я связана клятвой.

— Не будь её, сбежала бы? — не отставал Дерек.

О статуе мужчина забыл. Всё его внимание вновь было приковано ко мне. Я вздохнула, пытаюсь найти за холодной маской герцога хоть что-то знакомое и родное. Смотрела и не находила. Он закрылся от меня.

Но и тяжелые вопросы я тоже умела задавать:

— А ты бы отпустил?

Ох, как мне нужен был его ответ. Как важен. И вопрос этот был не случаен и результат не заставил себя ждать. Маска дала трещину, обнажая чувства и боль.

— Нет. Не отпустил бы.

Вдох облегчения, который я и не думала скрывать.

— А я не уйду, — едва слышно призналась мужу и сделала неловкий шаг.

Как хотелось подойти ближе, коснуться лба, разгладить эту морщинку между бровей. Но я боялась.

— Ты не должна была уходить с Клодом. Он опасен.

— Клод ничего бы мне не сделал. Я искрящая, у меня есть защита.

— Любую защиту можно обойти. Почему ты ничего не сказала мне? У тебя же было время.

Было. В отличие от выбора.

— Я написала записку.

— Какую, к Богам, записку? — Архольд всё-таки не выдержал и взорвался. — Когда бы я её обнаружил? Если бы слуги не обратили внимание на твоё странное поведение и не доложили мне... Как думаешь, успел ли я тогда пройти по тайному ходу? И что там в итоге мог найти? Ты должна была мне сказать!

— И что тогда? Что бы ты сделал? Бросился спасать виконта? Мужчину, которого я любила и собиралась выйти замуж. Того, на ком могу остановить свой выбор. Его бы ты бросился спасать?! — выкрикнула в ответ.

Дерек замер.

— Ты считаешь, что я способен на такое?

— Тебе напомнить, как мы заключили с тобой соглашение? Как у меня оказалась эта печать? — я показала ему запястье. — Ты уже однажды угрожал убить Эйдана. Что я еще должна была думать?

Эффект от моих слов был потрясающим.

— Значит, ты выбрала его.

Вот же дурак!.. И я не лучше.

— Великие, никого я не выбирала. Я просто пыталась его спасти. Эйдан не чужой мне. Он четыре года был рядом, помог выжить, когда смысла уже не было... Дерек, пойми же, наконец, я не могу его бросить. Поэтому и прошу не сдавать его министерству.

— И готова ради этого на всё?

— Да.

Перемена в разговоре была неожиданной, как и фанатичный огонёк в глубине чёрных глаз.

— Хорошо. Жди меня в покоях сегодня ночью.

— З-зачем?

— Ты же сказала, что готова на всё. Проведёшь со мной ночь, сама придёшь, минуя клятву, и виконт вернётся в Ванаторию целым и невредимым. Или ты передумала?

Великие, какой тяжелый выбор.

Сглотнула, зажмурилась и кивнула:

— Не передумала. Хорошо, я буду ждать тебя сегодня.

И вздрогнула от весьма неприличной тирады герцога.

— Сэм... ты...

Он так и не смог закончить фразу, запустил пятерню в волосы и смотрел на меня с каким-то непонятным отчаянием и снова приказал:

— Иди в свои покои! Немедленно!

— А Эйдан?

— Всё будет хорошо. Даю слово. А теперь, ради Великих, уходи.

— Спасибо.

Ужинала я у себя. Поднос с едой, принесённый молчаливой Эльзой, остался почти нетронутым. Аппетита не было.

Приняв ванную, я переоделась в одну из пяти праздничных сорочек, расчесала до блеска волосы и села на кровать, ожидая супруга.

Но Дерек так и не появился.

Уснула поздно, так и не дождавшись мужчину и не зная, как быть дальше. Наши отношения вновь изменились. На этот раз в худшую сторону. И это именно сейчас, когда я сделала выбор и готова была его озвучить.

Только вот нужно ли это?

Глава Четырнадцатая. Бал

Оставшееся время до бала я провела у себя в покоях и почти не выходила, ссылаясь на плохое самочувствие. Дерек снял запрет, стража под дверями не стояла, и самого мужа я не видела, но выходить не хотела.

Сколько раз мысленно я прогоняла наш последний разговор. Сколько раз пыталась найти другие слова и услышать в ответ совсем иное. Но история не терпит сослагательного наклонения. Я всё разрушила и теперь не знала, как исправить.

Леди Энния пыталась тактично выяснить, что у нас случилось, рассказывала, что Дерек ходит мрачнее тучи и вообще перестал выходить из кабинета. Спрашивала, связано ли это со скандальным выдворением Клода из замка?

Я долго молчала, а потом не выдержала и рассказала. Мне так не хватало Айолы и её советов. Так сильно нужен был кто-то, кто бы услышал и понял, помог советом, поддержал или даже поругал. А свекровь для этого подходила лучше всего. Почему-то я была уверена, что она меня поймёт и поможет.

Женщина выслушала меня очень внимательно, не перебивая и не задавая наводящих вопросов. С каждым произнесённым словом она всё больше хмурилась и иногда расстроено качала головой.

— Какие вы всё-таки еще дети, — вынесла она вердикт, как только я закончила. — И Дерек... Боги, я не узнаю своего сына. Всегда такой серьезный, умный и тут так набедакурить. Действительно любовь делает нас слабее и глупее.

— Вы считаете, что я не права? Что надо было оставить Эйдана на погибель? Свекровь вновь покачала головой и, накрыв мою ладонь, осторожно произнесла:

— Вы оба ужасно правы и неправы одновременно. Ты не должна была срываться и бросаться на спасение виконта, не предупредив Дерек.

— Но записка...

— Лично. Надо было предупредить его лично. Я понимаю, что ты не могла его бросить, он твой друг, жених, пусть и бывший, и почему ты боялась открыться Дереку тоже. Но я могу понять и сына, он переживал за тебя, волновался и напридумывал всяких глупостей. Вместо того чтобы поговорить открыто, вы еще больше всё усугубили и усложнили.

Я и сама это понимала.

— И как быть?

Леди Энния промолчала, задумчиво глядя перед собой, пока не поинтересовалась:

— Как ты думаешь, почему Дерек поставил такое условие?

Я сразу поняла, о чём она говорит.

— Потому что хотел узнать, насколько далеко я готова зайти, чтобы спасти Эйдана.

— И что вышло? — она мягко улыбнулась, и сама тут же ответила на вопрос. — Что виконт тебе так дорог, что ты готова консумировать ваш брак с Дерек, став его полноценной женой. Пойти на невозможное. Ты жертва, он палач.

Как же жутко это звучало.

— Я всё испортила.

— Ты ведь уже сделала выбор, не так ли?

— Да, — тихо, но твёрдо ответила ей.

— И близость с моим сыном не кажется такой ужасной.

Щеки вспыхнули от смущения, но я кивнула, пряча взгляд.

— Тогда докажи ему это.

— Но как?

— Ты сама знаешь ответ на этот вопрос. Просто боишься признать. Дерек любит тебя. Сильно любит, но и у него есть гордость и понятие чести. Сейчас они задеты. И если ты не хочешь всё ещё больше усложнить, действуй.

Действовать.

Вот только где найти храбрости и силы?

Я понимала, что леди Энния имела в виду, сама об этом думала, но как же было страшно решиться. Ведь пути назад уже не будет.

И вот наступило главное событие сезона: бал по случаю свадьбы герцога Архольда.

Гостей внизу принимала свекровь и Дерек. Всех, кроме правящей семьи, что должны будут прибыть позже. Мне следовало появиться в торжественной обстановке под громкую музыку и фанфары.

Подготовка началась с обеда. Горячая ванна с пышной пеной и ароматный шампунь. Нежный крем для тела, после которого кожа стала мягкой и нежной как у младенца, и маска для лица, призванная убрать все неровности, синяки и мешки под глазами (пара бессонных ночей сделали своё чёрное дело), а также вернуть чудесный цвет. Специальный лёгкий блеск, чтобы в свете магических огней моя кожа сияла. Лёгкие румяна, тени для глаз и полупрозрачная помада на губах. Вязь, которая никуда не делась за эти дни. Призванная украсить один брак, она стала доказательством другого.

Эльза собрала волосы в изящный узел на затылке, украсила невидимками с бриллиантами, положив волнистую длинную прядь на плечо. Украшала причёску диадема из фамильного гарнитура Архольдов, сестра тяжелых серёжек и массивного кольца.

Платье насыщенного синего цвета было с открытыми плечами и низким вырезом, в котором виднелись холмики груди. В ложбинку между ними как раз попадала центральная сапфировая капелька кольца, приковывая взгляды, провоцируя. Узкий лиф, корсет, в котором я едва могла дышать, и пышная юбка со шлейфом, под ней десяток шелковых подъюбок, которые удобства не добавляли. Подол платья украшали вышитые золотом вензеля и узоры.

Синий и золото — родовые цвета Архольдов, и я, их герцогиня. Только сейчас полностью осознала себя ею. Приняла титул и готова была нести его дальше.

Пора, миледи, — сообщила горничная, помогая мне встать. — Вас уже ждут.

— Спасибо.

Зеркало говорило, что я прекрасна, но сейчас мне нужно было другое подтверждение, и я стремилась и страшилась его получить.

Один из охранников ждал меня у дверей.

— Миледи, — мужчина склонил голову.

Кивнула и пошла следом, уже зная, что меня ожидает.

Герцогиня Архольд появится на лестнице, которая выходила прямо в бальную залу. Там, где её должны были видеть все.

Замереть в двух шагах, чувствуя, как бешено стучит сердце, как вспотели ладони, услышать шум и гомон собравшейся толпы.

— Вы готовы, Ваша светлость? — осторожно поинтересовался лакей.

— Да.

Мужчина сделал знак рукой, и в тот же момент появилась музыка, а голоса внизу стихли.

Глубокий вдох и, подхватив подол платья, я ступила на лестницу.

Шаг, еще один. Я шла медленно, величественно и смотрела на спину того, кто ждал меня внизу: тёмно-синий камзол, разворот плеч и тёмные волосы. Я узнаю его из тысячи, из сотен тысяч.

Дерек стал поворачиваться, только когда я миновала середину лестницы. Медленно, будто неохотно. А я задержала дыхание, вглядываясь в его равнодушное лицо, ловя реакцию. И дождалась.

Огонь, вспыхнувший в глубине чёрных глаз, восхищение и желание — всё это стало главным стимулом, который еще больше убедил меня в том, что я поступаю верно.

Оставшийся путь уже не помнила, потонув в темноте его взгляда, вспыхивая в ответ и открываясь.

Последние шаги и я вложила ладонь в его руку, чувствуя тепло прикосновения, позволяя себе улыбнуться.

— Здравствуй, — прошептала едва слышно.

— Здравствуй, — выдохнул он.

— Герцог и герцогиня Архольд, — громко провозгласил мажордом.

Бал начался.

И сразу ганец.

Мы вышли в центр зала, моя рука на его локте и вновь холодное равнодушие, исходящее от мужа. От досады хотелось кусать губы, сбежать в покои, скрыться от этих глаз, которых было так много и все смотрели на нас, ловя каждое движение, мечтая поймать малейшую ошибку молодой герцогини.

Не дам. Не позволю.

Вот и центр зала, мы напротив друг друга, огромная сверкающая люстра над нами и гости, окружившие по кругу.

Первые звуки музыки, я приседаю перед супругом в реверансе, не отрывая взгляда от лица. Сдержанный поклон в ответ, и мы на исходных позициях. Сделав шаг, замерла, ощущая, как осторожно легла мне на талию его горячая ладонь.

Музыка звучала еще громче, когда я положила руку ему на плечо и позволила закружить себя по залу.

Первое время я еще старалась не сбиться с шага и не наступить Дереку на ногу, да и сама наша близость была нервной и очень напряжённой. Тот восторг от первой встречи исчез, уступив место сумраку непонимания, вновь стеной вставшему между нами.

«Сама виновата...»

— Когда прибудет герцог Марлоу? — тихо спросила у него, когда молчать уже не было сил.

— Скоро. Его перенесёт искрящий прямо из столицы, очень сильный телепорт, таких в мире единицы, — ответил Архольд, бросил на меня кроткий взгляд и будто нехотя признался. — Ты сегодня потрясающе выглядишь.

— Благодарю. Ты тоже.

И всё.

«Великие, неужели больше тем для разговора нет? Неужели нам нечего сказать друг другу?»

Получается, что так и есть, потому что до конца танца мы не произнесли больше ни слова, и когда музыка закончилась, тут же отшатнулись друг от друга с дежурными улыбками на губах.

«Сломала, уничтожила... предала».

Права была леди Энния, я задела гордость и сломала то хрупкое, что было между нами. Но как же теперь быть?

Следующие полчаса исчезли из моей памяти. Кажется, со мной знакомились, говорили комплименты, что-то спрашивали, заискивающе улыбались, смиряли злыми и завидующими взглядами. Я не молчала, отвечала, но была словно не тут, а где-то в другом месте. Только рука Дерека на моей талии не давала мне сбежать.

Всё изменилось с приходом правителя Сангориа. Его появление хоть немного, но вернуло меня к жизни. Дело в том, что он был не один. Кроме вельмож и охраны с ним была та, которой предстояло занять моё место.

Её я узнала сразу. Только отвергнутая женщина может так смотреть на более удачливую соперницу. Только у влюблённой девушки, чьё сердце было разбито, может быть такой взгляд, полный нечеловеческой боли и ненависти.

Не думала, что ей хватит сил прийти сюда. Мне бы не хватило, значит, она намного сильнее, чем кажется на первый взгляд.

Леди Алвира была моей полной противоположностью: невысокая, хрупкая и изящная как статуэтка, с золотыми кудряшками, которые красиво очерчивали румяное личико в форме сердечка. Пухлые губы, василькового цвета глаза в обрамлении пушистых ресниц и аккуратный носик. Рядом с ней я почувствовала себя нескладной, слишком высокой и слишком холодной.

Я так засмотрелась на бывшую соперницу, что едва не забыла поприветствовать правителей реверансом. Слава Великим, они не заметили моего замешательства или сделали вид, что не заметили.

— Ваше Величество, — услышала я голос Дерека. — Для нас большая честь, что вы посетили этот праздник.

— Герцог Архольд, — насмешливо произнёс Марлоу, подходя ближе. Стук его каблуков гулко отзывался в тишине зала. Надо же, как все затихли, пытаюсь хоть слово уловить из нашего разговора. — Не представишь меня своей молодой жене?

— Моя супруга Селина Энн Маргарет Корвил герцогиня Архольд.

Я выпрямилась, но взгляд всё ещё не поднимала.

— Посмотри на меня, дитя, — велел правитель. Дядя той, чьё сердце было разбито по моей вине.

Подняв глаза, я взглянула на высокого болезненно худого мужчину с короткой бородой, посеребрённой сединой, и пустыми светло-голубыми, похожими на льдинки, глазами. Ни капли тепла, участия или хоть каких-то эмоций, лишь сковывающий душу холод.

— Для нас большая честь... — начала было я, но была остановлена взмахом царственной руки, унизанной огромными перстнями с разноцветными камнями.

— Хороша, — подытожил Марлоу, закончив беглый осмотр. — Красивая, родовитая, искрящая. Во всём есть положительные стороны и это, несомненно, поможет двум странам прийти к взаимовыгодному соглашению. Архольд, пригласи Алвиру на танец, а я пока побеседую с твоей супругой.

От неожиданности я дёрнулась и обеспокоенно взглянула на мужа. Лицо Дерека стало еще более отстраненным и похожим на маску. Рука скользнула по моей талии, и я

лишилась последней поддержки, оставшись совсем одна.

— Леди Алвира, — сдержанно произнёс Дерек, смотря прямо в лицо зардевшейся девушке. — Вы позволите?

— Да, конечно.

У неё и голос красивый, нежный, мелодичный, как звон колокольчика. Сжав кулаки, я наблюдала, как Дерек выводит бывшую невесту в центр зала, как делают приготовления музыканты, как гости переглядываются и перешептываются, поглядывая сначала на вышедшую пару, затем на меня.

Насмешка Великих.

А я смотрела на них, смотрела, несмотря на то, что сердце сжималось от ревности и боли, от того, что ком встал у горла, мешая нормально дышать. И от чувства собственного бессилия кружилась голова.

— Алвира всё ещё влюблена в Архольда, — внезапно произнёс Марлоу, неизвестно как оказавшись так близко, что я вздрогнула.

Да, влюблена. Я видела это и тогда, и сейчас. Как преданно она смотрела Дереку в глаза, как ловила каждый взгляд, каждое слово, обращенное к ней.

Великие, как можно испытывать одновременно жалость и ненависть?

— И очень бы хотела, чтобы я отправил вас на эшафот и объявил этот брак недействительным, — продолжил мужчина.

Его свита закрывала нас от других гостей, не давая им подойти ближе и прислушаться к нашему разговору.

— Вы это сделаете? — едва слышно спросила у него, не отрывая взгляда от пары, которая продолжала танцевать.

Красивы? Несомненно.

Подходят друг другу? О, да. Он высокий черноволосый, статный, она хрупкая золотовласая блондинка. Ту, что хочется защищать и оберегать.

Дерек смотрел на неё, даже улыбнулся, слушал болтовню и кивал. Его руки лежали на её тонкой талии, его губы наклонялись к самому ушку, что-то шепча.

— У нас с Гареттом соглашение, которое я не имею права нарушать. Однако...

— Никто не застрахован от несчастных случаев, — закончила я.

Неприятный холодок прошёлся по позвоночнику, заставив поёжиться.

— Только Великие не простят. Я пожил уже достаточно много лет, герцогиня, чтобы понять, что есть вещи, в которые вмешиваться не стоит. Как бы ни хотелось. Алвира влюблена. Но это пройдёт.

«Тогда зачем всё это? Зачем такие мучения? Для неё, для меня, для Дерека?»

Я не произнесла это вслух, но он словно услышал:

— Урок, герцогиня. Напоминание о том, что полученное может быть легко отнято. Если вы будете играть не по правилам.

— Что вы имеете в виду?

— Признаюсь, когда старый герцог обратился ко мне с правом признать наследником своего младшего внука, я был удивлён. Но теперь понимаю, как же он был прав. Дерек истинный Архольд, один из тех столпов, на которых будет держаться Сангория... И ему нужен наследник. Такой же сильный, как его отец, и благословение Великой только укрепит его мощь.

Щеки вспыхнули румянцем, и я судорожно сглотнула, услышав следующую фразу:

— Я знаю, что у вас разные покои, герцогиня.

— Ваше величество, — потрясённо выдохнула я.

— Вы должны родить наследника, герцогиня. Должны и родите... Вы же не хотите такого врага, как я, не так ли?

— Нет.

Звуки стихли, танец закончился, и осталась пара, которая так одна и протанцевала посреди огромного зала в гнетущей тишине, нарушаемой лишь музыкой.

Прекрасно, прекрасно, — провозгласил правитель, когда Дерек подвёл девушку к нам. — Архольд, ты не возражаешь, если я нарушу ход вашего праздника?

— Как пожелаете, Ваше величество.

— Мы уже покидаем вас, но я хочу кое-что увидеть.

— И что же?

Чёрные глаза полыхнули пламенем, но лицо всё ещё оставалось непроницаемым.

— Карабеска! — оскалившись, произнёс Марлоу. — Прямо сейчас!

Я не смогла удержать дрожь и тихий вздох, полный изумления, с надеждой и страхом смотря в глаза мужа. Потому что только он мог решить, как быть. Или решения не было? Кто мог отказать правителю, когда он так чётко выразил своё желание?

— Как вам будет угодно, — склонив голову, произнёс Дерек и только потом посмотрел на меня, протягивая руку. — Селина?

А выбора всё равно нет.

Робко улыбнувшись, я вложила ладошку в его руку, уверена, дрожь Дерек почувствовал, и мы вышли в центр зала. Волна шепотков за нашими спинами, которые даже не думали скрываться. Да, этот бал будет долго обсуждаться сплетниками, столько потрясений за один день.

Сделав реверанс, попыталась улыбнуться, но не получилось, лицо Архольда оставалось всё так же холодно и неприступно, но его выдавал взгляд. Горящий, обещающий. Великие, как же сильно стучало сердце, как пылали щеки, и дрожало всё внутри.

Мы застыли на заданных позициях на небольшом расстоянии вполоборота, повернув головы и смотря друг другу прямо в душу. Видя только глаза напротив и теряясь в собственных ощущениях.

Первые звуки скрипки и сердце замерло, то ли от страха, то ли от предвкушения.

Сделать крохотный шаг вперёд, синхронно подняв левую руку вверх, и соприкоснуться запястьями. Правой до боли сжимать подол платья, нещадно измяв дорожную ткань.

Тихий вздох сорвался с губ, когда рука Дерека легла на талию, притягивая к себе, сокращая расстояние до непозволительно близкого.

«Не оттолкнул, не спрятался. Здесь. Он сейчас со мной».

Небольшой круг на месте. Сначала в одну сторону, потом в другую. Глаза в глаза, едва дыша от чувств, которые были остры как никогда, покалывая на коже и бурля внутри.

Задержав дыхание, я превратилась в клубок нервов, ожидая следующих прикосновений и не в силах дожидаться.

Ладонь Дерека скользнула вниз, лаская кожу запястья, обхватывая мою руку и опуская вниз. Ничего лишнего, но я всё равно плавилась как воск в его руках.

Пение духовых, и мы встали друг напротив друга, лицом к лицу, держась за руки. Но всего лишь на мгновение. Смотреть на мужчину выше моих сил, я горела от этого взгляда, от чувства собственной беспомощности, от прикосновений, которых нет, но я всё равно ждала.

Разворот, от которого сильнее закружилась голова, и я уже едва дышала, оказавшись прижатой спиной к его груди. Сильные руки лежат на моём животе. Я не сразу решилась накрыть их своими руками. Знаю, он чувствует мою дрожь, но понимает ли, с чем она связана?

Мне мало этого. Неожиданно мало. Туманной дымкой в сознании всплыли воспоминания о том танце недельной давности, и контраст эмоций говорил сам за себя. Дрожь была, предвкушение тоже. Но сейчас всё в сто крат ярче, больше и безумнее. Это как сравнивать вспышку света с мощным взрывом.

С Дерекком всегда так. Всегда на грани. Всегда мощно, на пределе сил и возможностей.

Шаг назад, в сторону и вперёд. Теперь в другую сторону. Я прижималась к нему всё сильнее, откидывая голову назад, подставляя шею для поцелуев, выгибаясь в спине.

Непростительная вольность, но мне всё равно.

Сосредоточиться на движениях не получается. Разве это возможно? Не думать о том, как мы близко сейчас. О том, что я чувствовала его всего, слышала сбивающее дыхание, которое опаляло шею, как в безумном ритме стучало его сердце. Так же, как и моё. Я уже ощущала его губы на своей коже. Или это только мои фантазии?

Ещё один резкий разворот и лица присутствующих гостей слились в сплошное пятно. Мы снова друг напротив друга, тяжело дыша, выставив чувства напоказ.

Масок больше нет. Есть голод, такой яркий, что нам больно и сладко одновременно.

«Люблю. Великие, как же сильно я его люблю. Думала, что смогла уничтожить эти чувства на корню, сожгла в лихорадке. Глупая, разве это возможно? Бегала от себя, от него. А ведь это счастье. Быть такой живой и настоящей. Только с ним».

Пронзительно простонала скрипка и я взмыла в вверх, когда Дерек легко поднял меня над полом и закружил. Прогнувшись в спине, подняла голову вверх и закрыла глаза, отдаваясь этому невероятному чувству полёта.

«Знаю, что муж удержит и не даст упасть, подхватит, если сорвусь в пропасть».

Я вновь доверяла Архольду.

Скольжение по телу мужчины было медленным и дало возможность оценить сложение своего супруга. Юбка всё-таки задралась, обнажая лодыжки, робким холодком лаская кожу. Какой яркий контраст с жаром его тела.

Всё ниже и ниже, замерев на мгновение, когда наши лица оказываются на одном уровне.

— Сэм...

Губы Архольда едва шевелятся, и я скорее чувствую, чем слышу это обращение, которое сейчас уже не вызывает такого неприятия.

Сэм? Да. Его и только его.

Под аккомпанемент духовых мы закружили по залу, слишком близко, слишком тесно прижимаясь к друг другу.

И снова всё по кругу — второй, третий.

Кажется, что ярче быть не может, что еще немного, и я не выдержу. Но мы продолжаем эту чувственную попытку прикосновений, взглядов и ожиданий.

Еще немного.

Последний полёт и мягкое скольжение вниз. Я до боли искусала губы, чтоб сдержать рвущийся наружу стон. Снова наши глаза так рядом, что мир теряется.

Ноги дрожат, и с трудом удаётся сохранить равновесие, когда Дерек опустил меня на пол.

Надо отойти, отступить и, кажется, музыка уже закончилась. Должна была закончиться. Но не могу. Я замерла в его руках и ждала чего-то, сама не зная чего.

Руки Дерека всё ещё у меня на талии, мои лежат у него на груди, я чувствую мягкость ткани его сюртука под своими ладонями.

— Сэм, — приятный шёпот, от которого волосы становятся дыбом. — Селина.

Я всё-таки подняла взгляд, сразу утонув в глубоком омуте чёрных, как ночь глаз.

— Да, — прошептала в ответ.

Горячее дыхание на моих губах, едва уловимый аромат алкоголя и первое прикосновение, которое в одно мгновение вышибает воздух из лёгких. Дерек замер, но я уже сама потянулась к нему, едва не рыча от нетерпения. Ладони заскользили вверх, руки обхватили шею, притягивая к себе, не давая даже шанса уйти.

Мой.

Мужчина больше себя не сдерживал, руки с силой сжали талию, губы сминали мои, и я уже не смогла заглушить рвущийся наружу слабый стон. Его язык тут же проник в мой рот — изучая, соблазняя, обещая.

Хлоп-хлоп-хлоп...

Я не сразу поняла, что происходит. Что за хлопки ворвались в мой мир, так жестоко выдёргивая из сладкой неги. Дерек вздрогнул, вскидывая голову и еще сильнее прижимая к себе.

Память возвращается не сразу и мне хочется спрятать лицо на его груди. Великие, как мы могли, на глазах всего общества, герцога Марлоу и его племянницы. Мне вновь стало её жаль. Увидеть такое невероятно больно.

В тишине зала нам аплодировал сам правитель.

— Что же, теперь я уверен, что всё хорошо. Отлично вам повеселиться! А вы, молодые, можете прямо сейчас отправляться в покои, — насмешливо произнёс Марлоу перед тем, как удалиться, уводя с собой родственницу.

— Если хочешь, можешь уйти, — прошептал Дерек мне на ушко, бережно касаясь обнажённого плеча.

Мы всё ещё стояли посреди огромного зала.

— А ты?

— Я останусь.

— И я останусь, — вздохнув, произнесла я и выпрямилась.

— Уверена?

— Да.

Архольд улыбнулся, взял меня за руку и поцеловал.

— Тогда пойдём и дальше играть свою роль, герцогиня.

От этой улыбки у меня всё потеплело внутри, и вернулась уверенность, что всё будет хорошо, что мы справимся.

— Пойдём.

Оставшиеся три часа длились невероятно долго. Больше я не танцевала. Меня приглашали, уговаривали, льстили, но я всем отказывала. Рядом неотлучно находилась свекровь с мужем, помогая избавиться от особо ретивых поклонников. А вот Дерек почти всё время провёл вдали. С одной стороны, это было хорошо, я могла прийти в себя после танца, с другой — это было невыносимо сложно.

Но я всё время чувствовала на себе его взгляд, и это придавало смелости.

Часы пробили полночь. Гости могли веселиться до утра, но хозяйка имела право уйти, что я и собиралась сделать.

Найдя взглядом мужа, я сразу направилась к нему. Дерек как будто почувствовал, наскоро попрощался с пожилым мужчиной, с которым о чём-то разговаривал и сам пошёл навстречу, ловко маневрируя между гостями.

— Я хочу вернуться в свои покои, — сообщила ему, внимательно всматриваясь в лицо, ожидая реакции.

— Хорошо. Я велю слугам тебя проводить.

И всё.

Неужели мне всё привиделось, неужели не было этого танца и поцелуя, после которого до сих пор горели губы?

— Спасибо.

— Спокойной ночи, герцогиня, — произнёс Архольд.

Мне показалось или его взгляд изменился? Что-то дьявольское мелькнуло и пропало, заставив сердце замереть на долю секунды.

— Благодарю, — кивнула в ответ, посмотрела еще раз и направилась к выходу.

Как бы то ни было, решение я уже приняла и отступить от него не намерена.

Глава Пятнадцатая. Муж и жена

— Что он сказал? — сдержанно поинтересовалась у Эльзы, которая мялась в дверях, не решаясь на меня взглянуть.

— Его Светлость просил передать, что устал и переговорит с вами завтра утром, — упавшим голосом повторила девушка.

Значит, не показалось.

— Ясно, — произнесла и нервно откинула мешающиеся волосы на спину. — Спасибо, я поняла.

— Миледи...

— Можешь быть свободна.

Весь план, так тщательно выстроенный и продуманный, катился в бездну. Неужели Архольд специально изводит меня? И это сейчас, когда я сделала то, о чём он так просил, приняла решение, пригласила в свои покои и приготовилась: надела свою самую красивую сорочку, до блеска расчесала локоны, отвара успокоительного выпила.

А Дерек не пришёл.

Неслышно закрылась за горничной дверь, а я тут же принялась ходить из одного угла спальни в другой. Замирая, то у зеркала, из которого на меня смотрела бледная взволнованная девушка с длинными тёмными волосами, то подходила к столику, где продолжал цвести зимний букет.

Огонь в камине с треском пожирал поленья, и вообще в покоях было тепло, но я не могла сдержать дрожь, которая холодной змейкой прошла по позвоночнику.

Игра... игра... игра.

Проверка на прочность и решительность? Наказание за ошибку?

«Думаешь, отступлю?»

Коснулась подушечками пальцев мягких коробочек хлопка, белеющих в общей композиции букета.

«Думаешь, струшу, обижусь и откажусь?»

Провела по еловым веточкам, легонько щелкнула по красным ягодкам.

«Или даёшь мне шанс спрятаться назад в свою скорлупу?»

Отшатнулась от стола, потирая ноющие виски.

«Великие, Дерек, ты вновь запутал меня. Играешь. Как котёнком. Но чего ты добиваешься? Чего хочешь на самом деле? Хочешь проверить, хватит ли у меня решимости самой прийти к тебе? Или хочешь, чтоб я одумалась?»

Некоторое время я стояла, не отрывая взгляда от огромной кровати и пытаюсь унять скачущее сердце.

Понимала ли я, на что иду, приглашая Архольда к себе? Понимала ли, чем всё закончится? И понимаю ли я это сейчас?

Дрожащими руками завязала пояс халата в тугий узел, последний раз взглянула на себя в зеркало и решительно вышла из покоев.

В коридоре было сумрачно (светильников зажгли всего два и горели они по разные стороны), тихо и прохладно. Босые ноги тут же замёрзли, несмотря на то, что я стояла на ковре, а лёгкая ткань пеньюара была такой тонкой, почти прозрачной, что совсем не грела.

Надо поспешить, а то завтра проснусь с красным носом и слезящимися глазами.

Я знала, какие покои занимал Дерек, и поспешила к нему, едва не переходя на бег. Стучать не стала, сразу открыла дверь, вошла внутрь и тут же её закрыла.

— Селина? — Дерек в расстёгнутой рубашке навывпуск и брюках сидел в кресле у камина и пил.

Полупустая бутылка бренди стояла у ножки кресла на полу.

— Ты не пришел, — обвиняюще ответила ему и подошла к камину, подставляя руки и пытаясь согреться.

Или может дрожь совсем иного толка?

— У тебя что-то серьезное? — поинтересовался герцог.

Я чувствовала, как его взгляд скользит по моему телу от голых ступней вверх по ногам к груди, которую красиво облегал халат, по волосам и снова вниз.

— Очень.

Но чего я точно не ожидала, так это следующего вопроса:

— Решила воплотить план Марлоу в жизнь?

— Что? — я оторвала взгляд от камина и недоумённо на него посмотрела. — Что ты сказал?

Пламя рисовало причудливые тени на его лице, делая черты лица резче, глубже и опаснее. А глаза стали совсем чёрными и колючими.

— Герцог ведь рассказал тебе о преемственности, наследниках, долге? Возможно, даже угрожал, — медленно произнёс Архольд. Слишком медленно, ему словно трудно было говорить. — Ты решила последовать его совету?

— Ты серьёзно думаешь, что я готова отказаться от свободы и счастливой жизни, только чтобы угодить Марлоу?

Почему-то обидно не было. Я вообще ничего не чувствовала сейчас: ни боли, ни разочарования, ни тоски, просто пустота, которая льдинкой застыла в груди.

Молчание и пристальный, обжигающий взгляд.

— Ты действительно так думаешь? Нет, не отвечай, — я покачала головой и едва уловимо улыбнулась. — Я поняла. Всё поняла. Прошу прощения за поздний визит. Спокойной ночи.

Развернулась и направилась в сторону двери.

Уйти Дерек мне не дал.

Внезапно оказался рядом, обнял за плечи и заставил застыть в его руках. Медленно провел носом по моим волосам, вдыхая их аромат.

— Тогда зачем ты здесь?

Ладони заскользили по плечам вверх и вниз.

— Это была ошибка.

Но Дерек меня будто не слышал:

— Ты ведь понимаешь, что после этой ночи я тебя никогда не отпущу?

— А у меня был шанс сбежать от тебя? — горько усмехнулась я, чувствуя, как от этой простой ласки начинает гореть кожа, болезненно заныла грудь.

Тихий смешок и поцелуй в макушку:

— У тебя был призрачный шанс через год попытаться уйти. Но теперь уже не будет.

— Еще не поздно, — напомнила ему. — Я могу отказать тебе.

Руки опустились ниже, поглаживая бёдра, сжимая тонкий шёлк халата на талии.

— Почему ты пришла, Сэм? — прохрипел мужчина едва слышно.

Почему? Какой лёгкий и в то же время сложный вопрос.

— Потому что не могла иначе, — тихо ответила ему и закрыла глаза, наслаждаясь его прикосновениями, и задала свой вопрос, не менее сложный и важный. — Почему ты так жесток со мной?

— С нами, Сэм. Я жесток с нами. Схожу с ума от ревности и желания. Это сжигает меня, уничтожает и не поддаётся контролю. Но я хочу, чтобы ты сама сделала выбор. Без давления. Взвешенное решение, отступить от которого будет уже нельзя, — движения стали рваными, резкими, голос еще больше понизился.

— Но ты отталкиваешь меня. А если бы я не пришла?

— Ты всё равно пришла бы, потому что не можешь иначе, — вернул мне мои слова Архольд.

— Снова играешь, тешишь самолюбие?

— Пытаюсь не сойти с ума. Потому что приди я к тебе в спальню, то уйти бы уже не смог и остановиться тоже... А страшнее этого лишь твоя ненависть... Если бы ты знала, как мне трудно себя сейчас сдерживать. Как вкусно ты пахнешь, как отвечает твоё тело на каждое прикосновение... Ты знаешь, что сейчас произойдёт, Сэм?

Знала, но сил ответить не было. Кивнула и закусила губу, боясь издать малейший звук и спугнуть эту томительную близость.

Дерек отвёл назад волосы, обнажая шею, открывая для прикосновений и поцелуев, которых всё не было.

— Я сниму с тебя всё, не оставив и клочка ткани. Покрою поцелуями каждый сантиметр твоего тела. Накрою собой и согрею теплее любого пламени. Буду любить тебя всё ночь напролёт, пока рассвет не окрасит небо розовыми красками, но и потом не отпущу... Никогда не отпущу.

— Ты пытаешься меня запугать? — нервно выдохнула в ответ. — Ждёшь, что я сбегу?

— Уже не сбежишь, — ответил Дерек, разворачивая к себе. — И я тоже. Мы оба попали в этот капкан, из которого уже не выбраться.

— Какой капкан?

Мужчина взял меня за подбородок, заставляя смотреть ему прямо в глаза, лаская большим пальцем пересохшие губы.

— Любовь.

Глаза закрылись сами собой.

Сейчас они оказались самым ненужным инструментом восприятия, отвлекающим, вселяющим в душу страх и неуверенность. Мне не хотелось видеть, я стремилась чувствовать.

Терпкий вкус бренди, который горчил на моих губах. Сладость поцелуя, еще осторожного, едва уловимого, будто Дерек давал шанс привыкнуть к нему.

Руки, скользящие по плечам и сжимающие талию, бёдра. Гладкий шёлк пеньюара, который казался сейчас таким ненужным.

Поцелуй стал глубже и требовательнее. Дыхание сбивалось, теряясь, становясь одним на двоих: жарким, тяжелым, надсадным.

Кожа на руках покалывала от напряжения, хотелось коснуться его, зарыться пальцами в волосы. Сопротивляться не было сил. Руки сами поднялись по сильной спине, сжали плечи, и, наконец, провели по шелковым прядям.

— Сэм...

Я едва дышала, ощущая жаркие поцелуи на своём лице, шее, губах.

В следующее мгновение ноги вдруг подкосились. Мужчина через тонкую ткань сорочки сжал губами вершинку груди. И я, наверное, точно упала, если бы Дерек, что-то пробормотав едва слышно, не подхватил меня на руки.

А я всё ещё не открывала глаз. Зачем? И так было понятно, куда он несёт меня и что дальше последует.

Сердечко охнуло и забилось птичкой в груди.

Снова твёрдый пол под ногами и тишина. Я знала, что Архольд рядом, чувствовала его тепло и ждала новых прикосновений. Со страхом и предвкушением.

— Боишься? — тихий шёпот у виска и ощущение рук на талии.

Я почувствовала, как натянулся пояс и тут же давление спало.

— Дрожишь, — продолжил Дерек, медленно стягивая халат с плеч.

Дрожу? Наверное, не знаю. Я совсем потерялась в этом круговороте.

— Селина... моя.

В этот раз поцелуй другой: требовательный, голодный, обжигающий и немного болезненный. Как и его прикосновения, от которых не спрятаться и не укрыться.

Но страх почти сразу исчез, уступая место желанию.

Я не сразу замечаю, как сорочка упала на пол. Просто внезапно ощутила дуновение прохладного ветерка на обнажённой коже.

Мягкая кровать под спиной и мужчина надо мной. Его прикосновения и поцелуи — запретные, опасные, касающиеся меня там, где никто никогда не касался.

Меня уже нет, есть пламя, огонь желания. Голос куда-то пропал, единственное, что я могу, это стонать, шептать и хрипеть, не в силах вытерпеть этого безумия.

Сердце пропустило удар, когда я почувствовала его руку у себя между ног.

— Дерек, — то ли просьба остановиться, то ли мольба продолжить.

Я сама запуталась.

Но он сам всё знает и понимает, снова припадая к губам, снова целуя.

Я сама открылась ему, разведя в стороны ноги, бесстыдно предлагая себя, едва дыша от невероятного наслаждения, которое огненной дорожкой пробежало от живота по всему телу, до самых кончиков пальцев.

— Дерек.

Он ловит мой вздох губами, будто хочет попробовать на вкус, пока я дрожу в его руках.

— Вот так... умница моя... вот так... Селина, любимая.

Тяжесть тела и чужой пульс во мне.

Страх и попытка оттолкнуть, отсрочить мгновение боли, которая возникает так быстро и

стремительно, уничтожая мгновение неги.

— Прости... прости... Сейчас станет легче.

Становится. Почти сразу.

Открыв глаза, я вижу лицо мужа перед собой, капельки пота, блестящие на лбу, безумный огонь его взгляда, ощущаю движение внутри себя. Сначала медленное, но с каждым толчком бёдер всё ускоряющееся.

Желание вновь проснулось, но поздно.

Дерек вдруг наваливается всем телом, прижимает к себе так сильно, что я сама едва могу дышать.

— Сэ-э-э-эм...

Хриплый шепот, который дороже всего на свете и дрожь его влажного от пота тела. Теперь пришла моя очередь ловить губами его крик наслаждения.

Дерек почти сразу перекатился на бок и лёг рядом со мной, сухими губами целуя в макушку.

Я чувствовала, что он улыбается, и улыбнулась в ответ.

Мы теперь муж и жена. Настоящие, не фиктивные. И от этого мне хотелось не просто улыбаться, а смеяться громко и радостно. Пусть все знают, но на глаза почему-то набежали слёзы.

— Селина?

Голос мужа полон тревоги и раскаяния.

— Тебе плохо? Больно? Прости, я... не должен был...

— Я люблю тебя, — прошептала в ответ, пряча лицо на груди, — как же сильно я люблю тебя.

И тут же почувствовала, как он напрягся всем телом и почти сразу расслабился. Извернулся, заставив смотреть ему в глаза и требовательно произнёс:

— Скажи еще.

Мне не жалко.

— Я люблю тебя.

— Еще...

— Я люблю тебя, — я уже смеялась, утирая слёзы, которые всё никак не хотели перестать литься из глаз.

— Ох, Сэм, — муж принялся целовать меня как сумасшедший. — Как же я тебя люблю.

— Я знаю.

— Знаешь? — рассмеялся в ответ и снова поцеловал, на этот раз глубже.

Рука скользнула к груди, сжимая округлое полушарие, лаская тугую вершинку, поглаживая вздрагивающий живот, накрывая лоно, и почти сразу поднялась выше.

— Нельзя, — едва слышно прошептали губы, прервав поцелуй. — Тебе еще больно. Нельзя. Но завтра... Завтра ты от меня не сбежишь.

От этого обещания внутри всё вздрогнуло от предвкушения.

Потом была ванная с горячей водой и много пены. Даже слишком много, она всё поднималась вверх, стремясь добраться до лица, щекоча чувствительную кожу и вызывая

смех.

И снова объятия, прикосновения горячих рук, которые были почему-то горячее воды.

Поцелуи, сводящие с ума, заставляющие терять голову.

Прерывистый шёпот, рассказывающий о том, какая я красивая. Хриплый голос, просящий прощение, ведь сил сдерживаться просто нет.

— Сэм... хочу тебя... всю без остатка... маленькая моя... любимая...

А мне и не хочется, чтобы Дерек сдерживался. И боли больше не боялась. Ничего не страшно. Рядом с ним я готова свернуть горы.

Но не могла не покраснеть, когда мужчина вдруг притянул меня к себе, усадил сверху на колени, давая в полной мере ощутить возбуждение.

— Дерек, — растеряно прошептала, прикусив губу.

— Давай, милая... ты сможешь.

Снова поцелуи, убеждающие, уговаривающие.

Руки на моих бёдрах, которые помогли мне опуститься вниз.

Тихий вздох и дрожь по телу.

— Вот так... плавно... ох, Сэм... да... вот так...

Мгновение дискомфорта, всё-таки тело еще не пришло в себя, и движение.

Пушистая пена вокруг нас. Но я замечала лишь мужчину подо мной, вокруг меня... во мне.

Дерек везде, он центр моего мира. И мне не укрыться от чёрных глаз, которые смотрели в самую душу.

И я глядела на него, не в силах отвести взгляда. Даже когда от наслаждения едва могла дышать, когда воздуха уже не хватало, и вновь кипела в жилах кровь, а губы были искусаны до крови, я всё равно смотрела ему в глаза.

Вода плескалась вокруг нас, но она не могла заглушить тяжелое дыхание, всхлипы и жалобные стоны, лишь стекала вниз, оставляя после себя мокрые лужи на мраморном полу.

Разве это важно?

Я уже сама знала ритм наших тел, сама двигалась навстречу наслаждению, которое сейчас было так близко. Знала, что Дерек поймает, удержит, рухнет вместе со мной, разделяя этот миг на двоих...

Я почти не помнила, как муж поднял меня на руки, как, укутав в полотенце, отнёс в спальню. Как растянулся рядом, прижимая к себе, словно боясь, что я вновь сбегу из его жизни. Я так устала, что почти спала и всё никак не могла проснуться.

На рассвете Дерек ушёл. Поцеловал сонную меня в губы долгим поцелуем и с сожалением прошептал, что скоро вернётся, что мне надо лишь подождать.

Я что-то неясно промычала в ответ и снова погрузилась в сон со счастливой улыбкой на губах.

Проснулась уже ближе к обеду. Потянулась, чувствуя, как болезненно ноет тело, как между ног саднит, а голова как у чумной. Я не забыла о том, что произошло прошлой ночью, но и не жалела. Единственное, чего очень сильно хотелось — это есть.

Сев в кровати, прикрыла рот, пытаюсь спрятать зевок и еще раз потянулась.

Как же хорошо и легко. Давно так не было.

Мои вещи лежали в кресле. Видимо, это Дерек распорядился всё принести. Я смутно помнила его уход и обещание вернуться.

Укутавшись в простынь, вылезла из постели и подошла к вещам. Оделась я довольно быстро. Платье лавандового цвета было простым со шнуровкой спереди, так что помощь не понадобилась. Волосы пока пришлось оставить распущенными. Надо пригласить Эльзу, оглядевшись, я нашла шнурок от звонка и потянула его вниз.

Ждать пришлось удивительно долго. Я уже собиралась сама отправиться на поиски слуг, как дверь открылась, послышались шаги, и в спальню вошла моя горничная.

— Миледи? — присев передо мной, вопросительно произнесла она, наклонив голову вниз.

— Эльза, — обрадовалась я. — Ты-то мне и нужна. Помоги мне привести в порядок волосы, а то я без тебя не справлюсь. Гости еще не разъехались?

— Нет, миледи, — всё так же невыразительно произнесла она.

— Страшно хочу есть. Надеюсь, немного еды для голодной герцогини найдётся? — с улыбкой сообщила и тут внезапно поняла, что что-то с горничной не так. — Эльза? Что-то случилось?

Она всё-таки подняла на меня лицо: бледное, опухшее от слёз, с покрасневшими глазами, полными боли и горя.

— Обвал, миледи, — уже не сдерживаясь, прорыдала девушка.

— Обвал?

— Да. Его светлость... — она заплакала еще громче, а я отшатнулась, не желая слышать продолжения и в то же время понимая, что должна. — Их завалило, миледи. Говорят, что выживших нет.

Наверное, надо было упасть в обморок, устроить истерику, залить всё солёными слезами и рыдать не переставая. Так должна была поступить нормальная девушка, которой только что сообщили, что она стала вдовой.

Но этого не было.

Наоборот, внезапно ледяной волной, уничтожая все эмоции на корню, накатила уверенность, что всё это ложь.

— Где леди Энния? — резко спросила её.

— Ч-что?

Глаза Эльзы стали еще больше, она от неожиданности даже реветь перестала, лишь шмыгала носом и слегка дрожала.

— Где леди Энния? — снова спросила я.

— Внизу, с остальными. Вы, кажется, не поняли, — забормотала девушка.

Нет, как бы хладнокровна я ни была сейчас, но снова слышать это не могла.

— Проводи меня к ней, прямо сейчас, — велела ей, и сама двинулась к двери.

— Да, миледи.

Наверное, решила, что я безэмоциональная дрянь, которой наплевать на судьбу мужа. Но сил объяснить ей что-либо не было. Мне необходимо видеть свекровь прямо сейчас.

В доме казалось непривычно тихо, даже немногочисленные слуги двигались бесшумно и были больше похожи на тени. Я знала, что они смотрели мне вслед, шептались,

показывали пальцами.

Вот и двери малой гостиной, в которой собралось всё семейство Корвилов. Даже ненавистный Клод с довольной ухмылкой на лице был здесь.

Стоило мне войти, как все замолчали. Кто-то прямо смотрел на меня, другие отводили взгляд. Радость и печаль, счастье и гнев. Ложь и правда. Как отличить их? Как выжить в этом окружении?

В комнате душно? Или голова кружится от свалившегося на меня горя?

Октавир, уже едва стоящий на ногах от выпитого, широко улыбался. В уголке утирала слёзы Одетт, пытаясь казаться старше и сильнее. Тяжело вздыхала леди Ллевели, даже её кудряшки, казалось, поникли.

— Селина? — Свекровь тяжело поднялась с дивана и бросилась ко мне. Голубые глаза были полны слёз и жгучей боли утраты. — Селина... обвал... как же так?

Я позволила себя обнять, даже ободряюще погладила женщину по спине, чувствуя, как её слёзы текут и по моим щекам. Но ответных эмоций так и не возникло.

— Герцогиня, — произнёс Аргонор, — вы уже слышали о произошедшем?

— Мне сказали, что произошёл обвал.

Я подвела обессилившую женщину к дивану и передала в руки супруга, после чего требовательно глянула на старейшего представителя семьи Корвилов.

— Да. Сегодня утром обвалилась часть скалы, с лица земли стёрло небольшой посёлок на севере. Работы по разбору завалов уже ведутся, но вы сами понимаете... — он понизил голос и скорбно вздохнул.

Они уже его похоронили. Все они.

— Дерек жив, — громко и чётко произнесла я.

— Что за глупости, — фыркнул Клод.

— Это не глупости. — Я даже не удосужила его взглядом, смотря прямо на Аргонора.

— Я знаю, мой муж жив.

— Для этого есть основания?

В наступившей тишине его голос звучал очень громко и чётко.

— Я просто знаю.

Но для них это были просто слова и ничего больше. Даже свекровь мне не верила.

— Обвал очень большой, скала огромная, — спокойно произнёс пожилой мужчина, в глубине его безликих глаз плескалась жалость. — После такого никто не выживет. Даже искрящий.

Может он и прав, но я всё равно не верила.

— Так не хочется терять титул и положение? — вставая, произнёс Клод. — С вашей семьёй уже связались, и здесь вас никто более не задерживает, леди Селина Корвил.

— Клод, — вскрикнула леди Энния. — Зачем ты так?

— Бросьте, всем уже давно известно, что этот брак лишь фикция, не больше. Они даже спали в разных покоях.

— Брак был консуммирован, — тихо ответила я, но он меня услышал.

Крутанулся на каблуках, недоверчиво рассматривая, не веря.

— Что?

— Сегодня ночью наш брак был консуммирован, — уже громче произнесла я и сжала кулаки, чувствуя, как запылали от смущения щеки. — Вы еще слишком рано начали распоряжаться здесь, дорогой племянник. Вполне возможно, что я беременна. — Рука легла на плоский живот, и взгляды всех присутствующих замерли на ней. — А это значит, что вам рано хоронить Дерека и отдавать титул другому.

— Это ложь, — выкрикнул Клод, но я уже на него не смотрела, вновь повернувшись к лорду Аргонору.

— Как герцогиня и наместник Архольда на время его отсутствия, я хочу получить самую полную информацию о поисках моего мужа.

— Дед!

— Замолчи, — прикрикнул на него пожилой мужчина. — Она права. Если брак был консуммирован, то велика вероятность, что герцогиня сейчас носит под сердцем ребёнка... Информация будет поступать лично вам, миледи.

— Хорошо.

Стук в дверь заставил меня дернуться и резко повернуться.

— Ваша Светлость, — пробормотал бледный лакей и сглотнул, — там...

— Дерек, — выдохнула я, прижимая руку к сердцу. — Герцог вернулся?

— Нет. Там прибыла женщина. Говорит, что она, — нервное покашливание и юноша еще больше побелел. — Говорит, что она царица Адония.

— Кто? — вскрикнула леди Лллевели, едва не падая в обморок.

— Царица Адония. И она хочет видеть вас, миледи.

— Меня?

— Да. Прямо сейчас. Говорит, что это очень важно и касается герцога.

Глава Шестнадцатая. Откровения

Она была красива, эта царица с дальнего острова Террико. Можно даже сказать — совершенна. С прекрасным лицом, бирюзовыми глазами в обрамлении густых ресниц, алыми пухлыми губами, гладкой светлой кожей, легким румянцем на щеках и густыми белоснежными волосами, собранными в затейливую косу и украшенными крупными жемчужинами.

Её хрупкость и женственность подчеркивало тёплое белоснежное пальто свободного кроя с меховой серо-бежевой опушкой, призванное уберечь от сильных морозов. Королевскую голову венчал золотой венец, инкрустированный бриллиантами и аквамаринами, уши оттягивали тяжелые серьги, а на длинных тонких пальцах сверкали массивные кольца.

Но я смотрела не на это.

Покрой пальто, каким бы свободным он ни был, не смог скрыть небольшой выступающий живот. И вместо того, чтобы поздороваться и должным образом поприветствовать царственную особу, я продолжала стоять в проёме, с силой сжимая дверную ручку, не заходя, но и не сводя взгляда с округлого животика.

Я так засмотрелась, что не заметила, что и она меня изучает, стараясь не пропустить ни малейшей детали.

От тяжёлого, пристального взгляда заалели щеки. Как же блекло я, должно быть, выглядела на её фоне. Она яркая и сверкающая. А я? В наспех надетом платье, простом и без изысков, с распущенными волосами, которые даже не успела толком причесать, с синяками под глазами, свидетелями бессонной ночи, полной страсти и любви.

— Герцогиня Архольд?

И голос у Адони был подобен пению удивительных южных птиц: нежный, переливчатый.

— Ваше Величество. Добро пожаловать, — я неловко присела, продолжая держаться за ручку, а взгляд всё равно возвращался на её живот.

В опустевшей голове зазвучали слова Клода. Неужели правда? Неужели это его ребёнок? Дерек?

— Нет, — неожиданно тихо и уверенно произнесла царица.

— Прошу прощения?

С трудом, но мне удалось заставить себя закрыть дверь в гостиную, отрезая нас от холода пустого коридора, и сделать шаг вперёд. Всего один шаг, чтобы замереть, сцепив руки за спиной.

— Это не его ребёнок. Я же по лицу вижу, какие мысли роятся в вашей голове, герцогиня. Но отец этого ребёнка не Дерек-ару. Хотя в нашу последнюю встречу я просила его об этом, — грустная усмешка не нашла отражения в глазах цвета океана. — Даже умоляла... Вы не против, если я присяду? Тяжело стоять и путь до вашего замка был долгим.

— Да, конечно, прошу.

Она села, откидываясь на спинку дивана, после чего вновь взглянула на меня. Взгляд остался таким же пристальным и колючим, проникающим под кожу.

— Так вот ты какая?

Я неловко присела на краешек кресла, заправляя волосы за уши, чтобы не мешались, и склонила голову на бок, ожидая ответа.

— Какая?

— Такая. Тебе ведь уже доложили о наших отношениях с Дерек-ару?

Не знаю, каких сил мне стоило просто выдержать этот взгляд, усидеть на месте и кивнуть, хотя внутри всё сжалось от боли.

— Да.

— Осуждаешь?

Раньше возможно. Сейчас — нет. В данный момент я хотела только одного — чтобы мой муж оказался здесь, рядом, живой и здоровый. А всё стальное я бы ему простила и забыла. Только лишь бы вернулся.

— Осуждаешь за прошлое? — вновь повторила свой вопрос Адония. — Ты же ведь и сама за собиралась замуж за другого? Клялась ему в любви.

«Интересно, если послать царицу в дальний путь к себе на остров, это будет считаться дипломатическим провалом?... Кто она такая, чтобы указывать мне на ошибки прошлого? Кто она такая, чтобы приходить сюда и рассказывать о связи с Дерек-ару? Чего добивается? Что я брошу всё и сбегу? Ошибается. Однажды я уже совершила глупости и ушла, хотя обещала дожидаться. Больше это не повторится».

— Что вам нужно? — сухо поинтересовалась у неё.

— Хочу взглянуть на ту, чей образ столько лет не давал Дерек-ару покоя. Ту, которую я так и не смогла вырвать из его сердца... Посмотри на меня, герцогиня. Посмотри внимательно.

Смотрела, хотя только Боги знают, как это было сложно.

— Я умна, красива, совершенна. Побывав однажды в моих объятьях, мужчина никогда не сможет их забыть. Я могу доставить мужчине наслаждение.

— Зачем вы мне это говорите? — Голос дрогнул, обнажая чувства и боль.

— У меня есть мужья, любовники и просто случайные интрижки. Но только один мужчина смог завоевать сердце. И только один не ответил на чувства. Я просила Дерек-ару подарить мне дочь. Его дочь. Ту, что будет напоминать о нём долгими днями и ночами. Никто бы не узнал о его отцовстве. У нас на Террико это неважно. Но Архольд отказал. Сказал, что его ребёнок никогда не будет расти без отца. Я могла схитрить, могла обмануть... возможно, так и стоило сделать, ведь теперь он больше ко мне не вернётся. Но я слишком его уважаю, слишком люблю, чтобы лгать.

— Что вам нужно? — вновь спросила у неё.

— Я хотела попасть на вчерашний бал и не успела. Ты не думай, я совершенно не собиралась портить ваш праздник, разлучать или устраивать истерику, — она вновь улыбнулась. — Кто я такая, чтобы идти против воли Великих. Просто хотела пожелать счастья. Вижу, у вас всё срослось и прошлое отступило, — Адония запнулась и сжала кулаки, не сводя с меня лихорадочного, какого-то сумасшедшего взгляда. — Скажи мне только одно, Дерек-ару жив?

Сейчас прошлое ушло, оголив нервы и оставив двух женщин наедине со своим горем. Мы обе любили Архольда и это неожиданно объединяло.

— Я не знаю, — едва слышно призналась ей. — Почти ничего не знаю. Там был обвал. Говорят, его завалило.

— Не то, — царица мотнула головой. — Не это интересует меня сейчас... Не слухи, новости и сплетни, а чувства... Ты его чувствуешь?

А в глазах тоска и боль, такая, что мне трудно дышать.

— Чувствую?

— Вы же связаны, Богами благословлённые. Только ты можешь найти его. Не я, не эти спасатели и искрящие. А только ты. Что ты чувствуешь? Скажи мне, прошу...

— Что он жив, — тихо, но уверенно произнесла я. — Сердцем чувствую, что жив. Женщина едва слышно всхлипнула и закрыла глаза, лицо исказилось от боли.

— Тогда найди его. Найди Дерек-ару, пока не поздно, — произнесла она едва слышно.

— Но я не знаю как.

— Знаешь. — Адония снова на меня посмотрела, прямо и открыто. — Сердце не может лгать.

Я больше не могла молчать. Вопрос, который не давал мне покоя всё то время, что мы говорили, сам сорвался с губ:

— Почему вы мне помогаете? Ведь мы же соперницы.

Адония покачала головой, отводя взгляд в сторону:

— Нет, я тебе не соперница, герцогиня. Эта битва была мной проиграна, так и не успев начаться. А я хочу, чтобы он жил. Пусть не со мной, но жив.

— Спасибо вам. Спасибо, — я поднялась, поняв, что не смогу больше сидеть и секунды.

Сердце звало туда, к разрушенной деревне. Права царица, медлить нельзя.

— Беги и найди его, — кивнула она, поняв, какие мысли меня тревожат.

— Вы правда думаете, что я могу найти Дерек?

— Только ты.

— Спасибо. Спасибо вам.

В коридоре меня уже ждала свекровь.

— Селина, подожди. Ты всё не так поняла, — вскрикнула она, стоило мне только выскочить из гостиной.

— Мне надо переодеться и отправляться в путь, — не останавливаясь, произнесла я и бросилась к лестнице.

— Подожди. Не знаю, что тебе наговорила эта женщина, но это не правда. Дерек любит только тебя, — донеслось мне вслед.

Пришлось немного притормозить.

— Я знаю, — обернувшись, произнесла я. — И я его люблю. Поэтому и отправляюсь на поиски. Сама. Прикажите седлать лошадей.

Произнеся это, вновь развернулась и, подхватив юбку, поспешила в свои покои. Времени не было и надо было спешить.

В покоях меня уже ждала заплаканная Эльза.

— Быстро, помоги мне одеться в дорожный костюм, — велела я, на ходу развязывая тесёмки платья и пытаюсь его стащить.

Пальцы путались, верёвочки выскользывали из рук, и я еще больше нервничала. Мне казалось, что время уходит, что еще немного и эта тоненькая ниточка, соединяющая наши души, просто лопнет.

— Давайте помогу, — тут же бросилась ко мне гувернантка.

А время всё бежало, клокотало внутри, сводя с ума. До дрожи в пальцах, искусанных в кровь губ и неприятного холодка по позвоночнику.

«Держись, Дерек, только держись».

— Готова, — скрепляя обычный узел на затылке последней шпилькой, произнесла

девушка.

Я уже едва могла сидеть от нетерпения и бегом выскочила из покоев, поддерживая руками тёмно-зелёную бархатную юбку.

— Селина? — свекровь ждала меня внизу вместе с мужем и старшим братом Дерека, Соммером. — Ты готова?

Стоило мне сбегать по лестнице, как они тут же подошли ближе.

— Ты не должна туда ехать, там опасно, — взмолилась леди Энния. — А если это повредит ребёнку?

Ребёнок... Я была не так наивна, чтобы поверить, что после одной ночи смогла забеременеть. Да и по срокам не выходило, цикл должен был начаться через пару дней. Как бы я этого ни желала, ребёнка не было. Лишь уловка, чтобы хоть как-то оттянуть время.

— Я должна быть там, — упорно повторила им. — Просто должна.

— Позволь сопровождать тебя? — вызвался деверь. — Одна ты точно туда не отправишься.

Ответить я не успела, внезапно раздался голос, который я меньше всего ожидала сейчас услышать.

— Герцогиню буду сопровождать я, — отряхивая пушистый снег с плеч, произнёс высокий светловолосый мужчина.

— А кто вы такой? — тут же требовательно спросил Соммер.

— Граф Элькиз.

— Леонард, — потрясённо прошептала я. — Но как?

— Леонард Тонтон, — подходя ближе, представился братец. — Я брат леди Корвил. Узнал о случившемся и сразу поспешил сюда.

— Из Ванагории? — недоверчиво переспросил лорд Найджел.

Нет, не мог он так быстро добраться сюда. Значит, Лео всё время был здесь, где-то недалеко. Но разве такое возможно? Зачем ему это? Или братец опять начал игру, правил которой я не знаю.

— Нет, я уже довольно длительное время нахожусь в Сангориа в качестве участника дипломатической миссии... Я так понимаю, дорогая сестра, что ты решила отправиться на место обвала?

— Да.

— Эти господа правы, там небезопасно. Но я также знаю, что если ты что-то решила, то переубедить тебя будет невозможно. Позволишь себя сопровождать?

— Да, — спустя некоторое время кивнула я.

— Селина, ты уверена? — переспросила свекровь.

— Да. Я полностью доверяю Леонарду.

Но магическую защиту обновила и, как только мы сели в крытые сани, приготовила небольшое заклятие. Активировать его я всегда успею. В любом случае, это хорошо, что Лео оказался здесь. Теперь я смогу получить ответы на кое-какие свои вопросы.

— Всё-таки не устояла, — произнёс брат, как только сани выехали со двора.

— Оправдываться перед тобой не стану. Как давно ты в Сангориа?

— Прибыл следом за тобой. Не переживай, я тут официально и действительно с дипломатической миссией.

— Почему не сообщил?

— Не видел смысла. Это правда, что ты беременна?

— А что такое? — резко просила у него. — Желаете стать опекуном будущего герцога Архольда?

— Значит, ребёнок всё-таки есть, — довольно кивнул брат.

— Скоро узнаем... Ты ведь знал тогда, что всё было подстроено.

Я не спрашивала, а утверждала, и Лео даже не думал мне врать. Откинулся на спинку мягкого сидения и насмешливо улыбнулся:

— Узнали всё-таки. Не сомневался.

— Почему? За что так со мной? С нами? — вопросы шли от самого сердца, и зарубцевавшаяся было рана вновь начала кровоточить.

— А ты думаешь, я должен был обрадоваться? — немного резко ответил он и тут же постарался взять себя в руки. — Моя младшая сестра, которой едва исполнилось восемнадцать лет. Ванаторийка, леди благородных кровей, связала свою жизнь с босяком из враждебной Сангория?

— Дерек внук Архольда, — напонила я ему.

— Младшая, побочная ветвь и его дед совсем не радовался такому родству. Ты вообще знаешь, что такое жить в ничтожном домишке и влачить жалкое существование?

— Мы искрящие, мы бы поднялись. Это не довод.

— Я знал Дерек, Селина. Очень хорошо знал. До той дуэли мы неплохо проводили время вместе с компанией других таких лоботрясов. Мы курили, пили и гуляли, устраивали совместные оргии в борделях, менялись любовницами, делились пикантными историями о своих похождениях. Ты думаешь, такого мужа я хотел для тебя?

— Ты мог прийти ко мне. Поговорить, рассказать о своих тревогах.

— И ты бы поверила? Влюблённая дурочка, которая забыла о долге, семье и будущем, отдав сердце этому бабнику. Когда старый Архольд сообщил о вашем побеге, я хотел его убить, вызвать на дуэль и убить. Этот ублюдок нашел, чем отомстить мне, совратил младшую сестру.

— Это неправда!

Но тот меня будто не слышал. Обычно спокойное лицо перекошило от злости и ненависти.

— Я считал иначе. Но герцог нашел другой более изощрённый способ, чтобы разлучить вас. Сообщил, что Дерек остался всё таким же. Что у него есть любовница и сказал, где их найти. Ты же сама видела.

— Это был не Дерек, — устало ответила ему. — Герцог и тебя провёл. Дерек тогда был в тюрьме, а это лишь иллюзия. Измены не было. А ты едва меня не убил.

Виноватым брат не выглядел.

— Поверь мне, если бы я знал о том, что Богиня сама лично вас благословила...

— То что тогда? Не надо мне рассказывать о том, как сильно ты беспокоился о моей судьбе. Ты переживал за себя. Побег неразумной сестры с подданным Сангория больно ударил бы по твоему статусу. И никакого выкупа. Как обидно. Зато теперь ты вдобавок ко всему получил еще титул и особняк на Карловом взгорье.

— Отрастила зубки? Огрызаться начала, — довольно улыбнулся он. — Растёшь, Селина.

— Это ты устроил обвал?! — требовательно спросила у него, не сводя напряженного взгляда с лица брата.

Мне надо было знать правду. Прямо сейчас. Даже страшно представить, что бы было, если бы он солгал мне, если бы я заподозрила Лео в этом преступлении.

— Подозреваешь меня? Разумно, но нет. Это был не я.

— Почему я должна тебе верить?

— Потому что один раз я уже вытаскивал тебя из-за грани. Еще раз проходить через это не хочу. Да и в качестве герцогини Архольд ты меня более чем устраиваешь.

— Выгода всегда и во всём? — горько прошептала в ответ.

— И никак иначе. Ты ведь не зря спешишь на место обвала. Хочешь его почувствовать?

Ты знаешь? — недоверчиво переспросила я.

— Подозреваю. И то, что обвал был устроен специально, ты тоже поняла? Зажмурилась на мгновение и кивнула.

— Проблема в том, Селина, что твои поиски мужа вряд ли понравятся убийце, и он попытается нас остановить. По идее, надо было взять охрану, но можно ли им доверять.

— И что теперь?

— Я взял своих людей. Они будут нас ждать у места трагедии. Не переживай, Селина, найдём мы твоего мужа. Если он жив, то обязательно найдём.

Жив. Я чувствовала, но нить с каждой секундой истончалась и слабела.

«Только дождись...»

Сложно сказать, что именно я ожидала увидеть на месте трагедии, наверное, камни, много камней. А еще людей, искрящих, которые ведут поиски.

Всё оказалась страшнее.

Во-первых, тишина. Вроде и разговоры были, спасатели переговаривались между собой, и воронье кружило над головами, сотрясая округу противным карканьем. А всё равно тихо и страшно.

Во-вторых, то, что сразу бросилось в глаза, когда я, поддерживаемая Лео, выбралась из саней, это лежащие в ряд тела, укрытые белыми саванами, которые почти сливались со снегом.

В-третьих, само место. Здесь были не просто заледеневшие, покрытые изморозью и снегом куски обвалившейся скалы, а еще обломки деревьев, части крыш и остатки стен.

Боги, я не представляла, как в этом аду Дерек мог выжить, но нить, связующая нас, никуда не делась.

— Ты в порядке? — поинтересовался Леонард, отворачивая меня от тел.

— Да, — рассеяно отозвалась в ответ и поправила капюшон шубки.

Мороз крепчал, болезненно щипал щеки и нос, сбивал дыхание и вызывал озноб по всему телу. И это несмотря на солнце, которое будто в усмешку ярко светило на безупречном серо-голубом небе

— Ваша светлость? — К нам спешил высокий мужчина с короткой посеребрённой сединой бородой и смуглым лицом, изрезанным морщинами. Несмотря на возраст, двигался он легко и непринуждённо. Хотя было заметно, что нашему появлению он совсем не обрадовался. — Что вы здесь делаете?

— Здравствуйте.

— Лурд Эванс, я руковожу поисками. Ваша светлость, вы должны вернуться домой, здесь не безопасно.

— Герцогиня хочет помочь в поисках, — вмешался Лео. — Леонард Торнтон граф Элькиз.

— Так это ваши парни здесь ходят, — Эванс неприязненно сощурил глаза. — Мешают.

— Они вам не мешают. И здесь находятся в качестве охраны герцогини.

— Охраны? Что за глупости. А если вы действительно хотите помочь, то отвезите её домой. Здесь женщине не место. Практически все мертвы или страшно изувечены.

— Я искрящая, — произнесла едва слышно и вновь повернулась в сторону разрушенной деревни. Меня словно магнитом манило туда, звало.

Дерек. Он был там. Живой. Звал на помощь. Я знала.

— Селина, — Лео явно заметил моё замешательство. — Что-то не так? Ты что-то чувствуешь?

Я его почти не слышала, лихорадочно осматривая уродливые камни.

Пuls застучал в висках, оглушая, сводя с ума. Хотелось идти, бежать, спешить куда-то, стоять на месте было невыносимо и больно.

— Он там, — прошептала едва слышно и двинулась прямо к своей цели.

— Герцогиня! Вам туда нельзя. Риск повторного обвала...

— Селина, подожди, — брат тут же нагнал меня и взял за руку.

Не для того, чтобы остановить, а для того, чтобы поддержать и не дать упасть на скользких камнях, помогая пройти мимо искорёженных ветвей, которые так и норовили схватиться за юбку.

— Герцогиня, прошу вас, отправляйтесь в замок, — зудел сзади Эванс, который не отставал ни на шаг.

А я прислушивалась к зову, пытаюсь определить направление, и двигалась вперёд и вперёд.

На нас обращали внимание. Искрящие, поисковики и просто разнорабочие, оттаскивающие камни в сторону, бросали работу, провожая нас внимательными взглядами.

В какой-то момент сердце замерло и ухнуло вниз. Я едва смогла устоять на ногах, цепляясь за руку брата.

— Селина, что?

— Он там, — прохрипела я, дрожащей рукой указывая на небольшую гору из камней, на вершине которой, расправив крылья, сидел чёрный ворон.

— Невозможно, Ваша светлость. Это место уже проверяли. Наш лучший специалист. А вот, кстати, и он. Зейн, будь добр, подойди.

Хруст снега и шорох камней под ногами и вот уже рядом с нами остановился молодой мужчина в рыжей меховой шапке и бежевой куртке на меху.

— Что-то не так, Эванс? — равнодушно отозвался тот, бросив на меня быстрый взгляд светло-бежевых глаз.

Лицо у него было острым, черты лица мелкими. Он вообще очень сильно напоминал хитрого лиса.

Я герцогиня Архольд и прошу вас начать копать здесь, — и снова указала на возвышенность. — Немедленно!

— Там ничего нет, — равнодушно отозвался поисковик. — Я проверял.

А душа рвалась туда, к Дереку. Кричала, что все они ошибаются. И будь он хоть трижды самый лучший поисковик, сердце не обманывало.

— Я приказываю начать там копать, — уже твёрже произнесла я.

— Пока мы будем разгребать эту промёрзлую землю, грызть её зубами и когтями, только потому, что её светлости так хочется, где-то там, — Зейн зло указал в сторону копошащихся поисковиков, — умрут люди, которые действительно нуждаются в помощи.

— Зейн, помягче, — смущенно забормотал Эванс. — Она всё же герцогиня.

— Ваша светлость, возвращайтесь в замок. Горе помутнило ваш разум. Я всё понимаю, но уезжайте и предоставьте поиски нам.

— Но Дерек там! — я едва не кричала от бессилия. — Я знаю.

— А я как лучший поисковик Сангориа утверждаю, там всего лишь груда камней и мусора. Ни мёртвых, ни тем более живых там нет.

Червячок сомнения засел внутри, мешая и не давая сосредоточиться. А вдруг он прав? Вдруг это ошибка, которая будет стоить жизни других. Откуда я знаю, что он там. Чувствую? Поверила словам царицы. А если это ложь. Всё вокруг ложь.

Этот Зейн так уверен, смотрит прямо, открыто. А я ему мешаю, им. Может, Дерек давно мёртв, а я выдаю желаемое за действительное?

— Арестовать, — раздался вдруг спокойный голос Лео, заставивший меня недоумённо захлопать ресницами.

— Что?

— Вы что делаете? — возмущился Эванс, когда парни Лео вдруг появились за спиной Зейна и начали скручивать последнего.

— Отпустите! — процедил Зейн.

— Лео, что ты делаешь? — вскрикнула я. — Что происходит? Ты с ума сошел!

— А вы, — брат проигнорировал мой вопрос и повернулся к Эвансу, — прикажите немедленно начать раскопки в том месте, где указала герцогиня.

— Это произвол! Я буду жаловаться герцогу Марлоу. Зейн наш лучший специалист.

— Если герцога Архольда там не окажется, я лично принесу господину Зейну извинения и выплачу денежную компенсацию. Но сейчас я больше склонен верить герцогине, чем ему. Так что начинайте.

— Лео, что ты делаешь? — зашептала я, когда он отвёл меня чуть в сторону.

— Спасая Архольда и тебя заодно. Если ты уверена, что он там, а этот Зейн утверждает обратное, то кто-то из вас врёт. Ты не думала об этом?

— Хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что убийца в любом случае подсуетился и сделал так, чтобы Архольда нашли как можно позже, если бы вообще нашли. А этот поисковик очень этого не хотел.

— Ты мне веришь? — спросила я едва слышно.

— Я верю в Великих. А они не зря вас соединили.

Через двадцать минут в небольшой щелке между камнями мелькнул голубой огонёк.

Мигнул и почти сразу погас. Но я его успела увидеть.

— Стойте! — подхватив юбки, я бросилась вперёд, падая на колени и разгребая грязь и снег.

Перчатки мешались, пришлось их стащить и копать голыми руками, которые очень быстро замёрзли, став непослушными и будто чужими.

— Селина, что случилось? — Лео приземлился рядом, помогая мне.

— Щит, — зашептала я, чувствуя, как слёзы льются из глаз, застывая на щеках ледяными дорожками. — Дерек поставил щит. Я видела. Это его спасло. Но он истончается... я должна подпитать... должна, пока не поздно.

— Продолжайте копать, — велел мужчина. — Продолжайте!

Искра блеснула ярче. Теперь её видели все.

— Великие, — прошептал Эванс и громко крикнул. — Быстрее! Все сюда! Мы нашли герцога!

Прикусив губу, я осторожно просунула ладонь сквозь щель, пытаясь коснуться сияния.

Еще чуть-чуть... немного.

— Что бы ни случилось, не трогай меня, — тихо велела я Леонарду. — Мне надо восстановить защиту, а для этого придётся отдать часть своей энергии.

— Это безопасно?

— Я не знаю, как сильно повреждён щит, — призналась ему. — Но он такой слабый... Пальцы пронзило током, и я тяжело задышала. Нашла.

Отдавать энергию тело не хотело. Спротивлялось, выдавало по капле. От напряжения стало душно и жарко, но я продолжала упорно выдавливать из себя силы и мощь. Сначала капельки, потом ручеек, затем настоящий поток. И чем больше её уходило, тем труднее было мне.

Зрение, слух, осязание, обоняние — всё исчезло. Я словно оказалась в вакууме вне времени и пространства. Бездушное тело, в котором медленно угасала жизнь.

Надо бы остановиться, прекратить это, оставить себе хоть немного, но поток уже было не остановить.

И щит, который изначально сопротивлялся, отталкивал мою силу, сейчас жадно пил её, предрешая скорый конец. Я уже едва дышала, надсадно, хрипло, теряя сознание, которое уплывало, оставляя меня одну в темноте.

Сумрак жизни, мой последний рассвет. Я видела, как погасли последние искры света, и только потом полностью отключилась, отдавая себя на милость Великим.

Глава Семнадцатая. По заслугам

Это было похоже на длительный сон в неудобном положении. Вроде бы спала, долго спала и даже выспалась, но ощущения довольства и счастья не возникло. Наоборот, усталость усиливалась, тело не слушалось, а мышцы и вовсе превратились в кисель.

Я даже не сразу смогла открыть глаза. Лежала, оглушенная запахами и звуками, которые потоком хлынули на меня, дезориентируя.

Шелест страниц раздавался совсем рядом, словно кто-то с увлечением читал какую-то интересную книгу, неторопливо перелистывая желтоватые от времени листы бумаги. Пахло травами и настойками. Аромат был знакомым и, если захотеть я, возможно, смогла бы понять, для чего же нужно это лекарство.

Но разве это важно сейчас?

Надо открыть глаза, вдохнуть воздух полной грудью, прочистить онемевшее горло и спросить то, что не давало покоя. То, чего так хотела и в то же время боялась услышать.

Удалось это не сразу.

Сначала я открыла глаза, поморгала ресницами, пытаюсь убрать пелену, которая мешала обзору, застилая всё вокруг тонкой дымкой.

Темно. Но это не ночь. Скорее кто-то заботливо плотно задёрнул тяжелые гардины, не давая солнечному свету проникнуть в спальню и потревожить покой больной. Больная — это я.

Я хорошо помнила, что произошло и почему я оказалась в постели без сил. Обвал, Дерек и ярко-синий цвет щита.

Как только получилось разглядеть узор балдахина над головой, я попыталась повернуть голову. Но шея слушалась плохо. Как же хотелось крикнуть, но с губ не сорвалось и звука. Эта беспомощность раздражала и тревожила. Почему так? Что со мной? Надолго ли это?

После нескольких минут упорной борьбы мне всё-таки удалось повернуться туда, где раздавался шелест страниц.

Кого я точно не ожидала увидеть, так это Одетт. Золовка с ногами, нещадно измяв нежно-голубое платье, забралась в кресло и что-то увлеченно читала. Чёрные брови сошлись на переносице, розовые губы шевелились, а пара смоляных прядей выбились из пучка. Девушка сосредоточенно накручивала одну из них на палец, совершенно не обращая на меня внимание.

«Что она здесь делает? Почему Одетт?»

Говорить так и не получалось, но пошевелить головой туда-сюда я могла. Надеюсь, что шорох подушек заставит девушку обратить на меня внимание.

На это ушло еще пару минут.

От напряжения и укачивания закружилась голова, а к горлу подкатил противный ком. Увеличению тошноты способствовал и запах трав, который вдруг стал густым, плотным и таким удушающим.

— Селина? — взволнованно спросила Одетт, поднимая взгляд от книги. — Ох! Ты очнулась? Молчи! Тебе нельзя разговаривать! Я сейчас! Только не спи! Я сейчас!

Она бросила книгу на кровать, вскочила, едва не упав с кресла, путаясь в юбках, бросилась к двери. Снова оступилась, зацепившись за ковер, взмахнула руками и едва не врезалась в дверной косяк.

Сбежала, не сказав слова. Разве так можно? Я ведь вся извелась от страха. Что с Дерекком? Получилось ли его вытащить?

А веки становились всё тяжелее. Так хотелось закрыть глаза и ни о чём не думать. Забыться и просто уснуть. И так трудно противостоять этому сонному дурману.

Наверное, я бы не выдержала и вновь уснула, если бы вскоре не раздались шаги, хлопнула дверь и в спальню не вошли Леонард и низкорослый пожилой лекарь.

— Вот видите! — радостно закричала Одетт, выглядывая из-за плеча Леонарда. — Я же говорила! Она пришла в себя.

Он видел. Зло сверкнул ледяным взглядом и раздраженно бросил девушке, даже не удостоив её вниманием:

— Можете быть свободны, леди Одетт.

— Что? — ей явно не понравилось такое обращение. Я плохо видела, но по голосу могла определить, как от возмущения у неё дрожал голос. — Да как вы?

— Благодарю за помощь, — тон брата снизился еще на пару градусов. Того и гляди, заморозит.

— Герцогиня? — привлек моё внимание лекарь, присаживаясь рядом и бережно беря за руку. Ладони у него были сухими и тёплыми, от них едва заметными импульсами шла сила, щекоча кожу. — Как вы себя чувствуете?

Я приоткрыла рот и тут же закрыла, забыв, что голос так и не вернулся.

— Не можете говорить, — понимающе закивал старичок. — Это вполне объяснимо и соответствует вашему состоянию. Такой упадок сил, такая потеря жизненной энергии. Повезло, что князь Элкиз оказался рядом. Давайте сыграем с вами в одну простую игру. Если вы моргнёте один раз, это будет означать «да». Если два раза, то нет. Согласны?

Я моргнула один раз.

Дальше в течение следующих десяти минут лекарь расспрашивал меня о самочувствии, задавал вопросы, считывал информацию, рассеяно кивал сам себе и ничего не рассказывал о Дерекке.

«Вот же, лекарь!»

— Вам пора спать, Ваша светлость, — поднося к моему рту небольшую пиалу с лекарством, ласково произнёс мужчина. Вашему организму нужно время для восстановления. Сон подходит для этого лучше всего. Когда вы проснётесь в следующий раз, будет гораздо легче. Силы восстановятся и голос вернётся.

Я послушно проглотила приторно-сладкую жидкость и вновь умоляюще взглянула на Леонарда, который продолжал истуканом стоять в ногах кровати. Оставалось надеяться, что он по взгляду поймёт, какие мысли меня сейчас тревожат. Что за страхи живут в сердце.

— Он жив, — тихо ответил Леонард. — Архольд жив и относительно здоров. По крайней мере, ему лучше, чем тебе сейчас. Рычит, ругается и к тебе рвётся. С трудом удалось успокоить.

«Спасибо», — одними губами прошептала в ответ и улыбнулась.

— Всё хорошо, — сдержанно повторил Лео. — А теперь, спи... Заставила ты нас поволноваться, Селина.

«Прости...»

Я почти сразу провалилась в сон. Перед глазами в хаотичном порядке закружили серые хлопья снега, больше похожие на пепел, завертелись, унося меня в сладкое забытие без сновидений.

Когда я очнулась в следующий раз, в покоях было всё так же темно. Но на этот раз ощущения были совсем иного порядка. В углу озорно поблескивал огонь в камине. Я слышала, как пламя жадно пожирало сухие поленья, заставляя их жалобно трещать и

взвиваться вверх яркими искрами.

Лекарь был прав, мне действительно стало легче. Не идеально, но я хотя бы могла чувствовать своё тело.

Аккуратно пошевелив пальцами на руках, счастливо вздохнула.

Как же это страшно быть беспомощной.

А в следующую секунду я едва не заорала, когда вдруг от стены отделилась чёрная тень и метнулась ко мне.

Один удар сердца. Всего один, чтобы понять, чьи руки обняли и с силой прижали к себе, согревая своим теплом, чей голос произнёс моё имя.

— Сэм... Сэм...

Тело еще плохо слушалось, но я могла поднять руку и ласково коснуться напряжённых плеч и улыбнуться сквозь слёзы, прохрипев едва слышно:

— Живой.

Быстрые невесомые поцелуи, собирающие слёзы с моих щек, будто это были драгоценные камни, сбивающие и без того тяжелое дыхание. Тихий смех и страх, что это может быть сон, наваждение, вызванное потерей силы.

— Сэм, — долгий поцелуй в губы и снова объятья, горячие ладони на спине и затылке.

— Живой, — снова прошептала в ответ.

— Как же ты меня испугала... Любимая моя, единственная.

Мне так хотелось, чтобы Дерек продолжал. Так приятно слышать эти слова и всё равно мало. Хотелось еще, но усталость давала о себе знать: заныли мышцы и заболела шея.

Не знаю, как Дерек почувствовал это. Но он вдруг отстранился и бережно уложил меня на подушки, помогая принять сидячее положение. Почти сразу схватил за руку, поднося её к лицу и медленно целуя раскрытую ладошку.

— Я тебя испугала?

Его лицо плохо видно в сумраке комнаты, свет от камина падал на его спину, еще больше погружая в тень черты. Лишь глаза ярко блестели.

— Очень. Разве можно было так рисковать?

Губы в перерывах между словами продолжали целовать ладошку, вызывая сладкое покалывание во всём теле.

— Я не могла иначе. Не могла тебя потерять. Но я почти не помню, что произошло. Всё как в тумане.

Архольд некоторое время молчал. Было видно, как тяжело ему даются слова. Поцелуи закончились и теперь он просто выводил указательным пальцем на моей руке витиеватые узоры.

— Знаешь, мне всё-таки придётся подружиться с твоим братом... Он спас тебя. И этот поганец знает, что теперь я готов на многое закрыть глаза, — с тихим смешком закончил муж.

— Никто тебя не заставляет.

Дерек мотнул головой, и тёмная прядь упала на глаза.

— Я так хочу. Он прервал контакт, не дал тебе погаснуть. Я готов отдать все сокровища Архольдов в обмен за эту помощь. Всё золото мира. Ты дороже всего, Сэм. Дороже самой жизни.

— Я так боялась тебя потерять, — прошептала едва слышно, освобождая ладошку и касаясь щеки, ощущая приятную колкость щетины.

— Не потеряешь, — мужчина повернулся и снова поцеловал ладонь. — Никогда не потеряешь. Я больше не отпущу тебя от себя ни на шаг.

— А я тебя, — тихо рассеялась в ответ, но почти сразу посерьёзнела. — Тот искрящийся.

— Сэм...

— Я имею право знать. Он ведь обманул, да?

— Да, — на его скулах заходили желваки, и я обессиленно опустила руку вниз.

— Его допросили?

Дерек сразу понял, что именно я хочу услышать и что так просто не сдамся.

— Клод и Алвира. Он устроил обвал, она заплатила Зейну за ложь. Маленькую ложь. Хватило пару часов, чтобы мои силы кончились и спасти уже было некого. А потом моё тело можно было найти.

Сердце дрогнуло и сжалось от страха перед тем, что могло случиться, если бы царица не настояла тогда, если бы я осталась ждать в замке.

— И что теперь?

— Клод арестован. Теперь его судьбу будет решать высший суд. Алвира, — он отвернулся, словно боялся смотреть мне в глаза. — Она племянница Марлоу. Родная кровь... Девушка отправлена в дальнее поместье. Сейчас в столице идёт подготовка к свадьбе Алвиры с одним из князей в хорийских топах... ты же понимаешь, что по-другому не получится?

Мне всё равно. Лишь бы они больше не отравляли нам жизнь, — призналась ему.

— Это я могу тебе обещать. Селина, — осторожно начал Дерек и нахмурился. Я по голосу поняла, что его что-то тревожит. — Мне сказали, что здесь была Адония и вы разговаривали.

— Да, я знаю, что вы, — я запнулась, не зная, какое слово подобрать для их отношений, чтобы было не так больно. — Встречались.

— Её ребёнок... он не мой. Я клянусь тебе, что это не моя дочь. Да, мы встречались, но всё это в прошлом. Теперь всё будет по-другому. Я никогда тебя не предаю.

— Обещаешь?

— Да. Я тебе обещаю!

Я кивнула и постаралась улыбнуться.

Прошлое надо оставить в прошлом. Теперь мы вместе. Четыре года уже потеряны, зачем увеличивать этот срок, играя на руку врагам и недругам.

— Селина? — тёплая ладонь легла мне на живот. — Ты сказала всем, что беременна.

Я сглотнула и тяжело кивнула.

— Сказала, — голос звучал сипло и незнакомо.

— Лекари, осматривающие тебя, сказали, что беременности нет.

Великие, я не знала, что испытала в этот момент. С одной стороны, радость, сейчас было не время для ребёнка и ещё неизвестно, как бы на него повлияло последнее происшествие. А с другой стороны, это была грусть и тоска. Иметь ребёнка от Дерека, темноволосого черноглазого малыша с пухлыми щечками и беззубым ртом. Разве это не счастье?

— Я не столь наивна, чтобы поверить, что после одной ночи может появиться малыш, — ответила ему.

— Ты бы хотела? — Рука мужа всё еще была на моём животе. — Хотела бы иметь ребёнка? Нашего ребёнка?

И взгляд, проникающий в самую душу.

— А ты?

Тихий смешок и признание, рвущее мне сердце.

— Да. И как можно скорее. Это еще одна возможность удержать тебя рядом со мной,

— признался мужчина. — Я не отпущу тебя, Сэм. Никогда не отпущу. Ребёнок это еще один якорь, который навсегда нас свяжет, — признался Архольд.

— Глупый. Это единственная причина?

— Нет. Я хочу смотреть на тебя. Видеть, как постепенно округляется твой живот, как тяжелеет тело, вынашивая ребёнка, как наливается грудь, как ты будешь смешно ходить, переваливаясь как уточка. Хочу чувствовать его движение под своей рукой,

— перечислял муж, вызывая у меня яркий румянец на щеках. — Хочу видеть, как ты кормишь нашего ребёнка. Ты же будешь его кормить, Сэм? — голос упал до шепота, и я уже едва дышала от жаркого смущения и неожиданно вспыхнувшего желания.

— Дерек, — возмущенно пробормотала в ответ.

— Аристократы обычно нанимают кормилиц, опасаясь за фигуру или просто не желая посвящать себя ребёнку. А ты, Сэм? Как поступишь ты?

— Для начала мне надо хотя бы забеременеть.

— Ты не переживай, за этим дело не станет, — Дерек вновь поймал мою ладошку и поднес к губам. — Я буду очень стараться.

— Сумасшедший.

— Я просто очень сильно люблю тебя. И всегда буду любить.

Будет.

Я знала, что непременно будет и не сомневалась в нас и том будущем, что ждало впереди.

Эпилог

Май в этом году был жарким и очень душным. Вот уже неделю солнце совсем не повесеннему палило, грозя уничтожить всходы и посевы.

Как же сильно не хватало дождя, его прохладной неги и живительной влаги.

Я встала со скамейки и подошла к резной колонне беседки. Сейчас это было моё любимое место, рядом с небольшим прудом, в тени густых деревьев. Но даже тут можно было заметить следы засухи: пожелтевшая и жухлая трава, поникшие и завядшие бутоны цветов.

Дерек почти всё время проводил в разъездах, помогая арендаторам, улучшая и модернизируя старую систему орошения, построенную его дедом лет тридцать назад. Я так скучала по нему, что иногда казалось, что уже не выдержу и брошусь за ним следом. Но нельзя.

Рассеяно провела ладонью по гладкой поверхности перилл, чувствуя каждый изгиб и неровность.

Во всём надо искать плюсы. Так, например, в связи с тяжелыми погодными условиями и работе на полях, нас освободили от обязанности присутствовать на балу по случаю свадьбы леди Алвиры и князя Томаша, которая состоялась два дня назад.

Я много думала о том, что двигало этой красивой девушкой. Что заставило любовь сменить на ненависть? Причем эта злоба была такой силы, что вынудила её попытаться убить того, кого она когда-то боготворила. Разве это настоящие чувства? Я не знала и не могла понять Алвиру, как ни старалась. Может дело в юности, импульсивности и максимализме, но это её не оправдывало.

Для меня они ведь с Клодом тоже готовили сюрприз. Убийца уже был найден, задаток передан, шелковая нить приготовлена. Я держала свою несостоявшуюся удавку в руках, буквально силой заставила Дерек показать её мне. Неприятные ощущения. Гладкая шелковая лента и смертельное оружие в умелых руках. Останься я в замке тем днём, убийца бы сделал своё чёрное дело, разом оборвав две жизни — мою и Дерек, ведь более некому было его спасти.

Суд над Клодом был быстрым. Молодого человека лишили всех регалий и приговорили к пожизненному заключению на каторге.

Вздвогнув, отошла от колонны, потирая переносицу. От духоты вновь заболела голова и заняли виски. Я до сих пор помнила, как громко кричала его старшая сестра. Графиня Гари устроила самую настоящую истерику с битьем ваз и швырянием предметов. Даже её супругу с трудом удалось успокоить жену. Конечно же, женщина обвинила во всём нас. Какими проклятиями Зиния сыпала, какие беды посылала, страшно представить. Я её не винила, но и простить Клода не могла. Каждый из них получил по заслугам.

После приговора лорд Аргонор слёг. Врачи делали всё возможное, но он почти перестал вставать с постели и отказывается от еды. Сейчас пожилой мужчина находился на полном нашем попечении, ему были выделены личные покои в замке, и я была полна решимости возродить его к жизни. И кажется, мне удалось достучаться до этого лорда, сообщив ему свой самый сокровенный секрет. Только вот, наверное, для остальных, он уже не такой большой, как мне бы хотелось.

Жули Корвил больше не появлялась в замке, хотя её свекровь частенько навещалась в гости, стремясь поделиться великими знаниями и умениями с Одетт. Золовка эти дни пыталась спастись в тайных проходах и почти оттуда не вылазила. Сдаётся мне, у девушки где-то оборудован укромный уголок с припасами, одеждой и тёплыми вещами. В любом случае, Дерек почти сразу находил её и заставлял заниматься. Совсем скоро её надо будет выводить в свет, а манеры сестры герцога оставляли желать лучшего.

Царица уехала из замка сразу после нашего разговора и больше не появлялась. Мы не обсуждали с Дерек её появление, даже не вспоминали. Я надеялась, что не вспоминали. Прошлое я готова была забыть, но будущее. Оно принадлежало мне, даже в мыслях.

На небольшом круглом столике стоял запотевший стеклянный графин, в котором был лимонад с кубиками льда.

Налив себе немного в высокий стакан, я сделала глоток и хмыкнула.

В последнее время слуги стали очень обходительны. Они и раньше окружали меня вниманием, считая спасительницей герцога и героиней, но сейчас их забота стала просто удушающей. Если прибавить к этому неожиданную покладистость Одетт и странные улыбочки мамы (я почти сразу стала так называть леди Эннию), то кажется, я где-то выдала себя.

Хруст гравия под ногами заставил меня дёрнуться и резко обернуться.

- Так и знал, что найду тебя здесь, — легко взбегая по ступенькам, произнёс супруг.

Великие, мы не виделись целых два дня и две холодные бессонные ночи. Как же я соскучилась по нему.

- Дерек, — выдохнула едва слышно и тут же бросилась в его объятия.

Мужчина прижал меня к себе, целуя в нос, губы, и закружил, приподняв над полом.

- Как же я соскучился, Сэм.

- И я.

Как же мне его не хватало. Сейчас даже говорить не хотелось. Просто стоять, обнимая, чувствуя его сердце под своей рукой, вдыхать аромат его тела.

- Ты как себя чувствуешь? — ставя меня на пол, поинтересовался Архольд.

- Отлично, — улыбнулась в ответ. — Но, кажется, нас раскрыли.

У меня долго не получалась забеременеть. А мы старались, очень сильно старались, получая от процесса настоящее удовольствие. Но проходил месяц, второй, третий и ничего. Я уже начала бояться, что со мной что-то не так.

- Ты слишком много придаёшь этому значению, заикливаешься, — говорил Дерек, пытаясь меня успокоить. — У нас всё будет. Обязательно будет. У нас вся жизнь впереди.

А когда всё-таки это случилось, долго не могла поверить, плакала и смеялась. А еще заставила супруга пообещать, что мы никому не скажем. Это будет наш секрет. Только наш! Пусть долго скрывать его не получится, но я так боялась спугнуть это призрачное счастье.

Но все же, не смотря на все мои усилия, они догадались.

- Раскрыли? — переспросил Дерек.

— Да.

- Может, дело в твоём скачущем настроении? — усмехнулся мужчина.

Он сел на скамейку и усадил меня к себе на колени, привычно зарываясь носом в волосы, покрывая лёгкими поцелуями шею, лаская чувствительное местечко за ушком.

- Я стала совсем невыносима? — тихо спросила у него и шумно втянула воздух, когда рука Дерек легла на грудь и осторожно сжала. Сейчас эта часть тела стала очень чувствительной.

- Немножко... — с груди ладонь опустилась на талию, погладила ягодицу и потянула вверх подол платья. — Сэм?

- Дерек!

- Я соскучился.

- Но не здесь же.

- Раньше ты не возражала.

- А если кто увидит? — глаза закрывались сами собой, дыхание сбивалось, а внизу живота уже ныло от желания.

- Не увидит, — дорожка из поцелуев опустилась ниже, влажный язык лизнул ложбинку между грудей.

- Может, пойдём в спальню?

- Не дойдём.

- Дерек, — простонала в ответ, когда ладонь, забравшись под юбку, накрыла бедро и стало пробираться дальше.

- Да, моя хорошая... Всё, что угодно.

Не знаю, каких сил это стоило, но мне удалось вскочить с его колен и отбежать на пару шагов в сторону, на ходу поправляя платье.

- Не здесь.

Тяжелый чёрный взгляд и плотоядная ухмылка, от которой все сжималось внутри.

- Сэ-э-э-эм, играешь со мной?

Я покачала головой, чувствуя, как пылают щеки, и взгляд упал на конверт, который одиноко лежал на другой стороне скамейки.

- Я получила письмо от Айолы.

- И что?

- Она через месяц приезжает в Сангориа. Ты же не против, если она остановится у нас?

— Нет.

- Её сопровождают тётя и две кузины, — многозначительно протянула я.

- Пусть и они остаются в гостях, — смилостивился Дерек, продолжая пожирать меня многообещающим взглядом.

- Им с Иваром, наконец, разрешили пожениться.

- Рад за них. Сэм, иди ко мне, — голос упал на пару тонов и бархатной волной прошёл по телу, вызывая сладкую дрожь.

- Я хотела бы отпраздновать свадьбу у нас в замке!

- Чью свадьбу?

- Айолы и Ивара. Они же здесь никого не знают. А свадьба — это такой праздник, они столько лет к нему шли, столько выстрадали, чтобы получить это разрешение. Ты же не против?

- Я не против. Это всё?

— Да.

- Тогда иди ко мне, — тихо произнёс муж. — Я обещаю быть очень аккуратным и осторожным. Нас никто не увидит... ты же скучала по мне, жена?

- Очень, — я шагнула ему навстречу, замороженная голосом.

- И я очень, — усаживая меня к себе на колени, шепнул он. — Кстати, твой дорогой братец тоже через месяц собирается к нам.

- Зачем? — подставляя шею для поцелуев, выдохнула я.

- Дела, — быстро развязывая шнуровку и освобождая грудь, ответил Дерек. — Ох, Сэм... Как же я скучал. Эти два дня были настоящей мукой для меня... Больше не отпущу тебя от себя... Никогда.

Никогда.

Какое это оказывается прекрасное слово.